ОПИСАНІЕ

ЧЕРНАГО МОРЯ и ТАТАРІИ,

составилъ

доминиканецъ Эмиддіо Дортелли д'Асколи,

префектъ Каффы, Татаріи и проч.

1634.

Одесса.
«Экономическая» типографія и литографія, Почтовая, 43.
1902.

Печатано по опредѣленію Императорскаго Одесскаго Общества Исторіи и Древностей.

Вице-Президентъ *А. Л. Бертье-Делагардъ.*

Секретарь *А. И. Маркевичъ.*

(Отдѣльный оттискъ изъ XXIV т. Зап. Имп. Од. Общ. Ист. и Др.).

ОПИСАНІЕ

Чернаго моря и Татаріи,

СОСТАВИЛЪ

доминиканецъ Эмиддіо Дортелли д'Асколи,

префектъ Каффы, Татаріи и проч.

1634.

Въ 1891 году, въ 5-ой книгѣ *«Чтеній въ Историческомъ Обществѣ Нестора лѣтописца»*, г. Дашкевичъ издалъ любопытнѣйшее *«Описаніе Черноморья»* (т. е., точнѣе говоря, *«Чернаго моря и Татаріи»*), до того неизвѣстное. Это описаніе, составленное наблюдательнымъ и ученымъ доминиканцемъ Дортелли д'Асколи, прожившимъ болѣе десяти лѣтъ въ Крыму въ началѣ XVII вѣка и, что не часто бываетъ, знавшимъ мѣстные языки (турецкій, греческій и армянскій), имѣетъ весьма большое значеніе для исторіи края, давая подробныя любопытныя свѣдѣнія о татарахъ, черкесахъ, козакахъ, ихъ сосѣдяхъ и ихъ взаимныхъ отношеніяхъ, а въ особенности о самомъ Крымѣ въ глухую и темную малоизвѣстную пору его жизни. По обилію даваемыхъ свѣдѣній, ихъ точности, подробности и достовѣрности въ отношеніи Крыма, столь бѣднаго документами о его историческихъ судьбахъ, это описаніе займетъ выдающееся мѣсто, не только не уступая, но и во многомъ превосходя лучшія, наиболѣе полныя извѣстія столь прославленныхъ и всѣмъ намъ знакомыхъ Броневскаго и Боплана: первый на полъ вѣка предшествовалъ нашему автору, но былъ въ Крыму недолго, да и то посломъ,—лицомъ примѣтнымъ и во всемъ подозрѣваемымъ; второй писалъ почти одновременно съ д'Асколи, но въ Крыму вовсе не былъ. Не смотря на свои крупныя достоинства, наше *«Описаніе»* осталось, однако, мало замѣченнымъ и, повидимому, не вошло въ обиходъ историческихъ справокъ, что, конечно, надо приписать изданію его на одномъ итальянскомъ языкѣ, не всѣмъ доступномъ, къ тому же переполненномъ устарѣлыми выраженіями, провинціализмами и заимствованіями изъ народныхъ говоровъ Крыма, татарскаго и греческаго.

Всѣмъ сказаннымъ, мнѣ кажется, достаточно объясняется и оправдывается мое давнее стремленіе добыть хорошій русскій переводъ этого описанія, нынѣ и предлагаемый вниманію читателей. Прямое мѣсто такому переводу именно въ нашихъ *«Запискахъ»*, хотя-бы уже потому, что *«Описаніе Татаръ»*, составленное товарищемъ и спутникомъ д'Асколи, Джіованни да-Лукка (Giovanni da Lucca), но пробывшимъ меньше времени въ Крыму, давно переведено, снабжено примѣчаніями и помѣщено въ нашихъ-же *«Запискахъ»* тогда еще, когда у насъ былъ обычай печатать переводы наибо-

лѣе рѣдкихъ и выдающихся сочиненій старинныхъ иностранныхъ писателей о югѣ Россіи [1]). Обычай тѣмъ болѣе хорошій, что онъ для многихъ восполнялъ или незнаніе языка или, еще чаще, чрезвычайную библіографическую рѣдкость подлинниковъ; толковыя примѣчанія къ переводамъ давали возможность понимать многія темныя выраженія переводимыхъ авторовъ тѣмъ, кому были мало доступны изслѣдованія на мѣстахъ.

Какъ ни былъ желателенъ переводъ «*Описанія*» д'Асколи по всѣмъ этимъ основаніямъ, но выполнить его удалось только теперь, когда оказалось возможнымъ привлечь къ тому дѣйствительнаго знатока итальянскаго языка, вполнѣ русскаго, но для котораго итальянскій языкъ не только материнскій, но и языкъ его ученыхъ степеней. Увѣренъ, что всякій пользующійся настоящимъ переводомъ будетъ вспоминать большой и неблагодарный трудъ переводчика съ признательностью.

Н. Н. Пименовъ съ готовностью приложилъ большія старанія для возможно точной передачи подлинника, а затѣмъ мы вмѣстѣ почти слово за слово, всесторонне провѣряли переводъ, выясненію котораго не мало способствовало то обстоятельство, что онъ писался на самомъ мѣстѣ дѣятельности д'Асколи въ Крыму, гдѣ всего доступнѣе было добывать смыслъ многихъ, совершенно невразумительныхъ мѣстъ подлинника. Переводъ мы старались сдѣлать возможно буквально-точнымъ, даже по внѣшнему расположенію рѣчи; ничто не пополнялось и не выяснялось въ самомъ текстѣ; всѣ сомнительныя мѣста, а также и собственныя имена по первому разу приведены въ скобкахъ, точно, по подлиннику; собственныя имена, чтобы были примѣтнѣе, подчеркнуты. Написаніе и произношеніе ихъ удержано авторское, и только въ рѣдкихъ случаяхъ оказалось нужнымъ пояснить ихъ современнымъ написаніемъ, настолько все это и само понятно.

Не трудно видѣть, что въ переводахъ подобныхъ сочиненій буквальная передача словъ автора во многихъ случаяхъ еще далеко недостаточна для вразумительнаго пониманія; къ такимъ мѣстамъ даны разъясненія въ примѣчаніяхъ, сдѣланныя частью Н. Н. Пименовымъ (отмѣчены Н. П.), частью мною (отмѣчены А. Б. Д.). Число этихъ примѣчаній можно было-бы, безъ большаго труда, значительно увеличить; но я не видѣлъ надобности множить ихъ, разъясняя вещи извѣстныя и понятныя всякому знакомому съ главнѣйшими источниками исторіи нашего края.

Краткая сущность «*Описанія*» была пересказана г. Дашкевичемъ по русски въ предисловіи къ изданію подлинника; этотъ пересказъ, если

---

[1]) Зап. Импер. Одесскаго Общества Истор. и Древн. 1879 г., т. XI, 473 и далѣе. Переводъ не совсѣмъ исправенъ, хотя-бы уже потому, что былъ сдѣланъ не съ подлинника, а съ французскаго перевода; теперь, быть можетъ, представится возможность возобновить его.

сравнить его съ настоящимъ переводомъ, быть можетъ, всего лучше свидѣтельствуетъ о томъ, что и переводъ и вызванныя имъ примѣчанія не будутъ безполезны; нѣсколько подробнѣе на то-же указано въ 14-мъ примѣчаніи.

Къ прекраснымъ біографическимъ свѣдѣніямъ о д'Асколи и его трудѣ, даннымъ г. Дашкевичемъ, не могу ничего прибавить, кромѣ развѣ того, что самое имя д'Асколи указываетъ мѣсто его родины — городъ Асколи. Съ этимъ именемъ въ Италіи извѣстны два города: одинъ Ascoli Picene, довольно большой городъ въ Мархіи, древній Asculum Picenum, лежащій верстахъ въ 90 южнѣе Анконы; другой меньшій, Ascoli di Satriano, но столь-же древній, въ Апуліи, въ нынѣшней Капитанатѣ, верстахъ въ 30 южнѣе Фоджіи. Особенности рѣчи нашего автора не указываютъ, изъ какого именно онъ города, а иныхъ свѣдѣній не имѣется; надо полагать, что изъ перваго.

А. Бертье-Делагардъ.

1-го января 1902 г.,
г. Ялта.

Описаніе Чернаго моря и Татаріи,

составилъ доминиканецъ Эмиддіо Дортелли д'Асколи, префектъ Каффы, Татаріи и проч.

1634.

Descrittione Del Mar Negro & della Tartaria

per il D. Emiddio Dortelli d'Askoli, Zett. Dom.: Prefetto del Caffa, Tartaria &c.

1634.

Любопытство и жажда знанія присущи человѣку, какъ всякому извѣстно. *Аристотель* сказалъ въ началѣ своей метафизики: «omnis homo natura scire desiderat»,—ибо человѣкъ знающій говоритъ, а говоря—самъ совершенствуется, другихъ же поучаетъ и услаждаетъ. Всякій, по естественной склонности, если только онъ не завистливъ, направляетъ свои мысли къ тому, чтобы предъявлять другимъ собственныя познанія — о чемъ учитъ мудрый *Соломонъ* въ главѣ 7-ой своей «Книги Премудрости»: «quam sine fictione didisi, et sine invidia communico» [1]). Все это для яснаго пониманія вопросовъ, касающихся ума, такъ какъ человѣкъ именуется животнымъ интеллектуальнымъ и разумнымъ, или же относящихся къ предметамъ, чѣмъ-либо приносящимъ существенную пользу, какъ напримѣръ, вопросы о медицинѣ, человѣческаго здравія ради.

Но также бываетъ, иногда, одинаково желательно узнать о свойствахъ и обычаяхъ мѣстностей и людей, и тѣмъ сильнѣе, чѣмъ оные менѣе извѣстны и болѣе отдалены отъ насъ. Нынѣ я состою въ префектурѣ города *Каффы* въ *Татаріи* уже десять лѣтъ и потому имѣлъ неоднократно случаи совершать плаванія по *Черному* морю. [2]) Хотя моему званію несвойственно заниматься историческими изысканіями и описаніями мѣстностей, тѣмъ не менѣе, я,—уже составивъ пространный словарь со всякими именами, глаголами, нарѣчіями, изрѣченіями, описаніями обрядовъ, вопросами и необ-

ходимыми отвѣтами касательно души и святой церкви на четырехъ языкахъ: итальянскомъ, греческомъ, турецкомъ и армянскомъ, для восточныхъ миссіонеровъ; написавъ краткій сводъ всѣхъ тѣхъ догматовъ, которые были противны ученію св. римско-каѳолической церкви, съ ихъ основами и опроверженіемъ оныхъ, знаніе которыхъ необходимо для тѣхъ же миссіонеровъ,—счелъ не лишнимъ удовлетворить любознательность желающихъ имѣть свѣдѣнія о вышеупомянутыхъ странахъ и потому написалъ эту книгу. Сначала поговоримъ о *Черномъ* морѣ, а затѣмъ, морскимъ путемъ, переправимся въ *Татарію*.

Описаніе Чернаго моря.

Это море имѣетъ ту особенность, что носитъ три названія. Оно именуется *Чернымъ* (*negro*), *Главнымъ* (*maggiore*) и *Понтійскимъ* (*Pontico*), такъ какъ (по словамъ Философа): «*Primum, quod de unaquaq re sciendum est, est illud quod per nomen importatur*». Поэтому слѣдуетъ знать, что оно зовется *Понтійскимъ*, по имени одной изъ рѣкъ, впадающихъ въ него, а именно нынѣшней *Трабизонды* (*Trabisonda*), нѣкогда называвшейся *Понтомъ* (*Ponto*), самое извѣстное и знаменитое мѣсто въ тѣхъ краяхъ; посему море издревле и называлось *Понтійскимъ*[3]). Объ этомъ имени такъ упоминается въ житіи св. папы *Климента*: «*Clemens, trans Mare Ponticum, in solitudinem Urbis Persona relegatus est*», и тамошніе люди сообщаютъ мнѣ, что тѣ края понынѣ хранятъ названіе *Понта*, отъ котораго, какъ сказано, море именуется *Понтійскимъ*[4]).

Главнымъ (*maggiore*) оно зовется потому, что является какъ-бы отцемъ, т. е. источникомъ и снабдителемъ водъ для всѣхъ прочихъ морей, въ него-же не вливается ни одно море. Оно имѣетъ одинъ выходъ въ видѣ канала длиною въ 18 миль, черезъ который, миновавъ *Константинополь*, вливается въ *Архипелагъ*, а затѣмъ въ самый океанъ. Замѣчательно то, что въ него впадаютъ величайшія рѣки *Европы* (*Europa*), какъ-то: *Даннубій* (*Dannubio*), по турецки *Тура* (*Tura*)[5]), *Нипро* (*Nipro*), по турецки *Озу* (*Osu*), столь широкій, что снаряды артиллерійскихъ орудій не долетаютъ съ одного берега на другой; по немъ спускаются польскіе козаки на своихъ чайкахъ (Saiche) для опустошенія *Чернаго* моря; *Танаи* (*Tanai*), вытекающій изъ *Московіи* (*Moscovia*); по немъ пробираются въ это море тамошніе козаки съ тою же цѣлью, о чемъ дальше будетъ сказано болѣе подробно. Есть еще много другихъ рѣкъ, текущихъ изъ *Ромеліи* (*Romelia*), *Татаріи* (*Tartaria*), *Чиркасіи* (*Circasia*), *Менгреліи* (*Mengrelia*) и *Азіи* (*Asia*), а между тѣмъ *Черное* море имѣетъ лишь одинъ выходъ, а именно *Константинопольскій* проливъ, который по ширинѣ и глубинѣ не превышаетъ *Даннубій* (*Dannubio*) или *Нипро* (*Nipro*)[6]).

Мы не желаемъ быть убѣжденными въ томъ, что это великое море порождаетъ, сквозь скрытые подземные каналы, большія рѣки, текущія въ другіе далекіе края, хотя въ св. писаніи и сказано: «*flumina de Mari exeunt*[7]); быть можетъ здѣсь лучше видѣть исполненіе приказанія, даннаго Вѣчною Премудростью всѣмъ морямъ въ псалмѣ 103: «*Terminum posuisti, quem non transgredientur nec convertentur aperire terram*»[8]). Но, какъ глаголетъ имъ тотъ-же Богъ Всемогущій устами Іова въ 38-ой главѣ: «*usque huc venies, et non procedes amplius, et hic confringes tumentes fluctos tuos*»[9]).

Это море можетъ называться *Главнымъ* также по высотѣ своего мѣстоположенія; по своему уровню оно выше всякаго другого моря. Наоно зовется *Чернымъ* и это названіе самое употребительное, не потому, что въ немъ, какъ иные быть можетъ полагаютъ, черный песокъ, яко-бы дающій водѣ черную окраску; такъ-же ошибочно пишутъ и о Красномъ морѣ. Песокъ въ обоихъ моряхъ одинаковый, самъ по себѣ бѣлый. На самомъ-же дѣлѣ вóды *Чернаго* моря какъ бы темнѣе другихъ по причинѣ глубины онаго. Эта глубина такова, что волны не разбиваются, но поднимаются кверху, на подобіе горъ. *Черное* море кажется таковымъ потому, что плавающимъ по немъ рѣдко приходится видѣть небо яснымъ, а лишь всегда облачнымъ; оно постоянно какъ-бы задернуто «*чернымъ плащемъ*», почему его скорѣе слѣдовало-бы называть «*моремъ чернокнижниковъ*», чѣмъ моремъ торговцевъ или путешественниковъ[10]).

Но, говоря по правдѣ, оно весьма справедливо, прибѣгая къ метономіи, именуется чернымъ по своимъ чернымъ дѣйствіямъ. Мѣстоположеніе этого моря высокое, вслѣдствіе чего на немъ нѣтъ недостатка въ вѣтрахъ и буряхъ[11]); къ тому-же оно узко, со многими, но малонадежными стоянками, да и тѣ неудобно расположены. Вотъ почему ежедневно слышишь о томъ или другомъ суднѣ, разбившемся о какую-либо скалу; такъ что отъ этого моря впрямь помрачаются сердца плавающихъ по немъ и весьма часто помрачаются сердца и чернѣютъ одѣянія ихъ родственниковъ[12]). Но, если *Черное* море было всегда сердитымъ, съ древнихъ временъ, то теперь оно несравненно чернѣе и страшнѣе, по причинѣ многочисленныхъ чаекъ (saiche), все лѣто опустошающихъ море и сушу. На крайнихъ предѣлахъ *Руссіи* (*Russia*), провинціи подвластной *Полоніи* (*Polonia*), есть скалы и лѣса, образующіе какъ-бы островъ на рѣкѣ *Нипро* (*Nipro*), по турецки *Озà* (*Osà*), какъ сказано выше[13]). Эти *Росси* (*Rossi*), называемые иначе козаками (Cosacchi), дабы мстить татарамъ, ежегодно набѣгавшимъ на нихъ съ цѣлью грабежа, стали въ послѣдніе 30 лѣтъ спускаться, на выдолбленныхъ челнахъ (*legni concavi*) и хорошо вооруженные, по этой самой великой рѣкѣ *Озà*, отъ которой и получили прозвище «*Озà козакъ*» (*Osà Cosach*), въ *Черное* море, причиняя не мало вреда прибрежнымъ мѣстамъ *Татаріи* и проливу *Чернаго* моря. На морѣ они завладѣвали сначала ма-

леньными судами и, поощряемые удачей въ своихъ предпріятіяхъ, съ каждымъ годомъ стали забирать все бо́льшія суда и въ бо́льшемъ количествѣ и, наконецъ, дошли до того, что 10-ть лѣтъ тому назадъ 300 слишкомъ челновъ вышли въ море и сразились съ цѣлымъ флотомъ падишаха (Gran Signore). По словамъ всѣхъ очевидцевъ, если-бы въ день битвы была тихая погода, то ни одна галера не вернулась-бы обратно, такъ какъ козаки уже было завладѣли кормовою частью адмиральской галеры; но, при поднявшейся сильной бурѣ, галеры могли двинуться противъ непріятеля на всѣхъ парусахъ и тѣмъ потопить нѣсколькихъ[14]). Однако, съ тѣхъ поръ и по сіе время, до 30, 40 и 50-ти челновъ спускаются ежегодно въ море и въ битвахъ причиняютъ столь жестокій вредъ, что берега всего *Черназо* моря стали совсѣмъ необитаемы, за исключеніемъ нѣкоторыхъ мѣстностей, защищенныхъ хорошими крѣпостями. Козаки разрушаютъ, грабятъ, жгутъ, уводятъ въ рабство, умерщвляютъ; часто осаждаютъ укрѣпленные города, берутъ ихъ приступомъ, опустошаютъ и выжигаютъ, подобно тому какъ въ прошломъ году они сдѣлали въ *Юзлеве* (*Jusleve*)[15])— единственный укрѣпленный ханскій городъ, изъ котораго козаки похитили все, что нашли, а затѣмъ подожгли и самый городъ, четверть котораго, самая торговая часть, сгорѣла. Иногда они идутъ днемъ и ночью, углубляясь внутрь страны, чтобы разграбить какое нибудь богатое мѣсто; такимъ образомъ четыре года тому назадъ въ *Каразіо* (*Carasio*)[16]), т. е. въ самомъ центрѣ *Татаріи*, козаки разграбили и сожгли множество лавокъ, убивая всѣхъ имъ попадавшихся; такая участь постигла даже нѣкоего армянскаго священника; съ ними бѣжало болѣе 150 рабовъ. Но на сушѣ они еще не причиняютъ столько бѣдъ; на морѣ-же ни одинъ корабль, какъ бы онъ ни былъ великъ и хорошо вооруженъ, не находится въ безопасности, если, къ несчастью, встрѣтится съ ними, особенно въ тихую погоду. Козаки стали такъ отважны, что не только при равныхъ силахъ, но и 20 чаекъ не побоятся 30-ти галеръ падишаха, какъ это видно ежегодно на дѣлѣ; дѣйствительно, 3 года тому назадъ козаки забрали 2 галеры и преслѣдовали остальныя[17]).

Эти чайки длинноваты, на подобіе фрагатовъ (fragate)[18]), вмѣщаютъ 50 человѣкъ, идутъ на веслахъ и подъ парусами. Дабы онѣ могли выдерживать жестокія бури, ихъ обвязываютъ вокругъ бортовъ соломой, поддерживающей ихъ на водѣ[19]). Козаки избираютъ изъ своей среды начальника, называемаго атманъ (Atman), которому они оказываютъ невѣроятное послушаніе и покидаютъ или смѣщаютъ его, смотря по его поведенію. Если ему счастье поможетъ въ предпріятіяхъ, если таковыя окажутся блестящими и достойными похвалы, то ихъ записываютъ для напечатанія. Между козаками есть много поляковъ, которые по причинѣ вражды удаляются къ нимъ, живя и раздѣляя съ ними счастье и несчастье. Однимъ

словомъ, козаки наводятъ такой страхъ не только въ *Татаріи* и всемъ *Черномъ* морѣ, но и въ *Константинополѣ*, что изъ за нихъ тамъ вооружаютъ ежегодно флотъ, частью или весь. Также по ихъ поводу, ставши падишахомъ, султанъ *Османъ* (*Osman*), 13 лѣтъ тому назадъ, затѣялъ войну съ поляками и лично повелъ безчисленное войско. Но свѣтлѣйшій *Вуладиславо* (Serenissimo *Vuladislao*), при помощи тѣхъ же козаковъ, одолѣлъ и разбилъ его на голову[20]). Въ этомъ году султанъ *Муратъ* (*Murat*), теперешній падишахъ, попытался воевать по той-же причинѣ и двинулъ было два сильныхъ войска, думая лично стать во главѣ ихъ; но потомъ, по милости Божіей, послѣдовалъ желанный миръ, причемъ условіемъ договора было впредь не допускать козаковъ на ихъ чайкахъ къ морю[21]). Но трудно будетъ соблюсти подобное условіе, такъ какъ сами поляки, въ виду малодоступности мѣстопребыванія козаковъ, окажутся не въ силахъ укротить ихъ, если только козаки добровольно не прекратятъ свои набѣги, чему я не вѣрю, ибо они бѣдны и доказали, что «*aquae furtivae sunt dulciores*»; если-бы свѣтлѣйшій король польскій назначилъ имъ хорошую плату, но— «*hoc opus, hic labor*»—ихъ много. Есть еще другіе козаки, московскіе, сходные съ польскими, которые спускаются по *Танаи* (*Tanai*); на морѣ и на сушѣ они поступаютъ, какъ прочіе.

Тѣ и другіе козаки очень дружны между собою, хотя ихъ государи ожесточенно воюютъ другъ съ другомъ. Утверждаютъ даже, что среди московскихъ козаковъ есть много польскихъ, и это правдоподобно, такъ какъ *московы* (*Moscovi*) по природѣ трусливы и весьма робки (codardi et timidissimi), малоопытны въ военномъ искусствѣ, а козакамъ необходимо имѣть большой навыкъ и львиное сердце (cuor di leone)[22]).

Прибавимъ еще, что въ Черномъ морѣ, имѣющемъ лишь одинъ настоящій выходъ или устье, есть 2 ложныхъ прохода, недалеко отъ настоящаго, по обѣимъ сторонамъ его. Зачастую судамъ, направляющимся во тьмѣ ночной къ настоящему устью, приходится оставлять грузъ и путниковъ между двухъ скалъ[23]). Весьма нерѣдко также случается, что бывающіе на высотахъ пастухи разводятъ въ темныя ночи огонь, по необходимости или изъ хитрости, а моряки, принимая этотъ огонь за маякъ, правятъ прямо на него, но оказываются вскорѣ обманутыми; тогда пастухи спускаются и грабятъ. Итакъ, по причинѣ дурныхъ портовъ, козацкихъ чаекъ, ложныхъ выходовъ, заключаютъ, что это море весьма справедливо должно называться *Чернымъ*; опасаюсь даже, какъ-бы по этому не пришлось въ скоромъ времени совсѣмъ прекратить плаваніе по немъ, не взирая на богатства и блага, доставляемыя этимъ моремъ.

Произведенія *Черназо* моря, привозимыя въ *Константинополь*, многочислены, а именно: пшеница изъ *Варны* (*Varna*), *Кіели* (*Chieli*)[24]), *Балчика* (*Balcich*) и другихъ мѣстъ и морскихъ стоянокъ придунайской *Ромеліи*,

добываемая въ такомъ количествѣ, что ея хватаетъ на все Черное море и на самый Константинополь.

Рыба, особенно морона (*Morone*)[25], подобная осетру; ловится на *Дону*, въ *Азакѣ* (*Asach*) или *Танѣ* (*Tana*)[26], но всего больше въ *Воспро* (*Vospro*) и у береговъ *Каффы*, такъ что для одной *Венеціи* солятъ ежегодно болѣе 200 бочекъ этой рыбы, подъ названіемъ пастарія (*Pastaria*); сверхъ того изготовляютъ копченыя части, называемыя мидіэ (*Midie*), состоящія изъ верхней мякоти той-же рыбы съ лучшею частью—спинною сердцевиной (*Medolo*), болѣе вкусной, чѣмъ брюшная часть (*Tarantello*)[27].

Соль, обильно нагружаемая въ *Татаріи для Константинополя* и всего *Чернаго* моря. Масло, по большей части нагружаемое въ *Тамани* (*Taman*) или *Матригѣ* (*Matriga*),—главный портъ *Чиркасіи* (*Circasia*), подвластный турецкому падишаху и управляемый кафскимъ пашей. Это масло привозится изъ скиѳской *Татаріи* (*Tartari Schithi*), граничащей съ *Азакомъ* и съ *Чиркасіей* и находящейся по ту сторону этой *Татаріи*[28]. Икра (*Caviale*), изготовляемая въ *Тумнехѣ* (*Tumnech*), день пути отъ *Тамани*, внутри *Чиркасіи*[29]; но въ *Азахѣ* или *Танѣ* икра гораздо вкуснѣе. Этого продукта хватаетъ не только на всѣ мѣста *Татаріи* и *Чернаго* моря, но также на *Константинополь* и на острова *Архипелага*; *Хіосцы* (*Sciotli*) пріѣзжаютъ ее закупать. Во всѣхъ морскихъ стоянкахъ *Татаріи* нагружаютъ много судовъ воловьими и буйволовыми кожами, доставляемыми оттуда также въ *Италію* (*Itatia*), *Фландрію* (*Fiandra*), *Англію* (*Inghilterra*) и *Францію* (*Francia*).

Изъ *Татаріи*, *Чиркасіи* и *Менгреліи* (*Mengrelia*) доставляютъ въ *Константинополь* много рабовъ. Но со всѣмъ тѣмъ торговцы *Чернаго* моря богатѣли и богатѣютъ въ двухъ главныхъ морскихъ стоянкахъ, болѣе чѣмъ въ другихъ. Одна изъ нихъ *Аббаза* (*Abbasa*), приморскій городъ *Чиркасіи*, стоитъ на самой границѣ *Менгреліи*, такъ что подъ именемъ *Абазы* посѣщаютъ и мингрельскія стоянки[30]). Туда пріѣзжаютъ въ іюлѣ или въ августѣ торговцы изъ *Константинополя*, *Татаріи* и другихъ мѣстъ *Чернаго* моря, ибо въ это время тамъ бываетъ какъ-бы ярмарка, на которую привозятъ домашнюю утварь ручной работы, дешевыя матеріи для одежды и много копченой рыбы изъ *Татаріи*, такъ какъ въ ихъ морѣ нѣтъ рыбы. Купцы-же вывозятъ оттуда отличный медъ, прекрасныя нитки для выдѣлки полотна, но довольно простого, рабовъ, воскъ и получаютъ такую прибыль, что затратившій 100 реаловъ выручаетъ 300. Торговля происходитъ на судахъ и каждый купецъ на нихъ-же сбываетъ свой товаръ: на берегу онъ подвергся-бы грабежу, ибо мѣстные люди — одна шайка воровъ. Если-же кому изъ крупныхъ купцовъ приходится идти по торговымъ дѣламъ въ городъ, то онъ предварительно требуетъ на судно одного изъ жителей въ качествѣ заложника, дабы ему самому не подвергнуться оскорбленію. Въ эту морскую стоянку ѣздятъ не ежегодно, вслѣдствіе запрещенія падишаха, ибо тамошніе князья не желаютъ ему платить дань (caraggio)[31]), а онъ не можетъ подчинить ихъ своей власти, потому что стоянки морского прибрежья опасны. Въ случаѣ нужды эти князья снаряжаютъ пословъ и тогда разрѣшается туда ѣхать.

Другой портъ *Тана*, по турецки *Азакъ*, въ книгахъ и на картахъ пишутъ *Ассаувъ* (*Assauv*), подвластенъ падишаху[32]). Онъ гораздо важнѣе *Аббазы*, ибо тамъ закупаютъ въ большомъ количествѣ превосходную икру (caviale), бѣлугу (morone) и иную копченую рыбу по такой дешевой цѣнѣ, что невозможно повѣрить; иной, затративъ 100 реаловъ, наживаетъ 300, даже 400; въ прошломъ году нѣкій *Николай Капо* (*Capo Nicolo*), изъ *Кіоджи* (*Chiozza*), по матери именующій себя также изъ *Кандіи* (*Candia*), судно котораго разбилось во время бури, продалъ товара на 20 цехиновъ; съ этими деньгами снова отправился въ *Тану* и выручилъ до 300 реаловъ, отсчитавъ издержки на прожитіе[33]).

Однако путешествіе въ *Тану* весьма затруднительно по причинѣ находящихся тамъ многочисленныхъ мелей, не пропускающихъ большія суда и того менѣе галеры; къ тому-же море очень узко и при всякой небольшой даже бурѣ суда выбрасываются на берегъ или садятся на мель. Кромѣ того московскіе козаки наблюдаютъ за судами, сторожатъ проходы и, хотя хозяева старательно разузнаютъ, когда именно козаки проплыли въ Черное море, тѣмъ не менѣе очень часто бываетъ, что суда неволею попадаются имъ въ руки, подвергаясь разграбленію и рабству; турокъ (Tourchi) убиваютъ, христіанамъ предоставляется выкупиться, если только они сами не покупали рабовъ; въ такомъ случаѣ ихъ убиваютъ безпощадно, какъ и было въ прошломъ году со многими армянами. Нѣтъ сомнѣнія, что *Тана* выиграла-бы безконечно, если-бы оттуда прорыли углубленіе для перехода къ *Волгѣ* (*Volga*); въ такомъ случаѣ можно было-бы выручать большія деньги[34]).

Ѣдущіе въ *Тану* на зимовку зарабатываютъ гораздо больше, потому что тогда добывается много рыбы, купцовъ нѣтъ, народъ бѣденъ и за кусокъ хлѣба зимующіе могутъ имѣть, что захотятъ.

Черное море длинно и узко[35]). Ширина его между главными морскими стоянками *Европы* и *Азіи*, т. е. отъ *Каффы* (*Caffa*) до *Синопа* (*Sinopi*), 200 миль[35,b]), а въ другихъ мѣстахъ отъ *Европы* до *Азіи* или, какъ говорятъ турки, отъ *Ромеліи* до *Анатоліи* (*Anatolia*), не болѣе 300 миль. Длина моря, по общему мнѣнію знающихъ моряковъ, равняется 1500 милямъ, а окружность его 3000. Однако, считая разстояніе отъ стоянки до стоянки, какъ со стороны *Азіи*, такъ и со стороны *Европы*, море оказывается не столь длиннымъ; хотя мы и не желаемъ сказать, что не слѣдуетъ начинать измѣреніе его длины отъ *Константинопольскаго* пролива, но, такъ какъ *Черное* море со стороны *Ромеліи* сворачиваетъ влѣво, сильно выда-

ваясь наружу, какъ ясно видно на картахъ, то, если измѣрить длину отъ этого дальнѣйшаго берега до противуположнаго, т. е. наискось къ *Менгреліи*, длина моря можетъ легко достигнуть вышеупомянутыхъ размѣровъ[35,c]). Для большей ясности мы опишемъ всѣ морскія стоянки одну за другою, указывая разстоянія между ними.

Начнемъ съ *Азіи*, которая у турокъ называется *Анатоліей* (*Anatolia*), вѣрнѣе *Анадоліей* (*Anadolia*), что значитъ мать отягченная (gravida) или наполненная (piena), по причинѣ плодородія и богатства всей этой страны[36]). Отъ *Константинополя* до *Кіэрпе* (*Chierp.*) — 100 м.[35,e]). Это незначительное мѣстечко, гдѣ нагружаютъ дрова для *Константинополя*. Отъ *Кіэрпе* до *Регли* (*Regli*)—100 миль. Это древній, уже разрушенный городъ, съ греческою надписью на очень высокой стѣнѣ. При входѣ въ одни изъ воротъ стоитъ прекрасная мраморная гробница, очень искусно обдѣланная со всѣхъ сторонъ и поддерживаемая двумя столбами, также мраморными. На нижней сторонѣ гробницы, сбоку отъ изголовья, видно не искусствомъ человѣка сдѣланное отверстіе. Разсказываютъ, что у нѣкоего царя была единственная возлюбленная дочь, у которой, по рѣшенію оракула, послѣ ея смерти, змѣя должна была съѣсть сердце. Такъ какъ дѣвушка преждевременно скончалась въ ту пору, когда отецъ собирался выдать ее за-мужъ, то огорченный родитель, во избѣжаніе роковой судьбы, заказалъ вышеупомянутую гробницу. Тѣмъ не менѣе змѣя, поднимаясь еженощно по одному изъ столбовъ, просверлила своими острыми зубами отверстіе, способное ее пропустить, и съѣла нѣжное сердце царственной дѣвы. Отъ *Регли* до *Мастры* (*Mastra*) или, какъ пишутъ карты, *Фамастры* (*Famastra*), разрушеннаго города генуэзцевъ, о чемъ ясно свидѣтельствуютъ надпись и имена на прибрежныхъ воротахъ — еще 100 миль[37]). Въ этомъ городѣ видны остатки великолѣпнѣйшихъ дворцовъ; одинъ изъ нихъ, судя по величинѣ и полировкѣ камней, видимо былъ построенъ безъ извести. Есть также мраморная колонна, весьма толстая и высокая, засыпанная землей и какъ-бы искусственно разсѣченная по срединѣ. Проѣзжающіе *турки* камнями и молотками откалываютъ отъ нея осколки и собираютъ даже пыль, разсказывая, что эта колонна была, будто-бы, затронута и разсѣчена мечемъ *Хазрети-Хали* (*Hasret-Hali*), ставшаго главнымъ послѣ *Магомета*, а ему Богъ даровалъ очень острый двуконечный мечъ (spada con due punte)[38]); у турокъ и понынѣ есть обычай возлагать деревянные двуконечные мечи на погибшихъ въ бою отъ рукъ христіанъ. Мраморную пыль они уносятъ домой и употребляютъ ее, какъ средство противъ лихорадки. Однако, мнѣ вовсе не вѣрится, что арабъ *Хазретъ-Хали* былъ въ этихъ краяхъ; достаточно было кому нибудь распустить первый слухъ объ этомъ; вѣдь турокъ легко вѣритъ сказкамъ.

Отъ *Мастры* до *Кедроса* (*Chedros*)—50 м. Отъ *К.* до *Инаполи* (*Inapoli*)—

еще 50 миль; здѣсь нѣтъ ничего хорошаго. Отъ *Инап.* до *Синопи* (*Sinopi*) —200 миль. Здѣсь прекрасная гавань, точно каналъ, и тутъ строятъ ежегодно множество судовъ, а также галеры; но онѣ выходятъ слишкомъ тяжелыя. Материкъ образуетъ мысъ, къ которому можно свободно причалить во всякую бурю. *Синопъ* очень важная стоянка для всѣхъ ѣдущихъ изъ этой части *Азіи* и изъ *Персіи* на противуположный берегъ *Татаріи*, въ *Каффу*, совершая переходъ въ 200 миль[35,d]).

Отъ *Синопа* море уклоняется вправо, идя до *Бавры* (*Baura*)—50 миль, отъ *Б.* до *Сампсона* (*Sampson*)—50 миль, отъ *Сампсона* до *Уніи* (*Unia*)—80 миль, отъ *У.* до *Вуоны* (*Vuona*)—70 миль, отъ *В.* до *Кіерессонды* (*Chieressonda*) —70 миль, отъ *Кіер.* до *Триполи* (*Tripoli*) — 35 миль. Здѣсь производятъ весьма тонкія вина, съ мускуснымъ (muschio) запахомъ[39]). Отъ *Трип.* до *Каролы* (*Carola*)—20 миль, отъ *К.* до *Діополя* (*Diopoli*) — 10 миль, отъ *Д.* до *Фероса* (*Feros*)—столько-же, отъ *Фер.* до *Трабизонды* (*Trabisonda*)—45 миль. Эта мѣстность изобилуетъ винами, фруктами и апельсинами. Отъ *Траб.* до *Сурмы* (*Surma*) — 20 миль, отъ *С.* до *Ризе* (*Rise*)—40 миль, отъ *Р.* до *Гоніи* (*Gonia*)—100 миль. Въ этой странѣ виноградныя и фруктовыя рощи, но люди злы и придирчивы; эта страна зовется также *Азо* (*Aso*), а обитатели и въ самомъ дѣлѣ ослы (*Asini*)[40]). Отъ *Гоніи* до *Фашіи* (*Fascia*)—80 миль. Всѣ вышеупомянутыя стоянки подвластны *Турціи*; но отъ *Фашіи* начинаются владѣнія христіанъ, а именно *Джіорджіанъ* (*Giorgiani*), съ узкой береговой полосой и воинственными жителями, несущими на знаменахъ изображеніе св. *Георгія*. Отъ *Фашіи* до *Скаври* (*Scauri*)—еще 80 миль. Страна именуется *Менгреліей* (*Mengrelia*). Между этими двумя стоянками море закругляется и поворачиваетъ къ *Каффѣ*. Князь *Менгреліи* пребываетъ въ *Тадіанѣ* (*Tadian*) и самъ называется *Тадіаномъ* (*Tadian*)[41]). Ея берега сильно защищены густыми лѣсами, въ коихъ растенія, пока еще молоды, сплетаются и образуютъ какъ-бы крѣпчайшую стѣну. Отъ *Скавры* до *Скуртіи* (*Scurtia*)—10 миль[35,f]), отъ *С.* до *Эски-Согуна* (*Eschi-Sogun*) — 20 миль[35,g]), отъ *Эски-С.* до *Дервена* (*Derven*)—40 миль[35,h]), отъ *Д.* до *Аббазы* (*Abbasa*)—50 миль[35,i]), отъ *Аббазы* до *Маматалы*—50 миль[35,j]), отъ *М.* до *Кіеленчика* (*Chielencich*)—150 миль, отсюда 6 миль до *Буюкъ-Лимана* (*Buiuch-liman*)[35,k]). Отъ *Буюкъ-Лимана* до *Варды* (*Varda*) — 30 миль[35,l]), отъ В. до *Тамани* (*Taman*) или, какъ пишутъ карты, *Матриги* (*Matriga*)—100 миль. *Тамань* или *Мадрика* (*Madrica*) составляетъ крайній предѣлъ съ той стороны *Азіи*. Построенная генуэзцами, она состоитъ теперь подъ управленіемъ кафскаго паши, помѣщается на островѣ и называется островомъ въ началѣ *Чиркасіи*, обойти который можно въ одинъ день, по морю и двумъ рѣкамъ. Внутри города находятся два замка, взаимно защищающіеся со стороны материка, стоящіе недалеко, даже близко одинъ отъ другого, но построены и расположены они такъ искусно, что не могутъ стрѣлять

другъ въ друга, такъ какъ одинъ смотритъ прямо, а другой въ сторону. Два года тому назадъ въ этомъ городѣ по случаю дождей сдѣлался обвалъ; подъ землей найдено нѣсколько исполинскихъ тѣлъ. Это зрѣлище было показано султану, единоутробному брату нынѣшняго хана, возвращавшемуся изъ *Чиркасіи*. Султанъ пожелалъ въ знакъ памяти отвезти въ *Татарію* плечевую кость, отъ локтя до плеча, длиной въ 4 пальмы, которую нельзя было обхватить двумя большими руками, и вѣсившую 18 окъ,—око $2^1/_2$ нашихъ фунтовъ; значитъ вѣсъ этой кости равнялся 54 ф.[42]). Ханъ приказалъ повѣсить ее на толстой веревкѣ надъ дверью своего сераля; я самъ съ большимъ трудомъ повѣрилъ-бы этому, если-бы не видѣлъ собственными глазами. Но,—пора продолжать начатое нами путешествіе, такъ какъ намъ еще остается обозрѣть ту часть *Европы*, которую турки и греки называютъ *Ромеліею*—можетъ быть по имени города *Константина Великаго*, т. е. *Константинополя*, прозваннаго *Новымъ Римомъ*, почему и смежныя страны зовутся *Ромеліей*, на подобіе того, какъ окрестности стараго *Рима*, зовутся *Романьей* (*Romagna*)[43]). Итакъ, плавая вдоль береговъ *Ромеліи* и начиная отъ *Константинополя*[44]), мы находимъ въ 50 миляхъ *Омидію* (*Omidia*), отъ *Ом.* до *Гнады* (*Gnada*) — столько-же, отъ *Г.* до *Аѳанаты* (*Athanata*)—45 миль, отъ *А.* до *Кристоса* (*Christos*) — 15 миль[35,m]), отъ *К.* до *Сизополя* (*Sisopoli*)—10 миль, отъ *С.* до *Пороса* (*Poros*) —10 миль, отъ *П.* до *Миссеуврiи* (*Misseuvria*)—18 миль, отъ *М.* до *Эмоны* (*Emona*)—18 миль, отъ *Эм.* до *Варны* (*Varna*)—60 миль, отъ *В.* до *Бальчика* (*Balcich*)—18 миль, отъ *Б.* до *Каурны* (*Caurna*)—10 миль, отъ *К.* до *Кіелевріи* (*Chielevria*) — столько-же, отъ *К.* до *Банкаліи* (*Bancalia*) — 50 миль, отъ *Б.* до *Кіосте* (*Chioste*)—36 миль, отъ *К.* до *Кара-Армана* (*Cara-Arman*) —36 миль, отъ *К.* до *Бортиціи* (*Bortitia*)—18 миль, отъ *Б.* до *Кетестеса* (*Chetestes*)—18 миль[35,n]), отъ *К.* до *Селины* (*Selina*)—40 миль, отъ *Сел.* до *Кіели* (*Chieli*)—50 миль, отъ *К.* до *Акримана*—50 миль, отъ *Акримана*, т. е. противъ крымской *Татаріи*, какъ будетъ сказано въ описаніи оной, прямымъ путемъ до *Юзлеве* (*Juslew*), первой стоянки *Татаріи* — 250 миль. Отъ *Юзлеве* до *Балукъ-лавы* (*Baluch-laua*) — 100 миль, отъ *Б.* до *Узруфа* (*Usruf*)—100 миль, отъ *У.* до *Каффы* (*Caffa*)—100 миль, отъ *К.* до *Воспро* (*Vospro*) — 100 миль; это крайняя грань пути со стороны *Ромеліи*. Отъ *Воспро* до *Тамани* (*Taman*) въ *Азіи* — 18 миль. Есть еще мысъ св. *Іоанна* въ *Татаріи*, отъ него до *Тамани* неболѣе 6 миль. Таково круговое плаваніе; прямымъ-же путемъ отъ залива *Константинополя* до *Юзлеве* — 550 миль, а отъ *Константинополя* до *Каффы*—700 миль[35,d]). Но, при видѣ такого количества морскихъ стоянокъ всякій скажетъ съ удивленіемъ: почему-же плаваніе по этому морю такъ затруднительно? Отвѣтъ готовъ: всѣ вышеупомянутыя стоянки, хотя и многочислены, но въ бурю онѣ вообще малодоступны и расположены среди крутыхъ скалъ, не выдаваясь

въ море; удобныхъ-же очень мало. По азіатскому пути только и есть, что *Синопъ* и *Трабизонда*, да одинъ *Біюкъ-лиманъ* со стороны *Менгреліи*. По ромелійскому пути имѣется лишь *Кара-Арманъ*[45]). Въ *Татаріи* — одна *Балаклава* представляетъ вполнѣ хорошій портъ, единственный во всемъ *Черномъ* морѣ, но во время бури трудно доступный; въ него можно войти лишь попутнымъ вѣтромъ, такъ какъ онъ находится между двухъ высокихъ скалъ, а проходъ настолько узокъ, что галерѣ не пройти съ выброшенными веслами[46]). Приходится входить извилисто (serpendo); за то въ немъ, какъ въ ваннѣ, могутъ удобно помѣститься и 300 галеръ. Объ этой самой *Балукъ-лавѣ* мы будемъ говорить подробно въ нижеслѣдующемъ описаніи *Татаріи*.

Теченіе моря направляется къ *Константинополю* и *Ромеліи*. Масса воды значительна, а устье единственнаго пролива узко и не можетъ ее пропустить, поэтому вода, достигши устья *Константинопольскаго* пролива, частью проникаетъ въ него, частью-же, отражаясь, поворачиваетъ обратно къ *Азіи*. Такимъ образомъ можно держать путь по теченію, отъ *Ромеліи* или *Европы* до *Константинополя* и оттуда, вдоль *Анатоліи* или *Азіи*, на протяженіи 500 миль, до *Синопа*[47]).

Наконецъ, вокругъ *Чернаго* моря говорятъ на восьми языкахъ, а именно: греческомъ (Greco), турецкомъ (Turco), татарскомъ (Tartaro), чиркасскомъ (Circasso), аббазскомъ (Abbasa), менгрельскомъ (Mengrelo) и армянскомъ (Armeno)[48]). Хотя татарскій языкъ имѣетъ сходство съ турецкимъ, а аббазскій съ чиркасскимъ, тѣмъ не менѣе они таковы, что различныя племена, говоря каждое на родномъ языкѣ, другъ друга не понимаютъ.

Описаніе Татаріи и сказаніе о ней того-же Д. Эмиддіо ди Асколи.

Въ этомъ краткомъ обзорѣ я не намѣренъ говорить о великой азіатской *Татаріи*, находящейся въ *Скиѳіи* (*Scithia*), гдѣ возсѣдаетъ *Агдеръ-Канъ* (*Agder-Kan*), что значитъ царь *Драконъ* (*Dragone*)[49]), откуда вышли *Тамбурланъ* (*Tamburlano*) и другой, величавшій себя бичемъ Божіимъ,—подразумѣваю великаго *Аттилу*, пришедшаго опустошить *Европу*. Здѣсь рѣчь идетъ о сарматской (*Sarmata*) *Татаріи*, гдѣ пребываю уже 10 лѣтъ. Это полуостровъ, находящійся на крайнихъ предѣлахъ *Европы*, со стороны сѣвера и подъ звѣздой *Т.* Эта *Татарія* зовется *Крымской* (*Crimea*) и *Перекопской* (*Praecopensis*). Крымской *Татарія* называется отъ древняго города *Крыма* (*Crim*), нынѣ разрушеннаго. Приблизительно въ 20 миляхъ отъ *Каффы* стоятъ почти въ цѣлости стѣны этого города, имѣвшаго значительную окружность. Такъ до сихъ поръ стоятъ большія красивыя ворота искусной работы изъ мрамора, совершенно уцѣлѣвшія. Внутри

стѣнъ видно еще учебное зданіе, называемое метрезе (Metrese), съ персидскою надписью на воротахъ, потому что они владѣли этимъ городомъ и ихъ купцы находились тамъ еще до основанія генуэзцами *Каффы* и другихъ городовъ *Татаріи*. Благодаря торговымъ сношеніямъ и взаимнымъ выгодамъ, они сначала дружили съ генуэзцами, но со временемъ повздорили съ ними, можетъ быть потому, что видѣли, какъ генуэзцы слишкомъ быстро богатѣли и тѣмъ отнимали у нихъ заработокъ; отъ этого усилилась ихъ зависть и они возненавидѣли соперниковъ; но генуэзцы, обладавшіе всегда большими денежными средствами, войдя въ соглашеніе съ татарами и сдѣлавъ вмѣстѣ съ ними жестокое нападеніе, уничтожили ихъ[50]). Городъ красиво расположенъ на небольшомъ возвышеніи, пользуется прекраснымъ воздухомъ и обильно снабженъ чистѣйшею водой. По близости находится могила татарина, слывущаго святымъ. Ханы или цари Татаріи, желающіе подъ старость отпустить себѣ бороду,—ранѣе они носятъ одни усы, съ большимъ торжествомъ и съ многочисленной свитой направляются къ этой святынѣ и тутъ рѣжутъ великое множество овецъ и быковъ въ жертвуприношеніе, называемое курбанъ (Curban), при чемъ молятъ Бога о ниспосланіи имъ здравія и долговѣчности. Всякій привѣтствуетъ хана съ «Бомбарески» (Bombareschi), что означаетъ съ благополучіемъ[51]). Затѣмъ, его главные приближенные дарятъ ему красиваго коня или драгоцѣнный сосудъ; онъ отвѣчаетъ тѣмъ-же и даруетъ свободу многимъ рабамъ. Въ этой мѣстности есть много ханскихъ могилъ, ибо въ былое время хановъ хоронили въ городѣ *Крымъ*; но теперь ихъ погребаютъ въ *Бакчіа-Сараѣ* (*Bacchia-Sarai*), обычномъ мѣстопребываніи хановъ.

Въ окрестностяхъ этого города произрастаютъ душистые цвѣты и цѣлебныя травы. Ежегодно, отъ весны и до іюля, бываетъ большой съѣздъ со всѣхъ концовъ *Татаріи* для пользованія ваннами изъ горячей воды съ цвѣтами и травами, исцѣляющими человѣка отъ многихъ недуговъ[52]). Окрестности богаты фруктами и овощами. Вблизи *Крыма*, въ двухъ миляхъ отъ города, на лѣсистой возвышенности, находится армянская церковь во имя Животворящаго Креста или, какъ они говорятъ, сурпъ-качъ (Surp Cac), привлекающая многочисленныя толпы богомольцевъ[53]); тутъ-же вкуснѣйшая родниковая вода. Этотъ храмъ, достойный *Рима*, и много высокихъ каменныхъ жилищъ широкихъ размѣровъ построены были братьями—армянами, которые и погребены въ церкви.

Татарія называется также *Прекопской* (*Precopense*) отъ замка *Прекопе* (*Precope*), по турецки *Оръ* (*Or*), служащаго ей какъ-бы дверью или ключемъ[54]); поэтому *Татарія*, собственно говоря, не островъ, какъ ее вообще называютъ, ибо въ нее можно проникнуть сухимъ путемъ.

Окружность *Татаріи*—700 миль. Изъ четырехъ ея сторонъ три, начиная отъ вышеупомянутаго *Прекопе*, омываются моремъ, а четвертая

сторона примыкаетъ къ Меотійскимъ болотамъ, край которыхъ находится въ 15 миляхъ отъ того-же замка. Эти 15 миль составляютъ сушу и въ старину тамъ были очень большіе рвы, вплоть до *Прекопе*, такъ что, входя въ *Татарію* или выходя изъ нея, нельзя было миновать этотъ городъ[55]). Нынѣ-же татары, живя безстрашно и слывя грозными, дали засыпаться этимъ рвамъ; всякому стало возможнымъ входить или выходить, не опасаясь замка. Такъ и было 7 лѣтъ тому назадъ, когда *Кандемиръ* (*Candemirro*), знатный татаринъ-ногаецъ, ушелъ со своими людьми этимъ самымъ путемъ отъ султана *Шiангирая* (*Sciangirai*), брата *Махметгирай*-хана, хотѣвшаго лишить его жизни. Почти годъ спустя, самъ *Махметгирай* воспользовался этимъ проходомъ, когда на него пошелъ новый ханъ *Замбекъ гирай* (*Zambechgirai*), присланный падишахомъ по наущенію того-же Кандемира; выходъ Махметъ гирая съ 12 приближенными черезъ перекопскій перешеекъ состоялся 20 дней спустя послѣ воцаренія хана *Замбекъ гирая*.

Извѣстно также, что купцы и другіе люди, идущіе сухимъ путемъ въ *Константинополь*, *Богданію* (*Boghdania*), *Полонію* (*Polonia*), проходятъ черезъ городъ и пригородъ *Оръ* или *Прекопъ* и тамъ снабжаются одеждой и съѣстными припасами на шесть дней степного (*alpestre*) пути, гдѣ сильно ощущается недостатокъ въ водѣ и очень часто встрѣчаются разбойники, татары и козаки, почему и принято пускаться въ этотъ путь многочисленнымъ и хорошо вооруженнымъ сборищемъ. Этотъ замокъ очень сильно укрѣпленъ и хорошо снабженъ орудіями и рвами. Есть еще другой путь для выхода изъ *Татаріи*, называемый *Арабаттa* (*Arabbatta*), насупротивъ города *Крыма* и на разстояніи одного дня пути отъ *Каффы*. Черезъ *Меотійскія* болота есть тропа, которою могутъ пользоваться знающіе дорогу. Но этотъ путь избѣгаютъ по причинѣ болотъ и пустынныхъ безлюдныхъ странъ, лежащихъ по ту сторону, опасныхъ отъ черкасскихъ и ногайскихъ разбойниковъ[56]).

По арабатскому пути вышелъ, 6 лѣтъ тому назадъ, султанъ *Шiангирай* съ 4.000 козаковъ въ то время, когда брату его, хану *Махметъ гираю*, измѣнилъ татарскій отрядъ, пошедшій цѣловать полу теперешнему новому хану Замбеку, тогда высадившемуся въ *Каффѣ*. Я уже изложилъ подробно исторію сверженія съ престола *Махметъгирая*, его насильственной смерти, невзгодъ его брата *Шiангирая* и переворотовъ въ *Татаріи*, но такъ какъ вышеупомянутое событіе отчасти касается ея судебъ, то я опишу его вкратцѣ[57]).

Двѣнадцать лѣтъ тому назадъ, нѣкій знатный черкасъ, зять хана *Махметъ гирая*, по вымышленному предлогу, умертвилъ одного изъ братьевъ *Кандемира*, который, за невозможностью тотчасъ отомстить убійцѣ, выжидалъ время и случай, наступившій 7 лѣтъ тому назадъ, когда *Махметъ*-

гирай отправился въ Черкасію покупать рабовъ; туда-же собрался и братъ *Кандемира—Салмаша* (*Salmascia*) [58]. Пройдя на шесть дней внутрь страны, ханъ ненадолго остановился вмѣстѣ съ вышеупомянутыми черкасами на отдыхъ; тѣмъ временемъ подоспѣлъ и его зять — черкасъ. Къ великому удовольствію хана, они пробыли вмѣстѣ восемь дней, обмѣнявшись подарками. Послѣ этого ханскій зять простился, чтобы вернуться домой, а *Салмаша* воспользовался этимъ случаемъ, собралъ нѣсколькихъ своихъ приверженцевъ заступилъ ему дорогу и отомстилъ проливъ его кровь. Узнавъ объ этомъ, ханъ сильно опечалился и прогнѣвался, отчасти потому, что онъ всѣмъ сердцемъ любилъ родственника, а также потому, что убійство случилось именно въ то время, когда онъ пришелъ навѣстить хана, но болѣе всего—вслѣдствіе неуваженія оказаннаго его особѣ и его зятю, пострадавшему за любовь къ хану. Видя, что *Салмаша* бѣжалъ, ханъ немедленно отправилъ гонца въ *Татарію*, къ *Шяингираю*, съ приказаніемъ схватить *Кандемира* и содержать его подъ вѣрной стражей, ибо это убійство могло быть совершено *Салмашою* лишь по совѣту старшаго брата. *Шяингирай*, вмѣстѣ со многими приближенными, неотложно принялся за дѣло, но ничего не достигъ, такъ какъ *Кандемиръ*, заблаговременно узнавъ отъ *Салмаши* объ успѣхѣ, ушелъ изъ *Татаріи* черезъ *Оръ* или *Прекопе*. Сильно озлабленный неудачей, *Шяинъ гирай* захватилъ всѣхъ женъ обоихъ братьевъ, съ ихъ имуществомъ, рабами и скотомъ, обращаясь съ ними крайне жестоко [59]). *Кандемиръ*, въ свою очередь возмущенный такимъ поступкомъ, обратился къ падишаху въ *Константинополь* съ доносомъ, указывая предательство *Шяингирая*, его сношенія съ козаками, ихъ совмѣстныя орудованія, направленныя противъ падишаха, дурное управленіе *Михметъ гирая*, преувеличивая подробности и т. д., при чемъ онъ вызвался доставить ихъ обоихъ въ руки падишаха, если только ему дадутъ на то порученіе.

Падишахъ помнилъ пріемъ, полученный отъ нихъ 4 года до того, когда на основаніи разныхъ зловѣщихъ донесеній противъ ихъ обоихъ, а особенно *Шяингирая*, рѣшилъ смѣстить ихъ, снарядивъ въ Татарію новаго хана, теперешняго *Замбекъ гирая*, со всѣми морскими силами. Тогда *Шяингирай*, во время у освѣдомленный, призвалъ 4000 козаковъ, которые подоспѣли къ нему нѣсколькими днями ранѣе прибытія флота. Такимъ образомъ, когда *Замбекъ гирай* высадился, по обыкновенію въ *Каффѣ*, то завязался бой, при чемъ *Шяингирай* съумѣлъ себя показать такъ, что изъ непріятельскаго флота перебилъ много воиновъ, а также много беевъ и командировъ галеръ; устрашенные остальные вынуждены были вернуться въ *Константинополь*, вмѣстѣ съ ханомъ, а городъ *Каффу* заставилъ поднести себѣ ключи, но немедленно-же возвратилъ ихъ [60]). Итакъ, падишахъ, вспоминая все вышеописанное, убѣдившись по опыту въ доблести *Кандемира*, охотно воспользовался случаемъ и далъ ему соотвѣтствующее при-

казаніе и порученіе, съ прибавленіемъ письменнаго повелѣнія всѣмъ и каждому оказывать ему надлежащую помощь и поддержку. *Кандемиръ* немедленно приступилъ къ исполненію приказа, на пути пополнилъ толпу своихъ приверженцевъ и направился въ *Татарію*. *Шяингирай* былъ извѣщенъ о походѣ *Кандемира*, но ничего не зналъ о его соглашеніи съ падишахомъ и поэтому думалъ, что у *Кандемира* лишь небольшія силы. Выступивъ изъ *Татаріи* на встрѣчу *Кандемиру* со многими храбрецами, онъ оставилъ половину ихъ по сю сторону ближайшей къ *Татаріи* рѣкѣ, т. е. *Озу* или *Нипро*, а съ остальными переправился на другой берегъ. Послѣ короткаго перехода онъ увидѣлъ шедшаго на встрѣчу съ немногими людьми *Кандемира*, который приблизился и, какъ бы приписывая подобную встрѣчу случайности, повернулъ назадъ бросившись бѣжать. *Шяингирай* подумалъ, что тотъ бѣжитъ со страху, и помчался за нимъ во весь опоръ, но, доскакавъ до нѣкоего лѣса, наткнулся на засаду, устроенную *Кандемиромъ*, и тутъ подвергся нападенію. Видя себя въ самомъ очагѣ измѣны, *Шяинъгирай* ускакалъ обратно съ 3-мя своими всадниками. Съ пути онъ отправилъ къ козакамъ вѣрнаго гонца съ письменною просьбой, прислать ему въ *Татарію* 4 или 5 тысячъ человѣкъ, хорошо вооруженныхъ, съ нѣсколькими небольшими орудіями, за что обѣщалъ имъ еще большее количество денегъ и подарковъ, чѣмъ прежде. Самъ-же поѣхалъ въ *Бахчасарай* (*Bacchciasarai*) къ хану, гдѣ и старался по возможности укрѣпиться, будучи увѣренъ, что *Кандемиръ* послѣдуетъ за нимъ. Дѣйствительно *Кандемиръ*, 12 дней спустя послѣ его прибытія въ *Бахчасарай*, перебивъ въ лѣсу многихъ его воиновъ, тоже подошелъ къ *Бахчасараю*, вмѣстѣ со всѣми своими ногайцами, находившимися при немъ, и тѣми, которые были внутри *Татаріи*; съ нимъ былъ также *Салмаша* со своими людьми. *Кандемиръ* осадилъ этотъ городъ и еще другой замокъ [61]), для защиты которыхъ *Шяингирай* располагалъ лишь двумя орудіями, поставленными на бахчасарайскихъ холмахъ. Ногайцы сильно не долюбливаютъ орудійный огонь; они боятся даже простого пищальнаго выстрѣла, а потому никогда не рѣшились-бы ворваться въ эти укрѣпленія, хотя имъ было-бы весьма легко завладѣть ими. Не расчитывая на помощь козаковъ, ногайцы рѣшили продлить осаду до тѣхъ поръ, пока осажденные сдадутся сами. Но вотъ, послѣ 28-ми дневной осады, пришли въ *Татарію* козаки, съ 4-мя малыми орудіями. Узнавъ, что они находятся на разстояніи одного дня пути отъ *Бахчасарая*, *Кандемиръ* снялъ осаду и двинулся противъ козаковъ съ цѣлью побѣдить ихъ и взять въ рабство, но козаки, сражаясь отважно и защищаясь, все шли впередъ, а въ 5-ти миляхъ отъ *Бахчасарая* стали стрѣлять изъ орудій. Услышавъ залпы, *Шяингирай* отвѣчалъ тѣмъ-же и всѣ радостно вышли изъ города встрѣчать козаковъ, а *Кандемиръ* и его ногайцы разсѣялись въ смятеніи.

Козаки были приняты очень радушно *Шяингиремъ* и ханомъ. Имъ было позволено водрузить козацкое знамя, съ изображеніемъ †, на стѣнѣ ханскаго дворца, какъ находящагося подъ ихъ охраной, потому что въ *Бахчасарать* все еще боялись ногайцевъ, тѣмъ болѣе что при нихъ находился другой султанъ, врагъ *Шяингирая*, который впослѣдствіи былъ умерщвленъ нынѣшнимъ ханомъ *Замбеки*. Но *Кандемиръ* вскорѣ прибылъ въ *Каффу* и изложилъ пашѣ намѣреніе падишаха, причемъ увѣрялъ его, что *Шяингирай* хотѣлъ взять *Каффу*, дабы отдать ее козакамъ, которымъ, кромѣ того, было обѣщано много рабовъ, почему и было-бы необходимо пустить въ городъ всѣхъ ногайцевъ для его защиты. Паша, одобривъ это предположеніе, призвалъ ногайцевъ въ *Каффу*; ихъ оказалось великое множество и вступленіе въ городъ людей съ сотнями и тысячами телегъ и скота длилось 3 дня, къ большому неудовольствію и страху жителей, помнившихъ, что случилось съ ними въ прошлый разъ [62]). Еще до окончательнаго вступленія ногайцевъ, козаки, которые, тотчасъ какъ прибыли, разбили и разсѣяли ихъ, настоятельно уговаривали *Шяингирая* идти по пятамъ ногайцевъ и не дать имъ вновь соединиться. *Шяингираю*-же, живо помнившему прошлое, никакъ не вѣрилось, чтобы *Кандемиръ* и его люди могли быть допущены въ *Каффу*; кромѣ того онъ полагался на свои добрыя сношенія съ пашой, пользовался его уваженіемъ и всегда въ письмахъ къ нему называлъ его отцомъ, старости ради, — пашѣ минуло 75 лѣтъ. По этимъ причинамъ *Шяингирай*, не послушавъ козаковъ, захотѣлъ, чтобы они отдохнули и освѣжились нѣсколько дней въ Бахчасараѣ, считая невозможнымъ для ногайцевъ ускользнуть изъ его рукъ. Между тѣмъ паша поспѣшилъ послать моремъ извѣщеніе къ падишаху о прибытіи въ *Татарію* столькихъ тысячъ козаковъ по приглашенію *Шяингирая* и объ ихъ присоединеніи къ нему, для взятія совмѣстными силами *Каффы* и передачи этого города козакамъ, причемъ единственною защитою города оставался *Кандемиръ* съ своими людьми. Въ виду этого паша просилъ прислать скорѣе войска на помощь и позаботиться объ избраніи новаго хана, такъ какъ теперешній оказался мятежникомъ. Удостовѣрившись въ дѣйствительномъ вступленіи *Кандемира* и *Салмаши* со многими ногайцами въ *Каффу*, *Шяингирай* сильно разсердился и 18 дней спустя, вмѣстѣ съ братомъ-ханомъ, козаками, крымскими татарами и нѣсколькими орудіями, явился передъ *Каффою* и тотчасъ далъ знать пашѣ, что ему не слѣдовало принимать чужихъ мятежныхъ подданныхъ, почему и требовалъ выдачи своихъ враговъ, угрожая, въ противномъ случаѣ, отобрать ихъ силой. Паша отвѣчалъ, что онъ впустилъ ногайцевъ въ городъ для того, чтобы тѣ не ушли, и что они неизбѣжно очутятся въ рукахъ *Шяингирая*, но самъ городъ принадлежитъ падишаху, почему паша и счелъ необходимымъ его увѣдомить обо всемъ, иначе городъ могъ-бы быть разгромленъ, а что ему,

Шяингираю, стоитъ лишь немного подождать и онъ непремѣнно получитъ свое. Ханъ и *Шяингирай* легко повѣрили этимъ словамъ, тѣмъ болѣе что паша, при ихъ силахъ, не могъ-бы неисполнить сказанное. Козаки возражали, совѣтуя не вѣрить, а ворваться въ городъ, разсчитывая на добычу; *Шяингирай* самъ былъ склоненъ къ тому-же, но ханъ все еще затруднялся, говоря, что онъ не помышляетъ о захватѣ владѣній падишаха. Такимъ образомъ они выставляли изо дня на день войска, на показъ, по высотамъ вокругъ *Каффы*, стрѣляя иногда изъ орудій на воздухъ, для устрашенія. Видя какъ дѣло затягивается, *Шяингирай* сталъ подозрѣвать, что войско падишаха пожалуй не прибудетъ, о чемъ онъ не заботился и даже ожидалъ этого, дабы пуститься въ новое предпріятіе. Онъ раздѣлилъ войска на три отряда: одинъ подъ начальствомъ хана Махметгирая съ его знатными вождями и обычною солдатчиной; другой, подъ предводительствомъ самого *Шяингирая*, съ козаками, а третій подъ начальствомъ *Мемета-Аги* (*Metel-Aga*), знатнаго крымскаго татарина, съ остальными татарами. Этотъ самый отрядъ стоялъ около морскаго берега, ближе другихъ къ городу, куда постоянно посылалъ требовать выдачи своихъ враговъ, на что оттуда отвѣчали просьбой потерпѣть еще немного, а тѣмъ временемъ осажденные держались на сторожѣ днемъ и ночью, для чего въ городъ были введены съ судовъ морскія команды съ пушкарями. Съ другой стороны *Кандемиръ*, также видя, что войско падишаха не показывается и что ханъ медлитъ, сталъ очень бояться и подозрѣвать христіанъ, находившихся въ городѣ. Поэтому онъ увѣрилъ пашу въ томъ, что будто бы получилъ нѣкое увѣдомленіе о посылкѣ христіанскими священниками (Papassi) письма *Шяингираю* съ просьбой войти въ городъ и съ обѣщаніемъ содѣйствовать ему, прибавивъ еще, что Шяингирай уже сдѣлался христіаниномъ. Паша легко повѣрилъ *Кандемиру* и тотчасъ велѣлъ заключить въ тюрьму всѣхъ отцовъ-священниковъ, греческихъ и армянскихъ, въ числѣ 30-ти человѣкъ. Я одинъ остался на свободѣ, отчасти какъ иностранецъ, а больше потому, что былъ любимъ пашой, природнымъ калабрійцемъ изъ *Поликарпо* (*Policarpo*), звавшимся *Махметъ-пашой* и женатымъ на султаншѣ [63]). Итакъ, онъ велѣлъ заковать всѣхъ этихъ бѣдныхъ отцовъ въ тяжелыя цѣпи, къ тюремнымъ дверямъ приставили стражу, не допускавшую никого изъ христіанъ переговариваться съ заключенными. Такъ они провели 5 дней. 28-го Іюня паша издалъ приговоръ, по которому всѣ отцы должны были быть повѣшены на слѣдующее-же утро. Цѣлую ночь приготовляли висѣлицы, которыя имъ и показывали. Но справедливый и милосердный Богъ не оставляетъ невинныхъ: на слѣдующее утро, въ день св. апостоловъ *Петра* и *Павла*, появились въ *Каффѣ* двѣ галеры съ извѣстіемъ о предстоящемъ и непремѣнномъ прибытіи до ночи флота и новаго хана; что дѣйствительно и сбылось. Священники получили

свободу за 800 реаловъ пени, безъ малѣйшаго съ ихъ стороны признака виновности. Новый ханъ *Замбекгирай* пріѣхалъ вечеромъ (nell'hora di Compieta)[64], т. е. въ 22-мъ часу[65], и тотчасъ былъ препровожденъ въ обычное жилище, находящееся въ предмѣстьи, внѣ *Каффы*, потому что ханамъ или царямъ *Татаріи* ни въ какомъ случаѣ, не разрѣшается ночевать въ *Каффѣ. Замбекгирай* провелъ ночь очень тревожно, хотя и подъ сильной охраной; никто не думалъ, что онъ будетъ такъ долго царствовать, а *Шяингирай* даже осмѣивалъ его. Когда наступило утро, всѣ ожидали кровопролитной битвы, какъ вдругъ на зарѣ *Меметъ-Ага*, который, быть можетъ, среди ночи былъ тайкомъ подкупленъ, пошелъ цѣловать полу новаго хана, вмѣстѣ съ знатнѣйшими татарами, и тѣмъ призналъ его своимъ законнымъ государемъ и повелителемъ; теперь *Маметъ-Ага* состоитъ визиремъ и на всѣ руки (factotum) въ *Татаріи*. Затѣмъ, тотчасъ-же возникъ ропотъ въ станахъ и въ полкахъ (squadroni) или, какъ говорятъ турки, въ таборахъ (Taburri) хана *Махмета* и *Шяина*, такъ что озадаченный *Махметгирай*, опасаясь худшаго, немедленно покинулъ свой таборъ[66], со всѣмъ военнымъ снаряженіемъ и снабженіемъ, и на добромъ конѣ, сопровождаемый 12-ю приверженцами, направился къ лѣсу и горамъ, гдѣ за всѣ 20 дней, проведенныхъ имъ еще въ *Татаріи*, его не могли найти. *Шяингирай*, видя, что одному ему ничего не сдѣлать, ушелъ со всѣми козаками и нѣсколькими орудіями, подъ прикрытіемъ надежныхъ укрѣпленій[67], по арабатской дорогѣ, гдѣ ему предстоялъ однодневный переходъ; если-бы онъ хотѣлъ уйти черезъ *Оръ* или *Прекопе*, то ему пришлось-бы идти цѣлыхъ длинныхъ пять дней, подвергаясь какой нибудь опасной встрѣчѣ. Перешедши на ту сторону, онъ набралъ себѣ много чиркасовъ. Его братъ *Махметгирай*, вышедшій потомъ черезъ *Прекопе*, соединился съ нимъ, а затѣмъ, изо дня въ день усиливаемый многими друзьями изъ *Татаріи*, снова собралъ большое войско, твердо рѣшивъ силою вернуться въ свои владѣнія. Они подошли къ *Прекопу* и тамъ образовали два стана: одинъ подъ начальствомъ *Махмет.*, съ татарами, чиркасами и нѣсколькими сотнями козаковъ; другой подъ начальствомъ *Шяин.*, съ козаками и небольшимъ числомъ чиркасовъ. Съ другой стороны, новый ханъ и *Кандемиръ*, съ ногайцами, были также вполнѣ наготовѣ; однако всѣ простояли нѣсколько дней, не вступая въ бой. *Махмет.* надѣялся, что многіе изъ крымскихъ татаръ перебѣгутъ къ нему, о чемъ онъ давалъ имъ знать много разъ; но хитрый *Кандемиръ*, отгадавъ его замыслы, держалъ этихъ татаръ позади, чтобы не могли уйти. Затѣмъ онъ направилъ къ таборамъ *Махмет.* многихъ храбрыхъ всадниковъ изъ своихъ ногайцевъ. Они поспѣли туда къ ночи, а *Махмет.*, замѣтивъ ихъ, сказалъ, что это татары перебѣжчики, и потому хотѣлъ открыть имъ входъ; но козаки, подозрѣвая измѣну, на то не соглашались, особенно въ такой поздній часъ. Но наконецъ власть

хана одержала верхъ и ихъ впустили. Тогда ханъ сразу увидѣлъ, что это не друзья патраки (Patracchi), пришедшіе на помощь[121], а враги ногайцы, хотѣвшіе предать его. Дѣйствительно, ногайцы бросились въ рукопашную, а тутъ подоспѣлъ и таборъ *Кандемира*. Козаки сильно вознегодовали на *Махмет.*, виновника столькихъ бѣдъ, рѣшили лишить его жизни и умертвили его, прежде чѣмъ сами были перебиты. *Шяин.*-же, тѣснимый со всѣхъ сторонъ и видя, что по истинѣ — varii sunt eventus belli, et non debemus canere victoriam ante pugnam, отпустилъ козаковъ, удовлетворивъ и наградивъ ихъ по мѣрѣ возможности, а самъ ушелъ съ немногими приверженцами въ *Персію*, гдѣ ранѣе того прожилъ 12 лѣтъ и громко прославился, разбивъ 20 лѣтъ тому назадъ татарское стотысячное войско, проникшее въ *Персію* черезъ *Чиркасію*, по повелѣнію падишаха. Вернувшись въ эту страну, *Шяингирай* былъ хорошо принятъ тамошнимъ повелителемъ, который назначилъ его правителемъ одной изъ провинцій. Пробывъ три года на этомъ мѣстѣ, онъ умертвилъ, въ его собственномъ мѣстопребываніи, правителя другой провинціи, обобралъ у него все имущество и ушелъ въ *Кумрукъ* (*Cumruch*), самую отдаленную часть *Чиркасіи*, къ своему тестю, тамошнему князю. Два года тому назадъ, онъ самовольно явился въ Константинополь, отдавъ себя въ руки падишаха, но подъ крылышкомъ янычаровъ, коихъ янычаръ-ага лично принялъ его съ судна, пригласилъ въ свои покои и проводилъ къ падишаху, заручившись обѣщаніемъ, что его не обидятъ. Падишахъ принялъ *Шяингирая* съ невѣроятнымъ восторгомъ и почетомъ, удержалъ его при себѣ много дней, дѣля съ нимъ трапезу и бесѣду, а затѣмъ, со многими обѣщаніями и подарками, отправилъ на двухъ галерахъ на *Родосъ*, гдѣ онъ находится и понынѣ[68]). *Шяин.* тоже поднесъ падишаху великолѣпные подарки, которые повелителю были очень любезны, въ особенности нѣсколько молодыхъ чиркасовъ и чиркашенокъ, безподобной красоты, прося прощенія, при семъ случаѣ, за свои прежнія вины, говоря, что перенесъ столько невзгодъ изъ за сношеній съ гяурами (т. е. христіанами), и обѣщая впредь жить и умереть добрымъ мусульманиномъ (т. е. туркомъ), врагомъ христіанъ и персіянъ[69]). Но, если *Шяингирай* удалился на *Родосъ*, то намъ пора вернуться въ *Татарію*.

Итакъ, *Татарія* подвластна татарину и турку, которому принадлежитъ *Каффа* и почти все побережье до *Юзлеве*, достояніе хана, т. е. бывшія генуэзскія владѣнія. Ими управляетъ паша, пребывающій въ *Каффѣ*; онъ назначаетъ въ каждый изъ тамошнихъ городовъ по одному чиновнику, называемому субаши (Subbassi). Главнѣйшіе города, которыми правитъ паша, слѣдующіе: *Каффа*, *Балуклава*, *Манкопи* (*Mancopa*), *Воспро*, *Тамань* или *Матрига*—въ *Чиркасіи* и далѣе на разстояніи одного дня пути, *Тумрукъ* (*Tumruch*); ему подчиняется также *Азакъ* или *Тана*, но тамъ особое

управленіе и Порта назначаетъ туда бея, ничего общаго неимѣющаго съ нашой; теперешній бей, мой пріятель, генуэзецъ. Въ управленіи наши состоятъ болѣе или менѣе крупныя селенія и всѣ его подвластные—греки, по большей части вѣроотступники, по собственному безпутству[70].

Мѣстопребываніе хана въ *Бахчисараѣ*, коего описаніе слѣдуетъ ниже.

Татаріей правятъ четверо главныхъ начальниковъ, т. е. ханъ со своими главнѣйшими султанами, и трое другихъ татарскихъ князей, а именно: *Ширинъ-бей*, *Крымъ-бей* и *Манкопъ-бей*, коихъ владѣнія и подданные назначаются ханомъ[71]). Эти всѣ беи требуютъ съ подданныхъ подать и десятину; судопроизводство всецѣло въ ихъ рукахъ, званіе бея у нихъ наслѣдственное, но они считаются вассалами хана, который поэтому можетъ на законномъ основаніи лишить ихъ жизни и владѣній, передавъ послѣднія кому захочетъ.

Какъ среди крымскихъ, такъ и среди ногайскихъ татаръ есть много знатныхъ (Baroni), владѣющихъ деревнями и называемыхъ мурзами (Murusa); они всѣ дворяне и пользуются потомственными правами.

Эти князья и главнѣйшіе мурзы выѣзжаютъ верхомъ съ почетной свитой, гдѣ всѣ вооружены луками и стрѣлами, съ борзыми собаками и соколами, такъ какъ татарское дворянство очень любитъ охотиться; къ сѣдельной лукѣ одного изъ начальниковъ всегда бываетъ привязанъ тулумбасъ (tamborrino), на случай надобности во время охоты углубиться въ лѣсъ. Въ *Татаріи* много разнородной дичи; тамъ изобиліе куропатокъ, обыкновенныхъ и сѣрыхъ, фазановъ и т. п.[72]).

Дворянство татарское вступаетъ въ родство лишь съ дворянами; всякій ищетъ равныхъ себѣ. Татаринъ никогда не женится на рабынѣ, какъ это дѣлаютъ турки, а если онъ и приживаетъ съ нею дѣтей, то такихъ называютъ туманъ (Tuman) и ихъ можно продать, когда захотятъ, потому что они не считаются дѣтьми[73]).

Ханъ имѣетъ двухъ сановниковъ, непремѣнно изъ султановъ, сыновей, братьевъ или же изъ ихъ потомковъ. Первый, зовется галгой (Galga), что значитъ первый долженствующій идти на войну; второй именуется нурадиномъ (Nuradino) или мурадиномъ (Muradino), что значитъ благодатный[74]). Эти сановники назначаются ханомъ, по старшинству и по порядку наслѣдія, такъ что если умираетъ галга, то его замѣняетъ нурадинъ; въ случаѣ смерти хана на его мѣсто станетъ галга, хотя нынѣ повелитель турокъ предоставилъ себѣ назначать или смѣщать хановъ, кого и какъ захочетъ.

Царь и султаны *Татаріи*—всѣ изъ древняго рода *Коркизъ* (*Corchis*). Сказываютъ, будто нѣкая кёзъ (по турецки и по татарски значитъ—дѣва) зачала отъ солнечнаго блеска и родила сына, отъ котораго всѣ они и происходятъ[75]). Потомки ихъ,—будь они отъ хановъ, отъ султановъ, отъ

ихъ женъ или рабынь, — всѣ князья съ именемъ *Гираевъ*. *Махметирай*, *Замбекирай*, *Шагирай*, и всѣ одинаково могутъ получить ханство.

Съ оттоманскимъ домомъ или турецкимъ императоромъ у нихъ есть условіе, по которому ханъ *Татаріи*, въ случаѣ если оттоманскій домъ угаснетъ, наслѣдуетъ имперію турка[76]).

Доходы хана, отъ портовыхъ городовъ, соли и податей, могутъ доходить до ста тысячъ реаловъ. Ханъ получаетъ еще очень много десятины съ ржи и пшеницы и съ невольниковъ, приводимыхъ татарами съ войны, невольниками-же или съ ихъ стоимости[77]). Кромѣ того онъ чеканитъ монету, аспры, полумѣдные полусеребряные. Ханы не желаютъ, чтобы аспры падишаха ходили въ *Татаріи*, даже въ *Каффѣ* и въ другихъ мѣстахъ, ему подвластныхъ, потому что у этихъ хановъ имѣется избытокъ своихъ. Еще менѣе желательно хану, чтобы цѣнность реала превышала 80 аспровъ, потому что его аспры не ходятъ внѣ *Татаріи*. Купцы, пріѣзжающіе изъ *Константинополя*, *Азіи* или *Персіи*, либо ѣдущіе туда, постепенно измѣняютъ цѣнность реала, повышая ее до 90, 100, 120 аспровъ и доводя до 160 аспровъ, т. е. двойной цѣны, какъ именно видимъ въ настоящее время. Товары становятся очень дорогими, а всего хуже то, что при переплавкѣ этихъ 160-ти аспровъ не получается стоимость реала. Въ подобномъ случаѣ ханъ, видя паденіе своей монеты, чеканитъ новые аспры, съ инымъ изображеніемъ, а затѣмъ разсылаетъ ихъ, куда 20 тысячъ, куда 30.000, куда больше, куда меньше, во всѣ главные города, по цѣнѣ 80 аспровъ за гроссъ (grosso), а взамѣнъ требуетъ столько-же реаловъ. При мнѣ, за послѣднее десятилѣтіе, аспры мѣнялись пять разъ, къ великой выгодѣ хана, но въ ущербъ его подданнымъ[78]).

Падишахъ отпускаетъ хану ежегоднаго жалованья шесть тысячъ реаловъ, получаемыхъ имъ изъ портовыхъ доходовъ.

Князь *Богданіи* обязанъ доставлять хану 12 бочекъ меду въ годъ, для приготовленія напитка, принимая на себя расходы по отправкѣ ихъ на волахъ внутрь Татаріи[79]).

Великій князь *Московскій* (Il Gran duca di *Moscovia*) ежегодно отправляетъ хану 8 тысячъ реаловъ своей монеты, называемой нократъ (Nocrat), по 60 реаловъ[80]), и кромѣ того множество тюковъ собольихъ шкуръ, называемыхъ самуръ (Samur), и другихъ дорогихъ мѣховъ, для самаго хана, султановъ, султаншъ, ханскихъ женъ и главныхъ сановниковъ, стоимостью доходящихъ до 25 тысячъ реаловъ[81]). Это посылается для того, чтобы татары не дѣлали набѣговъ, но они, получивъ дань, все таки вторгаются туда. Такъ, за послѣднія десять лѣтъ, татары, съ согласія хана и даже по его приказанію, ходили шесть разъ, а *Московъ* (*Moscovo*), во избѣжаніе худшаго зла, не можетъ не посылать.

Полякъ (Polacco) тоже имѣлъ обычай посылать хану, съ тою-же

цѣлью, 30.000 реаловъ, деньгами и тканями, но, видя, что не взирая на это татары являлись грабить, уже 30 лѣтъ какъ прекратилъ посылку. То защищаясь отъ татаръ, то попадаясь къ нимъ въ плѣнъ, то давая свободу мщенію козаковъ, но наконецъ поляки построили по всей татарской границѣ крѣпостцы, называемыя паланками (palanche). Какъ только жители окрестныхъ селеній узнаютъ о наступленіи татаръ, а они всегда бываютъ о томъ увѣдомлены, даже когда тѣ просто идутъ мимо, то со своими пожитками уходятъ въ эти крѣпостцы, такъ что татары не только не могутъ полонить ихъ, но сами оставляютъ на мѣстѣ многихъ своихъ-же. Такимъ образомъ за послѣднія 10 лѣтъ было 5 набѣговъ и татары всегда лишались доброй трети своего состава убитыми и плѣнными, такъ что они утратили всякую надежду, говоря, что Corel Saffi attese, т. е. полякъ весь огонь [82]). Однако въ нынѣшнемъ 1634 году къ хану пріѣхалъ польскій посолъ, г-нъ *Стефанъ Нарноши* (*Stefano Nariaoschi*) [83]), и привезъ ему 30.000 реаловъ и даже болѣе, но не въ силу прежняго договора и не для войнъ, которыя полякъ велъ съ московомъ. Не изъ боязни, ибо падишахъ собирался идти на *Польшу*, но изъ благодарности за оказанную услугу, а именно, въ прошломъ году великій князь московскій отправилъ къ хану посла съ богатыми подарками и съ просьбою послать свои отряды въ *Польшу*, тѣмъ болѣе что самъ падишахъ готовился снарядить туда крупнѣйшее войско и черезъ многихъ гонцовъ посылалъ хану на то настоятельное предписаніе. Но ханъ по истинѣ не могъ это исполнить, ибо не мало боялся за свою голову, въ случаѣ выхода изъ *Татаріи*, потому что прошелъ слухъ, будто Шаингирай долженъ прибыть моремъ съ войскомъ, а также по причинѣ многихъ жалобъ, поданныхъ на него за несправедливое убіеніе султана *Галги*, красивѣйшаго и храбрѣйшаго князя, имѣвшаго четверыхъ родныхъ братьевъ, тѣхъ-же отца и матери, не менѣе его великодушныхъ и очень любимыхъ. Чтобы упрочить за собою царцарствованіе, ханъ, за одно съ своимъ единственнымъ сыномъ и съ единоутробнымъ братомъ, внезапно велѣлъ умертвить вышеупомянутаго султана въ своемъ собственномъ дворцѣ, послѣ того какъ они вмѣстѣ пообѣдали. За симъ ханъ послалъ убить и другихъ братьевъ, но они, узнавъ тотчасъ о случившемся, ускакали на добрыхъ коняхъ въ *Константинополь* искать правосудія у падишаха [84]). По всѣмъ вышеизложеннымъ причинамъ, ханъ немедленно отправилъ посла къ свѣтлѣйшему польскому, для объявленія своей дружбы. Полякъ, незная скрытыхъ побужденій хана, задержалъ его посла, а черезъ своихъ передалъ ему, что желаетъ имѣть явныя доказательства его дружбы, каковыми будетъ посылка ханомъ войскъ въ *Московію*, и тогда король не преминетъ отвѣтить ему взаимностью. Ханъ, которому всегда было легко въ *Московіи*, еще болѣе надѣялся на то же въ предстоящую войну. Онъ вскорѣ вывелъ въ поле слишкомъ пятьдесятъ тысячъ

татаръ, подъ начальствомъ своего единственнаго сына *Салмаши* и брата *Кандемира*, тотчасъ отправилъ это войско въ *Московію* и снарядилъ пословъ къ *Поляку*, дабы увѣдомить его обо всемъ сдѣланномъ, изъ дружбы къ нему. Успѣхъ соглашенія вышелъ такой, что въ *Московіи* было взято 20.000 плѣнныхъ, а *Полякъ* прислалъ хану 30 тысячъ реаловъ [85]). Ханы также имѣютъ обыкновеніе предлагать свои услуги другимъ государямъ, суля имъ золотыя горы, лишь-бы самимъ получить отъ нихъ какой нибудь подарокъ. Ханъ такъ поступилъ 4 года тому назадъ со свѣтлѣйшимъ *Густавомъ*, королемъ шведскимъ, который прислалъ ему черезъ собственныхъ пословъ великолѣпныя вазы изъ золоченнаго серебра, тончайшей выдѣлки; а за годъ до того свѣтлѣйшій трансильванскій тоже доставилъ хану подобныя вазы. Въ прошломъ году ханъ снарядилъ къ кесарскому императорскому величеству своихъ пословъ. Татары были имъ приняты съ большимъ почетомъ и богато одарены, такъ что неустанно восхваляли его щедроты и ласку, тѣмъ болѣе что въ *Татаріи* ничего подобнаго не увидишь; имъ обѣщали послать подарокъ и хану, въ знакъ благодарности [86]).

Расходы хана слѣдующіе: содержаніе двора, жалованье тысячи наемниковъ пищальниковъ [87]), которыхъ онъ содержитъ, подарки многимъ высокопоставленнымъ лицамъ оттоманской порты, многимъ чіаушамъ (Chiaussi) [88]), ежегодно прибывающимъ отъ падишаха, и многимъ знатнымъ черкасамъ, посѣщающимъ хана; такихъ бываетъ всегда много, отъ близкаго сосѣдства, и они постоянно ищутъ наживы [89]); за всѣми этими расходами не остается ничего или очень мало; но, въ концѣ концовъ, ханы-государи и потому ни въ чемъ не терпятъ недостатка.

Главнѣйшія населенныя мѣста *Татаріи*—*Каффа*, *Юзлеве*, *Бахчисарай*, *Карасу*, *Балукъ-лава*, *Манкупа*, *Воспро* и *Прекопе*.

Каффа, вмѣстѣ съ крупнѣйшимъ предмѣстьемъ, называемымъ *Топракала* (*Topracala*) [90]), имѣетъ пять миль въ окружности. Здѣсь какъ-бы одинъ городъ внутри другого, потому что генуэзцы построили сначала одинъ, имѣвшій 2 мили въ окружности, съ хорошими стѣнами и бастіонами, а затѣмъ, когда вокругъ этого жилища населенія умножились, они обвили городъ новыми стѣнами, какъ это видно теперь. Исторіи говорятъ, что *Каффа* прежде называлась *Өеодосіей*, будучи построена императоромъ *Өеодосіемъ*; но отъ нея не осталось и слѣда, ибо какъ въ первомъ городѣ, такъ и во второмъ видны лишь генуэзскіе гербы и имена. Со стороны суши городъ окруженъ очень большими рвами, но безъ воды, такъ какъ здѣсь мѣстность то подымается, то опускается Стѣны, стоящія за рвами, двойныя, засыпаны землею съ многочисленными куртинами и бастіонами. Возвышающіеся близко надъ городомъ холмы, густо уставленные вѣтряными мельницами, не усиливаютъ его, но были введены въ оборону

расчитывая защищаться только отъ татаръ, употребляющихъ луки и стрѣлы, а не осадныя орудія[91]. Зато тамъ есть два крѣпкихъ замка, оба на одной и той же сторонѣ города: одинъ надъ воротами въ *Татарію*, построенный генуэзцами, снабженный рвами и многими крупными орудіями; онъ защищаетъ городъ съ моря; другой внѣ предмѣстья, на небольшомъ холмѣ, построенъ турками. Онъ не очень великъ, круглаго очертанія, сложенъ изъ сырцовыхъ кирпичей и одновременно обороняетъ городъ съ суши и съ моря. Городъ расположенъ полумѣсяцомъ; на лѣвой оконечности его стоитъ замокъ, обращенный къ порту, хотя и открытому сѣверо-восточнымъ и восточнымъ вѣтрамъ, но вполнѣ надежному, благодаря илистому дну, крѣпко задерживающему якоря, такъ что ни одинъ корабль въ немъ не погибаетъ[92]). *Каффа* изобилуетъ мясомъ, винами, птицей, рыбой, молочными скопами и плодами, а зимой углемъ и дровами. Въ городъ черезъ ворота *Татаріи* ежедневно въѣзжаютъ 500, 600, 900 и до тысячи телѣгъ, а подъ вечеръ ни на одной изъ нихъ не остается ничего для продажи; такимъ образомъ, если *Татарія* адъ, то *Каффа* несомнѣнно врата его. Но главный источникъ богатства *Каффы*—море, снабжающее ее всѣми, какія можно пожелать, Божьими щедротами; поэтому *Каффа* очень бойкій торговый городъ, куда съѣзжаются купцы изъ *Константинополя*, *Азіи* и *Персіи*. Городъ населенъ турками, греками, армянами и евреями. Турки имѣютъ тамъ до 70-ти мечетей; греки до 15 церквей и митрополита[93]); у армянъ до 28 церквей и епископъ; у евреевъ — 2 синагоги, по одной на каждую народность (per Natione)[94]). Что касается латинянъ, то въ настоящее время въ *Каффѣ* нѣтъ таковыхъ среди уроженцевъ города, тамъ проживающихъ; здѣсь такъ долго не было франкскаго священника, что, если въ *Каффѣ* раньше и оставались нѣсколько католиковъ, то они, женившись на гречанкахъ, сами перешли въ греческій обрядъ; такихъ теперь не мало, и они, не вѣря въ долгую настойчивость латинянъ, не рѣшаются снова возвратиться къ латинскому обряду изъ боязни быть презираемыми. Тѣмъ не менѣе, по милости Господней въ *Каффѣ* сохранилась церковь, во имя св. *Петра итальянцевъ* (San *Pietro* d'*Italiani*), по мѣстному названію френкъ-экклизія (Ecclisia), обширнѣйшая и великолѣпнѣйшая изъ всѣхъ церквей, находящихся въ рукахъ христіанъ, прекрасной каменной работы, вся покрытая сводами. Эта церковь сохранилась по милости и на средства армянскаго населенія; находясь среди армянскихъ церквей и будучи лишена латинскаго священно-служителя, какъ было сказано выше, она стала достояніемъ турецкой казны, которая задумала уничтожить ее и уже повытаскали много камней изъ смежныхъ съ нею помѣщеній, а равно и изъ самаго зданія церкви; поснимали и крышу, такъ что по сію пору, за отсутствіемъ средствъ къ ея исправленію, она стоитъ въ такомъ видѣ. Видя это, армяне, движимые похвальнымъ рвеніемъ, выкупили ее

за восемьсотъ гроссовъ (grossi), а 10 лѣтъ тому назадъ, когда мы пріѣхали сюда, весьма ласково и предупредительно ввели насъ во владѣніе оной. Теперь каждый изъ насъ, въ свое время и безъ препятствія, совершаетъ въ ней богослуженіе[95]). Наша паства состоитъ изъ нѣсколькихъ поляковъ-невольниковъ, или галерныхъ рабовъ, когда таковые бываютъ при пашѣ, а иногда изъ купцовъ, венеціанцовъ или хіосцевъ, пріѣзжающихъ для закупки бѣлуги, либо икры. Теперь достаточно сказано о *Каффѣ*.

2-ой городъ, *Юзлеве*, возведенъ прежними ханами. По его остаткамъ можно видѣть, что раньше здѣсь былъ городъ, построенный квадратнымъ очертаніемъ и обведенный стѣной. *Юзлеве* стоитъ на равнинѣ, близъ моря, слабо защищенъ невысокой стѣной безъ рвовъ. Козаки неоднократно грабили его, особенно въ прошломъ году; послѣ грабежа они подожгли лучшую часть города и такимъ образомъ сгорѣла четверть его. Но затѣмъ *Мехметъ-Ага*, нынѣшній визирь хана, началъ строить и въ этомъ году окончилъ великолѣпный ханъ или харвасарія (Can[o] Harvassaria), какъ убѣжище для купцовъ и горожанъ. Этотъ ханъ имѣетъ очень высокія стѣны изъ дикаго камня и по четыремъ сторонамъ двора сводчатыя помѣщенія въ два яруса; стѣны съ бойницами и охраняются часовыми, такъ что поверху стѣнъ можно расхаживать вполнѣ безопасно. Подобное зданіе должно-бы называться не ханомъ или караван-сараемъ, т. е. обыкновеннымъ заѣзжимъ дворомъ, а сильнымъ, и надежнымъ замкомъ, болѣе обращеннымъ къ морю, чѣмъ къ сушѣ[96]). *Юзлеве* городъ торговый, куда съѣзжаются купцы изъ разныхъ странъ, но онъ не таковъ, какъ *Каффа*.

3-ій городъ, *Бахчисарай*, столица хана. Онъ расположенъ въ лощинѣ, между двухъ грядъ скалистыхъ горъ одинаковой, хотя и не особенной вышины, такъ что съ обѣихъ сторонъ легко спускаться внизъ. На верху пастбища и проѣзжія дороги. Этотъ городъ не окруженъ стѣной и не имѣетъ замка, лишь во дворцѣ стоятъ нѣсколько малыхъ орудій. Съ одной стороны этой лощины можно свободно войти въ городъ обыкновенной дорогой, съ другой-же стороны лощина выходитъ къ замку крѣпкому не стѣнами, а своимъ мѣстоположеніемъ; онъ находится въ двухъ миляхъ отъ города и населенъ евреями, которые днемъ спускаются къ лавкамъ въ Бахчисарай, а вечеромъ возвращаются домой. Мѣсто называется *Топракала* (*Topracala*)[97]). Далѣе замка слѣдуютъ крутизны, рощи и лѣса.

На половинѣ дороги или пути къ этому замку, на разстояніи почти одной мили отъ *Бахчисарая*, стоитъ съ правой стороны высочайшая скала, гладкая какъ стѣна, на половинѣ высоты которой находится старинная церковь, во имя пресвятой *Богородицы*, цѣликомъ высѣченная внутри скалы, равно какъ и ступени, ведущія къ ней; подымаясь по нимъ, порядкомъ вспотѣешь. Церковь вмѣщаетъ до пятисотъ человѣкъ; она пользуется величайшимъ уваженіемъ у безчисленнаго множества христіанъ,

стекающихся туда изъ разныхъ мѣстностей *Татаріи*, главнымъ образомъ къ празднику *Успенія*, въ августѣ мѣсяцѣ. Въ скалѣ высѣчено также много жилыхъ помѣщеній. Въ церкви служатъ греческіе священники. Городъ *Бахчисарай* отъ моря по направленію къ *Балукъ-лавѣ* всего на малый день пути; въ немъ вкуснѣйшая и обильнѣйшая родниковая вода, вытекающая изъ скалъ, такъ что нѣтъ надобности ни въ водопроводахъ, ни въ каналахъ.

4-ый городъ, *Карасу*, находится въ серединѣ *Татаріи*. Это большой городъ, но безъ стѣнъ. Онъ построенъ и выросъ въ наше время, благодаря своему удобному расположенію и торговому значенію: сюда какъ-бы на ярмарку прибываетъ съ разныхъ концовъ *Татаріи* много народа, по средамъ и четвергамъ. Султанъ галга живетъ доходами съ этого города. Посреди него течетъ рѣка, называемая *Карасу* (*Carasu*), давшая названіе городу, а на нашемъ языкѣ это значитъ—черная вода; и дѣйствительно три года тому назадъ рѣка породила бѣдствіе [98]), такъ какъ, послѣ чрезмѣрныхъ дождей въ горахъ, она до того вздулась, что выступила изъ береговъ и, наводнивъ *Карасу*, сорвала и снесла болѣе 300 домовъ со всѣмъ содержимымъ, причемъ утонуло болѣе 150 человѣкъ, ибо бѣдствіе случилось ночью и неожиданнымъ образомъ. Эта мѣстность была, годомъ раньше разграблена козаками, которые шли сюда сухимъ путемъ одинъ день и одну ночь. Они также сожгли много лавокъ и убили многихъ, попавшихся имъ на встрѣчу, а въ томъ числѣ и армянскаго священника, шедшаго съ фонаремъ въ церковь. Съ ними бѣжали болѣе 200 невольниковъ [99]).

Это мѣсто весьма подвержено разнымъ бѣдствіямъ. Саранча, о которой будетъ сказано своевременно, нигдѣ не причинила столько убытка, какъ въ его окрестностяхъ. Падишахъ неоднократно посылалъ хану приказаніе уничтожить этотъ городъ *Карасу*, такъ какъ его подданные, а въ особенности иноземцы, проживающіе въ *Каффѣ*, постоянно уходятъ съ семьями на жительство въ *Карасу* и такимъ образомъ пропадаетъ подать, viva Karag, какъ они говорятъ [100]). На всѣ эти приказанія ханъ отвѣтилъ, что пашѣ слѣдуетъ управлять помягче, не подвергая подданныхъ дурному обращенію, и тогда въ *Каффу* возвратятся не только подданные падишаха, но и многіе изъ подданныхъ хана перейдутъ туда-же, такъ какъ *Каффа* богатый приморскій городъ, и не останутся въ *Карасу*, т. е. въ мѣстѣ болѣе безплодномъ, чѣмъ всякое другое: vere sic est digna Regis responsio. Совершенно вѣрно, что подъ татариномъ живешь несравненно покойнѣе и платишь меньше дани, чѣмъ подъ туркомъ.

5-ый городъ, *Балукъ-лава*, славится своимъ портомъ, о которомъ мы уже говорили въ описаніи *Чернаго* моря, и обширностью окрестныхъ лѣсовъ, представляющихъ такое разнообразіе строеваго лѣса, что при видѣ ихъ впрямь изумляешься. Тамъ строятся ежегодно крупнѣйшіе галіоны (Galioni) для доставки толстыхъ бревенъ въ *Александрію* [101]); въ послѣдніе годы тамъ стали также строить галеры; въ прошломъ году спущено было пять галеръ, и я слышалъ, будто въ нынѣшнемъ году сдѣланъ заказъ на 6 галеръ, но выполнить его невозможно, по недостатку умѣлыхъ мастеровъ.

Въ этой мѣстности находятъ родъ земли мыльнаго цвѣта, такъ называемый килъ (Kil). Будучи разведенъ въ водѣ, онъ лучше всякаго мыла омываетъ руки, запачканныя масломъ или саломъ, а также очищаетъ самую воду отъ грязи и жира. Килъ вывозится во многія мѣста и даже въ *Константинополь* [102]). При генуэзцахъ этотъ городъ былъ густо населенъ, о чемъ свидѣтельствуютъ понынѣ сохранившіеся слѣды, но теперь онъ опустѣлъ; въ немъ живутъ лишь корабельные рабочіе и то по случаю постройки вышеупомянутыхъ галеръ; такъ какъ имъ приходится работать во всемъ бейлыкѣ, то они по мѣрѣ надобности уходятъ на жительство въ другіе города. По своему мѣстоположенію это наименѣе холодный уголъ во всей *Татаріи* [103]).

6-й городъ, *Манкопа*, замокъ между *Балуклавой* и *Бахчисараемъ*, сильнѣйшій по неприступному положенію на горѣ, края которой—высокія скалы въ видѣ стѣнъ безъ уступовъ; на нихъ можно взобраться только съ одной стороны, по извилистому пути, недоступному телѣгамъ. Надъ городомъ нѣтъ ни одной возвышенности, съ коей его можно было бы обстрѣливать; однимъ словомъ, это послѣдняя крѣпость сдавшаяся *Турку*. Это большой и значительный городъ на ровномъ мѣстѣ, но всего чудеснѣе то, что въ немъ и надъ нимъ не простые источники, громадные родники, словно бочки, дающіе чистѣйшую и вкуснѣйшую воду; удивляешься, думая, откуда она исходитъ, такъ какъ кругомъ одни глубокія ущелья [104]). Итакъ, здѣсь проявляется ad litteram всемогущество Создателя, который рекъ въ пс. 103—Super montes stabunt acque [105]).

Здѣсь пребываетъ кади, т. е. судья, назначаемый изъ *Константинополя*. Городъ почти разрушенъ и мало населенъ; его жители—греки, турки и евреи, но болѣе всего евреевъ, выдѣлывающихъ большія количества кожъ. Въ этомъ замкѣ, боясь козаковъ, ханъ и иные знатные татары тѣхъ краевъ хранятъ свои самыя драгоцѣнныя вещи; но все таки 4 года тому назадъ польскіе козаки, пройдя лѣсомъ 4 мили, появились на разсвѣтѣ къ самому открытію воротъ и, забравшись въ городъ, захватили богатѣйшую добычу; но, такъ какъ окрестъ города, не очень далеко отъ ханскихъ воротъ, мѣстность густо населена, то всюду разнеслась быстрая молва о происходящемъ; тогда поселяне большой толпой напали на козаковъ и отняли у нихъ не мало добра. Многіе козаки, по примѣру предусмотрительныхъ охотниковъ на тигровъ, бросая добычу, почему многіе изъ преслѣдовавшихъ разбогатѣли, сами прятались въ лѣсахъ, гдѣ ихъ не настигли; иные-же были убиты или попали въ рабство.

7-ой городъ—*Воспро*, по турецки Кіейстъ (Chieist)[106]; о немъ было упомянуто въ предъидущемъ описаніи морскихъ стоянокъ. Это не очень большая, но сильная крѣпость, со стѣнами и рвами, хорошо содержимая, такъ какъ стоитъ на пути московскихъ козаковъ, которые не разъ пытались забраться въ нее, но напрасно—ихъ всегда отражали; разумѣется, это заставляетъ быть все лѣто на сторожѣ, днемъ и ночью. Внутри крѣпости находится не очень большая церковь, во имя св. *Георгія*, принадлежащая грекамъ, въ которой есть алтарь съ куполомъ, поддерживаемымъ 4-мя великолѣпными колоннами изъ мрамора. На верху этого купола виднѣется очень много раковинъ, устричныхъ и иныхъ морскихъ (frutti di mare), такъ вросшихъ въ камень, что онѣ кажутся какъ бы находящимися на мѣстѣ своего происхожденія; мѣстные жители говорятъ, по наслѣдственному преданію, что эта часовня найдена въ морѣ[107].

Въ житіи св. *Климента* папы, сосланнаго на этотъ самый островъ *Татаріи*, имѣется сказаніе о подобной часовнѣ, воздвигнутой руками *Ангеловъ* и хранящей тѣло св. *Климента*, въ 3-хъ миляхъ отъ берега, въ морской глубинѣ: In modum Templi marmorei Angelicis manibus preparatum. Но исторія гласитъ, что это было въ *Херсонѣ* (*Chersona*): Clemens transmare Ponticum in solitudinem Vrbis Chersona relegatus est; а этотъ городъ отстоитъ отъ *Воспро* болѣе, чѣмъ на 250 миль. Хотя мощи св. *Климента* были перевезены въ Римъ, по повелѣнію папы *Николая I-го*, но вышеупомянутая часовня не была доставлена туда, какъ въ болѣе надежное мѣсто.

Вокругъ *Воспра*, въ портѣ и морѣ, ловится самое большее количество бѣлугъ.

8-й городъ—*Прекопе* или *Оръ*; о немъ сказано мъ началѣ этого описанія. Отъ него *Татарія* прозвалась *Прекопской* (*precopensis*).

Другихъ значительныхъ городовъ въ *Татаріи* нѣтъ. Попадаются большіе остатки разрушенныхъ городовъ въ родѣ *Крыма*, о которомъ мы уже говорили, давшаго *Татаріи* названіе *Крымской*. *Судакъ*, на разстояніи одного дня пути, стоитъ на морскомъ берегу, гдѣ, какъ увѣряютъ, были другія деревни и одна церковь, въ настоящее время видны уцѣлѣвшія стѣны многихъ. Окрестъ города обильно производятся превкусныя и крѣпкія вина, а также произрастаютъ прекрасные и нѣжные плоды, какъ-то: яблоки, груши, айва, черешни, вишни, сливы, мушмула и др. подобные, хорошо выдерживающіе холодъ; хотя въ этой мѣстности, обращенной къ югу и защищенной съ сѣвера горами, онъ бываетъ очень умѣренный. Однимъ словомъ, это самое прелестное мѣсто *Татаріи*; но въ настоящее время тамъ нельзя сбирать виноградъ, потому что козаки ходятъ туда грабить десятину.

Херсона (*Chersona*), близъ *Балуклавы*, нынѣ совсѣмъ разрушена и покинута. *Инкримана* (*Incriman*) былъ очень большимъ городомъ насупротивъ *Акримана* (*Acriman*) въ *Ромеліи*. Прежде изъ *Акримана* держали путь не на *Юзлеве*, а прямо на *Инкриманъ*, по этотъ городъ былъ разрушенъ козаками, для которыхъ онъ былъ первымъ препятствіемъ, встрѣчаемымъ съ моря. Затѣмъ, по всей *Татаріи* есть такое множество селеній и деревень (*Ville*), незначительныхъ, но зато частыхъ, что въ спискахъ хана записано ихъ болѣе 60-ти тысячъ[108]); и если бы каждая изъ нихъ снаряжала на войну лишь по два всадника, то всякому легко представить себѣ, каково могущество хана, какими силами онъ располагаетъ и почему онъ одновременно страшенъ *Европѣ* и *Азіи*. Но съ Божіей помощью въ будущемъ никто не будетъ бояться татаръ: ихъ численность и положеніе далеко уже не тѣ, какъ мы увидимъ въ концѣ этого описанія.

Властители *Татаріи* имѣли обыкновеніе идти воевать дважды въ годъ или по крайней мѣрѣ хоть одинъ разъ, но подобныя предпріятія слѣдовало-бы скорѣе называть разбоемъ, чѣмъ войной. Шли на войну лѣтомъ, когда кони отъѣлись на вешнихъ травахъ, и зимою, но непремѣнно въ ту или другую пору; выступали до 100 тысячъ человѣкъ приблизительно, направляясь либо въ *Польшу*, либо въ *Московію* или же въ *Черкасію*, нѣсколько разъ ходили даже въ *Венгрію*. Идя на войну, татары придерживаются слѣдующаго обычая: Каждый всадникъ беретъ съ собою по крайней мѣрѣ двухъ коней, одного ведетъ въ поводу для поклажи и плѣнныхъ, на другомъ ѣдетъ самъ. Если онъ чувствуетъ что лошадь подъ нимъ устала, то садится на другую, ведя первую въ поводу, чтобы дать ей отдохнуть. Ихъ лошади не кованы; въ *Татаріи* придерживаются подобнаго обычая для того, чтобы лошадямъ не было больно и онѣ не хромали, если дорогой потеряютъ подкову. Сѣдло у нихъ очень легкое и вѣситъ менѣе 6-ти итальянскихъ фунтовъ; подъ него подстилаютъ небольшой войлокъ, который, будучи развернутъ, не превышаетъ въ длину роста человѣка. Кожа, покрывающая сѣдло, держится на ремняхъ и отдѣляется отъ сѣдла, такъ что для спанья всаднику раскрытый войлокъ замѣняетъ тюфякъ, кожа служитъ ему простыней, сѣдло подушкой, а одежда одѣяломъ; такъ онъ почиваетъ сладкимъ сномъ. Повода тоже очень легки, съ тонкой желѣзкой въ видѣ удилъ. Ихъ лошади весьма смирны; не найдешъ такой, которая кусалась бы или лягалась, къ тому же онѣ удивительно выносливы и могутъ пробѣжать, какъ бы рысью, сто миль въ день; такъ онѣ идутъ 3 или 4 мѣсяца, не утомляясь. Онѣ также способны долго переносить голодъ; зимой, когда нѣтъ подножнаго корма, лошади роютъ копытомъ землю, даже при глубокомъ снѣгѣ до тѣхъ поръ, пока не докопаются до корней травы, чѣмъ и питаются, такъ какъ татары не запасаются въ дорогу овсомъ для коней, довольствуясь сами 6-ю или 8-ю фунтами тѣста изъ гороховой, ячменной или хлѣбной муки и изъ кислаго творога, называе-

маго тогуртъ (togurt) [109]). *Татары* имѣютъ при себѣ объемистую деревянную чашку и большую ложку, а когда чувствуютъ голодъ, то разводятъ немного тѣста въ водѣ, съѣдаютъ 8 или 10 ложекъ этой смѣси и тотчасъ же продолжаютъ путь безостановочно.

Добравшись до непріятельскихъ границъ, всѣ знатнѣйшіе татары собираются на совѣщаніе касательно дальнѣйшаго образа дѣйствія; затѣмъ, увы! сколько горя и печали. Ханъ или другой князь, стоящій во главѣ войска, остается на своей землѣ, съ 2-мя или 3.000 всадниковъ, въ качествѣ тѣлохранителей. Остальное войско дѣлится на нѣсколько частей: 4 или 6 тысячъ человѣкъ идутъ на право, столько же на лѣво, а прочіе прямо переступаютъ границу и тамъ, расходясь по сторонамъ, въ разныхъ мѣстахъ и одновременно забираютъ кто отца, кто мать, кто сыновей, кто дочерей, кто дядю, кто племянника; одни хватаютъ мужа, другіе молодую жену; одного отрываютъ отъ сохи, другого отъ жилища; такъ что ничего не слышно, кромѣ криковъ, плача и жалобъ. Плѣнныхъ, связанныхъ веревками, закованныхъ въ цѣпи и кандалы, подвергаютъ жестокому обращенію и даже заставляютъ ихъ усиленно идти пѣшкомъ, погоняя палочными ударами; если только татарамъ попадутся пригодныя вещи, они ихъ не оставляютъ, а навьючиваютъ на лошадей. Такимъ образомъ, нагруженные добычей, они возвращаются восвояси. И въ самомъ дѣлѣ къ нимъ вполнѣ подходитъ названіе татаръ, такъ какъ оно происходитъ отъ греческаго глагола «тaратто» (Taratto), т. е. я тревожу [110]); говоря по правдѣ, никто, скажемъ мы, такъ не тревожитъ людей, какъ татары. По возвращеніи въ *Татарію*, на долю плѣнныхъ выпадаетъ новое горе: побѣдители дѣлятъ ихъ между собою и тогда печаль еще усугубляется тѣмъ, что иному достается мать, иному — сынъ, кому — мужъ, кому жена; затѣмъ ихъ ведутъ въ разные города *Татаріи* на продажу. Тамъ невольниковъ выставляютъ на показъ, какъ невинныхъ овечекъ, предоставляя ихъ на выборъ любого покупателя, который ничуть не стѣсняясь разсматриваетъ и ощупываетъ ихъ, дабы узнать, нѣтъ ли у нихъ какого нибудь скрытаго порока, существеннаго изъяна. Среди плѣнницъ бываютъ иногда красивыя и благородныя дѣвицы, которымъ румянецъ стыда придаетъ еще больше красы; таковыхъ развозятъ въ *Константинополь*, въ *Азію*, въ *Европу*, на востокъ и на западъ.

Но уповаю на Господа, что Iudicium Dei pervenit ad illos, ибо за послѣднія 10 лѣтъ, по Божіей милости, татары забыли дорогу, особенно въ *Польшу*. Мы уже упомянули о томъ, какъ въ теченіи 10 лѣтъ они ходили туда 5 разъ и всегда съ урономъ 3-ей части убитыми или попавшими въ рабство, изъ самыхъ храбрыхъ воиновъ; татары до того напуганы, что многіе изъ нихъ вернувшись поклялись забыть дорогу въ *Польшу*, говоря «corel saffi, attese», что значитъ: Полякъ весь огонь [111]).

Они также воздерживаются ходить въ *Чиркасію*, потому что тамъ очень воинственный народъ. Ханъ отправляется туда лишь въ томъ случаѣ, когда какой нибудь знатный черкесъ позоветъ его на помощь, дабы мстить врагу своему, другому могучему князю. Надѣюсь тоже, что московы, которые въ настоящее время не воюютъ ни съ кѣмъ, примутъ мѣры противъ татаръ, ибо московскій государь весьма могущественъ.

Чиркасія раздѣлена между многими владѣльцами (Baronaggij), ими называемыхъ — бей (Bei). Они болѣе склонны къ междуусобицамъ, чѣмъ христіанскіе владѣтели, и постоянно воюютъ изъ за кражъ, такъ что иной отецъ не всегда безопасенъ отъ сына своего или брата; враждуя по поводу судебныхъ приговоровъ или убійствъ, что у нихъ случается ежедневно, а иногда изъ за вопросовъ чести, они дерутся безъ пощады. Всякій, кому не хватаетъ силъ собственныхъ подданныхъ (Vassali), обращается за помощью къ дружественному владѣльцу; дѣло доходитъ до того, что одинъ изъ противниковъ одерживаетъ верхъ надъ другимъ. Этотъ послѣдній, чувствуя себя оскорбленнымъ, призываетъ на помощь хана, обѣщая ему 200 или 300 рабовъ. Ханъ болѣе чѣмъ охотно пользуется случаемъ и тотчасъ собираетъ 40 или 50 тысячъ воиновъ, съ которыми идетъ къ позвавшему владѣльцу. Тогда другой противникъ, видя, что ему приходится плохо, начинаетъ обдумывать свои обстоятельства и для лучшаго исхода рѣшаетъ сойтись съ ханомъ на столькихъ-то невольникахъ; затѣмъ, при посредствѣ того же хана, обѣ стороны заключаютъ миръ. Правда говорятъ, что Inter duos litigontes tertius gaudebit, иначе татарину было-бы мало выгоды отъ чиркасовъ, хотя онъ и слѣдитъ за ними, особенно если-бы между ними царило согласіе, тѣмъ болѣе, что они очень воинственны и у нихъ густѣйшіе лѣса и крутыя горы. Но теперь чиркасы тоже оглядѣлись, прошло уже много лѣтъ, какъ они перестали звать хана.

Чиркасы гордятся благородствомъ крови, а турокъ оказываетъ имъ великое уваженіе, называя ихъ черкесъ спага (Cerches Spahà), значащимъ благородный, конный воинъ. Дѣйствительно, чиркасская знать, даже когда ради забавы посѣщаетъ близкихъ сосѣдей, появляется всегда верхомъ, въ кольчугахъ и шишакахъ, съ украшеніями въ видѣ розетокъ изъ золоченаго серебра. Ихъ кони очень красивы и легки, крупныхъ размѣровъ, но притомъ стройны, равно какъ и сами всадники стройны, изящны и тонки въ поясѣ; у нихъ кровь алая, благородная, глаза черные, брови дугой, особенно у женщинъ, которымъ, я думаю, можно отдать предпочтеніе передъ всѣми другими женщинами въ мірѣ.

Замужнія прикрѣпляютъ къ задней части головы какъ бы другую, набитую матеріями, такъ что онѣ ходятъ словно съ двумя головами. Дѣвицы носятъ шапочки и распускаютъ волосы. Одежда всѣхъ мужчинъ краснаго цвѣта, другого они не знаютъ [112]). Носятъ они верхнее платье

до колѣнъ, рукава его сверху широки, снизу обтянуты и разрѣзаны или открыты вдоль, какъ у испанцевъ или французовъ. Чулки носятъ въ обтяжку; башмаки узкіе съ однимъ швомъ спереди, безъ всякихъ украшеній, и никоимъ образомъ не могутъ ни растягиваться, ни распускаться: они точно приклеены къ ногамъ и придаютъ изящество походкѣ. Плащъ изъ цѣльнаго куска матеріи, узкій около ворота, а внизу широкій, такъ что едва обрисовываетъ станъ; имъ запахиваются со стороны вѣтра или дождя, но вообще носятъ на лѣвомъ плечѣ, освобождая правую руку, чтобы можно было сражаться; ихъ шапки черныя, безъ полей, съ длинными волосами, какъ у наззаренъ (Nazzareni)[113].

Чиркасы очень вѣжливы въ обращеніи. Бесѣдуя съ особами высокаго званія, всегда держатъ шапку въ рукѣ; входя и выходя шаркаютъ правой ногой подобно придворнымъ. Они любятъ принимать пріѣзжихъ въ своихъ домахъ, такъ что, если случится гость, будь то знатный или купецъ, то хозяинъ оказываетъ ему всякую ласку и почетъ. Его дочери, будь онѣ самыя благородныя и красивыя дѣвушки, не только не прячутся отъ гостя, но цѣлуютъ ему руку и заботятся о чисткѣ его платья, а если оно гдѣ нибудь прорвано, то починяютъ его какъ можно лучше; онѣ мастерицы по части шитья и по всѣмъ хозяйственнымъ дѣламъ. Пока гость ѣстъ, хозяинъ дома прислуживаетъ за его столомъ и притомъ съ непокрытой головой, если гость изъ почетныхъ, а самъ садится лишь по просьбѣ гостя. Всѣ пьютъ за здоровье пріѣзжаго, начиная съ хозяина; за нимъ жена, сыновья и дочери, причемъ всѣ становятся на колѣни съ непокрытыми головами, а женщины пьютъ прикладывая лѣвую руку къ головѣ, въ знакъ добраго пожеланія. Вина у нихъ нѣтъ, потому что тамъ виноградъ не произрастаетъ, но есть дикая лоза, указывающая на возможность его добыванія; за то пьютъ мольцо (molzo), приготовленый изъ меда, котораго очень много Дѣлаютъ также водку (acqua vita) изъ зерна и другой напитокъ, называемый боза (boza), отваръ обдирнаго проса, разбавленный водою[114]). Пока гость находится въ домѣ хозяина, его вещи, даже не запертыя, тщательно охраняются; но лишь только онъ пустится въ путь по *Чиркасіи*, не будучи сопровождаемъ лицами извѣстными, то можетъ быть увѣренъ, что не только его пожитки перейдутъ въ чужія руки, но и ему самому будетъ угрожать опасность попасться въ рабство, быть отвезеннымъ въ дальнія страны и тамъ проданнымъ. Обыкновенно-же хозяинъ даетъ гостю охрану.

Въ *Чиркасіи* зерновой хлѣбъ не употребляется, хотя зерно и сѣется; но взамѣнъ хлѣба ѣдятъ густо сваренное въ котлѣ просо, безъ соли, и называютъ его паста (pasta)[115]). Оно дѣлится на куски, которые подаются къ трапезѣ. Въ *Тумрукъ* (*Tumruch*), на разстояніи добраго дня пути внутри Чиркасіи, мнѣ пришлось питаться имъ цѣлыхъ восемъ дней и оно мнѣ показалось очень безвкуснымъ.

Въ случаѣ возвращенія въ тотъ городъ, гдѣ уже былъ прежде, путникъ избѣгаетъ останавливаться у новаго хозяина, хотя бы и былъ раньше къ тому приглашенъ, такъ какъ прежній хозяинъ счелъ бы себя обиженнымъ, тѣмъ что ему показываютъ, будто онъ дурно принималъ гостя; итакъ, пріѣзжій обязанъ вернуться въ прежній домъ, но ему дозволено принимать приглашенія на трапезу и въ другіе дома.

Благородный чиркасъ роднится лишь съ благороднымъ и равнымъ себѣ лицомъ, тщательно избѣгая уронить свое званіе; касательно чести чиркасы щепетильнѣе итальянцевъ. Отцамъ и братьямъ намѣченныхъ дѣвушекъ молодые чиркасы даютъ въ приданое нѣкоторое количество коней, кольчугъ, красивыхъ мечей, платьевъ, серебряныхъ чашъ, смотря по тому, сколько они потребуютъ того или другаго. Деньги давать не принято, даже среди купцовъ, но существуетъ обмѣнъ вещей; въ Чиркасіи много прекрасныхъ мѣховъ и за нихъ отцы и братья уступаютъ дочь или сестру, съ тою лишь одеждою, которую она имѣетъ на себѣ. До замужества дѣвушки бываютъ на обѣдахъ, на празднествахъ, гдѣ играютъ, поютъ и пляшутъ. Чиркасы очень веселый народъ; они пляшутъ всегда наноскахъ, что весьма трудно, но зато красиво. По выходѣ замужъ женщины долгое время, иногда годами, не показываются ни тещѣ, ни зятьямъ, ни близкимъ родственникамъ, живя отдѣльно отъ нихъ, хотя бы въ одномъ и томъ же домѣ, а при случайной встрѣчѣ онѣ отворачиваются и склоняютъ лицо, дабы не видѣть ихъ. По истеченіи этого времени молодую женщину угощаютъ обѣдомъ и дарятъ ей хорошее платье или шубу, или-же что другое, по ея вкусу, предварительно узнавъ, чѣмъ бы ей угодить Затѣмъ ее принимаютъ въ домъ съ поцѣлуями и добрыми пожеланіями; тогда у нея, быть можетъ, уже двое или трое дѣтей. Начиная съ этого дня, молодая супруга имѣетъ право ходить туда въ любое время и ѣсть вмѣстѣ со всѣми, но въ присутствіи тестя ей не разрѣшено говорить или отвѣчать другимъ, даже мужу; она можетъ объясняться лишь знаками. Это продолжается одинъ годъ.

Послѣ чего тесть даетъ ей 2-ой обѣдъ и дѣлаетъ 2-ой меньшій подарокъ, а она пріобрѣтаетъ право говорить по мѣрѣ надобности.

Всѣ эти обрядности существуютъ нонынѣ у нашихъ латинскихъ христіанъ въ Феччіалѣ (Feccіala), именующихъ себя черкесами-франками (Cerchessi franchi). Когда турки отобрали у генуэзцевъ Каффу, около 180 лѣтъ тому назадъ[116]), многіе изъ знатныхъ были увезены въ Константинополь, гдѣ имъ отвели улицу для житья, по близости дворца императора *Константина Великаго*, которая нынѣ называется «*Кеффе-магалази*» (*chieffe Mahalasi*); тамъ проживаютъ теперь только двѣ семьи[117]). Другіе ушли въ *Чиркасію* изъ за своихъ женъ, ибо многіе женились на чиркашенкахъ, такъ что въ настоящее время получили отъ чиркасовъ названіе френкъ

кардашъ (french Cardasc), что на ихъ языкѣ значитъ—френки наши братья. Иные остались въ *Каффѣ*, но, за отсутствіемъ латинскаго богослуженія и таковаго-же священника, они, слѣдуя за своими женами—гречанками, перешли въ греческое вѣроисповѣданіе. Иные-же остались при дворѣ хана, даровавшаго имъ селеніе, называемое *Сивурташъ* (*Sivurtasc*), т. е. остроконечный камень, которое до сихъ поръ существуетъ и замѣтно издали [118]). Ханъ далъ имъ также бея той-же національности, называвшагося *Сивурташъ*-беемъ. Ханъ очень дорожилъ ими и отправлялъ ихъ въ качествѣ пословъ въ *Польшу* и къ другимъ христіанскимъ государямъ; сдѣлалъ ихъ всѣхъ спагами (spaha), т. е. придворными дворянами; избавилъ ихъ отъ уплаты податей, десятины и прочихъ налоговъ, обязавъ только сопровождать хана на войну. Современемъ бей перешелъ въ магометанство, многие послѣдовали его примѣру. *Сивурташъ* находится на близкомъ разстояніи отъ ханскаго дворца, поэтому пріѣзжавшіе къ хану знакомые или родственники чиркасы уходили затѣмъ къ немногимъ христіанамъ, оставшимся въ *Сивурташѣ*, и сильно стѣсняли тѣхъ, а потому они, 30 лѣтъ тому назадъ, со всѣми семьями, переселились въ *Феччіалу*, на полдня пути далѣе, но въ сторонѣ, въ прелестной мѣстности, орошенной рѣкой, съ источниками вкуснѣйшей воды и изобиліемъ плодовъ [119]). Они пользуются льготами наравнѣ съ чиркасами и имѣютъ одинаковые съ ними обычаи и обряды, но, изъ боязни хана, вмѣсто мечей, имъ служатъ языки для злословія; единодушны они бываютъ только когда пьютъ вмѣстѣ. Выдѣлываютъ вино и ѣдятъ обыкновенный хлѣбъ. Ихъ всего 12 домовъ всегда бывшихъ латинскаго вѣроисповѣданія, заимствованнаго изъ *Польши* или *Италіи*, но говорятъ они не по итальянски, а по турецки, татарски и чиркасски. Они хорошо знаютъ «*Отче нашъ*» и «*Богородицу*» по латыни. Мы-же исповѣдуемъ ихъ и говоримъ проповѣди на материнскомъ языкѣ страны, т. е. по турецки. Мужчины, сопровождающіе хана на войну, по уходѣ отъ него, пускаются грабить вмѣстѣ съ татарами, а плѣнныхъ и ихъ дѣтей ставятъ ниже рабовъ, отнимая у нихъ на вѣки надежду на освобожденіе, если только они не выкупятся за деньги, и заставляя обрабатывать свои земли, на которыя сами даже и не заглядываютъ. Они не хотятъ терпѣть ни наставленій, ни осужденій, ни постановленій; такихъ мы укрощаемъ неотпущеніемъ грѣховъ, до тѣхъ поръ пока они не сократятъ надлежащимъ образомъ срокъ неволи плѣннымъ. У нихъ было принято долголѣтнее сожительство съ женщинами, отъ которыхъ имѣли дѣтей, а потомъ призывали священника, хотя-бы греческаго, и вѣнчались съ этими женщинами; но мы и это исправили. Подобно чиркашенкамъ, тамошнія женщины, выйдя замужъ, не показываются и, даже еще хуже, за все время такой жизни не хотятъ посѣщать церковь, изъ боязни встрѣчи съ родственниками, и въ этомъ насъ не слѣдуетъ упрекать, ибо мнѣ не мало

стоило уговорить одну изъ нихъ, послѣ 4-хъ лѣтъ стараній, придти въ церковь. Полагаю, что такимъ образомъ и хуже того поступали бы женщины въ *Чиркасіи*, въ силу философскаго правила: Propter quod unum quodque tale, et illud magis, ибо, если наши женщины, всегда имѣвшія духовныхъ отцовъ для обученія, придерживаются, по примѣру чиркашенокъ, столь дикихъ обычаевъ, то чиркашенки еще продолжительнѣе воздерживались-бы отъ посѣщенія церкви, такъ какъ у чиркасовъ нѣтъ ни храмовъ, ни священниковъ, а имѣются лишь такъ называемые шугуены (sciuguen), замѣняющіе духовныхъ лицъ. Эти шугуены умѣютъ читать немножко по гречески, чему ихъ духовные отцы или сами они научились въ *Татаріи*; они-же освящаютъ и благословляютъ курбаны или жертвоприношенія, отпѣваютъ покойниковъ и т. п.; впрочемъ, некому служить обѣдню или совершать иное таинство. У нихъ не существуютъ ни буквы, ни письмена, почему турокъ и даетъ имъ оскорбительное прозвище «*чиркасъ кіетабзисъ*», что значитъ черкесъ безъ буквъ и безъ книгъ [120]). Право не знаю, отчего священники изъ другихъ странъ не могли удержаться среди нихъ; потому-ли, что подвергались ежечаснымъ кражамъ, такъ какъ эти чиркасы не щадятъ никого, или-же по причинѣ ихъ убогаго и какъ бы шипящаго языка, труднѣе котораго нѣтъ другого въ мірѣ. Но мы всетаки призваны быть виноградарями сихъ краевъ, если только Господу будетъ угодно открыть намъ пути. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ я уже отправлялъ туда моего товарища, отца *Джіованни да-Лукка* (*Gio: da Lucca*), чтобы узнать о положеніи христіанской церкви; мѣстная знать оказала ему почетный и радушный пріемъ и выразила полную готовность принять нашу миссію; духовные труженики уже находятся на пути,—да приведетъ ихъ Господь къ спасенію.

У нихъ сохранились нѣкоторые добрые христіанскіе обычаи; напр. по вторникамъ, средамъ и пятницамъ они не ѣдятъ мяса круглый годъ; соблюдаютъ посты предъ праздниками св. *Апостоловъ* въ іюнѣ и *Успенія* пресв. *Богородицы* въ августѣ; постятся нѣсколько дней передъ *Рождествомъ Христовымъ*, а также весь великій постъ, все по уставу греческаго вѣроисповѣданія. Но теперь пора вернуться къ описанію *Татаріи*, хотя сказанное о чиркасахъ не чуждо нашей задачѣ, такъ какъ они входятъ въ предѣлы *Татаріи*, многочислены и имѣютъ много поселеній. *Татарія* населена: татарами, турками, чиркасами, греками, армянами и евреями. Татары двухъ видовъ или вѣтвей: крымскіе татары мѣстные (del Paese), старожилы и татары — ногайцы, пришедшіе сюда, около 200 лѣтъ тому назадъ, изъ *Скиѳіи* (*Scithia*), подъ предводительствомъ 12-ти мурзъ (Murusa) и подъ верховнымъ начальствомъ хана. Крымскіе татары называются патракъ (Patrach), по имени рѣки, протекающей въ *Татаріи*, оба берега которой покрыты множествомъ селеній, ими обитаемыхъ, откуда они потомъ

разсѣялись по всей *Татаріи* [121]). Въ настоящее время татары-ногайцы считаются главнѣйшими, не по численности, а по богатству и знатности рода. Трое властителей *Татаріи* находятся всецѣло въ рукахъ ногайцевъ; ханы выдаютъ своихъ дочерей за ихъ сыновей, а старшій изъ ихъ князей, называемый *Ширинъ-беемъ* (*Scirin-Bei*), одинъ имѣетъ право коснуться ханской крови, если того потребуетъ правосудіе [122]).

Между этими двумя племенами татаръ, есть разница въ обычаяхъ. Крымскіе татары или татары патраки по наружности походятъ на прочихъ людей, бѣлаго цвѣта кожи или пшеничнаго; они не отличаются и нравами. Ногайцы-же какъ-бы оливковаго цвѣта, впадающаго въ черноватый (color olivastro, et tirano al negro). Лицо у нихъ короткое, виски большіе и широкіе, глаза маленькіе, круглые и впалые, такъ что едва замѣтны. Но ихъ зрѣніе очень остро: ночью, среди густѣйшей тьмы, они различаютъ дорогу, по которой должны идти. Послѣ рожденія они цѣлыхъ 8 дней не открываютъ глазъ, а лишь слегка мигаютъ, за что *турокъ* ихъ и прозвалъ собакой, *татаръ копекъ* (*Tartar chioppech*) [123]); но это прирожденное свойство слабѣетъ по мѣрѣ того, какъ ногайцы роднятся съ крымскими татарами Носы у нихъ сплюснутые и короткіе подбородки; спятъ съежившись и не любятъ видѣть свѣтъ отъ огня. Имѣютъ длинное туловище и короткія ноги, почему, сидя верхомъ, кажутся великанами, а, стоя на землѣ, оказываются ниже обыкновенныхъ людей. Но ногайскіе князья одинаково красивы верхомъ и пѣшкомъ, потому что родятся отъ прекрасныхъ черкашенокъ. Крымскіе татары пашутъ и сѣютъ; ѣдятъ обыкновенный пшеничный хлѣбъ; ногайцы-же не сѣютъ и не жнутъ, но питаются полусырымъ мясомъ, преимущественно кониной, и пьютъ кобылье молоко или простую воду, а иногда бузу. Хотя многіе изъ находящихся въ *Татаріи* ногайцевъ живутъ привольно, тѣмъ не менѣе среди простонародья не мало такихъ, которые никогда не ѣдятъ хлѣба, а ногайцы, живущіе въ *Скиѳіи*, не знаютъ даже, что такое хлѣбъ. Они прекрасно переносятъ голодъ, будучи въ состояніи провести 10 и даже 12 дней безъ ѣды; за то, когда находятъ пищу, то сколько ни ѣдятъ, никакъ не могутъ насытиться; былъ примѣръ одного ногайца, который съѣлъ, въ присутствіи теперешняго хана, крупнаго, жирнаго барана въ одинъ присѣстъ. Крымскіе татары живутъ въ поселеніяхъ и въ обыкновенныхъ домахъ; ногайцы-же не имѣютъ постоянныхъ жилищъ въ деревняхъ, а живутъ въ степи, на повозкахъ, на коихъ устраиваютъ какъ-бы комнаты, прикрѣпляя къ повозкамъ крыши изъ тонкихъ прутьевъ, формой напоминающія церковные купола, покрытыя войлокомъ. Тамъ они варятъ пищу, сдѣлавъ наверху отверстіе для дыма, а также ѣдятъ и спятъ. Такихъ помѣщеній они устраиваютъ сколько имъ понадобится, и на этихъ повозкахъ, запряженныхъ волами, переѣзжаютъ съ мѣста на мѣсто, въ поискахъ за пастбищемъ для скота; иногда

телѣги съѣзжаются въ такомъ количествѣ, что представляютъ видъ очень большого города. Не слѣдуетъ, однако, отрицать, что у князей и у другихъ знатныхъ ногайцевъ есть селенія и дворцы. *Татарія* почти сплошная равнина; горы тянутся лишь вдоль морского побережья. Почва черноземная и крайне плодородная, съ сотнями тысячъ разнаго скота, преимущественно лошадей, овецъ и воловъ, для которыхъ тамъ видны обширнѣйшіе луга и пастбища. Пшеница и прочіе хлѣба произрастаютъ въ изобиліи, равно какъ и ленъ, изъ котораго татары ткутъ тончайшее полотно. Въ двухъ мѣстностяхъ выдѣлываютъ очень много вина; одна называется *Судакъ*, о которомъ говорилось въ перечисленіи главныхъ городовъ *Татаріи*; другая называется *Бельбекъ* (*Belbech*) и находится недалеко отъ *Бахчисарая*. Первая мѣстность подъ турецкимъ владычествомъ, вторая принадлежитъ хану. Вина *Бельбека* не столь пріятны и крѣпки, какъ судакскія. Тамъ мясо, птица, рыба, молочные скопы и плоды въ изобиліи.

Тамъ есть два обширныхъ соляныхъ озера: первое на одной оконечности *Татаріи*, т. е. въ *Воспро*, а другое на противоположной сторонѣ, въ *Юзлеве;* они обильно снабжаютъ столовой и поваренной солью все прибрежье *Черного* моря и самый *Константинополь*; принадлежатъ хану.

Утверждаютъ за вѣрное, будто въ горахъ близъ города *Крыма* находится жила серебряной руды, но здѣсь опасаются верховной власти. Путешествовать по *Татаріи* бываетъ отчасти удобно, такъ какъ употребляются телѣжки, сдѣланныя изъ вѣтвей и тонкихъ древесныхъ прутьевъ, покрытыя сверху цыновками и войлокомъ; въ нихъ можно разстилать и ковры. Внутри свободно помѣщается небольшой тюфякъ на двоихъ, но по турецки (alla Turchesca) могутъ усѣсться 3-е и даже 4-ро. Эти повозки весьма удобны и для здоровыхъ и для больныхъ; купцы кладутъ туда свои товары и удобные тюки, на которые садятся сами. Въ повозки запрягаютъ лошадей или верблюдовъ, коихъ въ *Татаріи* очень много; но у нихъ на спинѣ не одинъ горбъ, какъ у азіатскихъ и прочихъ верблюдовъ, а два горба, представляющіе какъ бы сѣдельный арчакъ, такъ что на нихъ часто и садятся, какъ на удобное сѣдло. Многихъ верблюдовъ уводятъ въ *Азію* для разведенія ихъ породы Путешествовать по *Татаріи* бываетъ затруднительно тѣмъ именно, что приходится останавливаться для привала подъ открытымъ небомъ, а часто и подъ дождемъ [124]); по дорогѣ поселеній нѣтъ или ничтожно-малыя; они всѣ сосредоточены въ долинахъ или вдоль рѣкъ, которыхъ всего семь, хотя и не очень большихъ. Такъ какъ за отсутствіемъ гостинницъ или конаковъ, по выраженію татаръ, некому заботиться о нуждахъ путниковъ, то всякій запасается на дорогу съѣстными припасами, для себя и упряжи. Если-же иногда встрѣчается татарскій поселокъ, то путника, съ полной любовью и гостепріимствомъ, снабжаютъ безвозмездно, чѣмъ только могутъ, и ему крайне рѣдко приходится терпѣть

обиду; дѣйствительно, татары, которые внѣ *Татаріи*, какъ истые дьяволы, губятъ столько душъ, на родинѣ кажутся ангелами. Тѣмъ не мѣнѣе *Татарія* остается сущимъ адомъ, какъ по вышеупомянутымъ проклятымъ набѣгамъ, такъ и по многочисленнымъ ворожбамъ, заклинаніямъ и колдовствамъ. На улицахъ главныхъ городовъ стоятъ фальджи (falgi) и бахчи (bachcci), какъ ихъ называютъ, видятъ и предсказываютъ вопрошающимъ будущее, pecunia mediante, хорошее или дурное, гадая на книгахъ, на бардакахъ (bardacche) или крытыхъ сосудахъ съ водой, на костяхъ, на стрѣлахъ. Но больше всего они прибѣгаютъ къ сглазу (l'affascinar con gl'occhi), называемому у нихъ наззарликъ (Nazzarlich)[125]; я былъ свидѣтелемъ изумительнаго дѣйствія онаго особенно на женщинъ. Такъ, напримѣръ, достаточно сказать женщинѣ: «о! какіе чудные глаза»!—и тотчасъ глаза у нея начинаются слезиться и болѣть, а затѣмъ она слѣпнетъ; или-же, намекая на работу дѣвушки, произнести: «какъ она хорошо работаетъ»! и немедленно руки дѣвушки начинаютъ дрожать, или-же ея палецъ повреждается и т. п.

Но за всѣ учиняемые проступки и беззаконія Господь Богъ въ теченіе сихъ послѣднихъ лѣтъ сталъ являть великія знаменія. Мы сказали выше, что татаръ осталось очень мало, такъ какъ многіе погибли на войнѣ. Пять лѣтъ тому назадъ жесточайшая чума смела сотни тысячъ людей. Четыре года сряду появлялась саранча, каждый разъ въ большемъ количествѣ и ранѣе прежняго, причиняя невѣроятные убытки не только людямъ, въ видѣ сильной дороговизны, но кромѣ того въ зимнее время погибло великое множество скота по недостатку подножнаго корма и запасовъ сѣна; наконецъ, выпадали часто великіе снѣга при сильнѣйшихъ морозахъ.

Эта саранча или коккиркіе (Cocchirchie)[126], какъ называютъ татары и турки, въ 4-ый годъ появилась необыкновеннымъ и чудеснымъ образомъ, т. е. не безпорядочно, какъ въ другіе годы, но виднѣлась въ разныхъ мѣстахъ, расположенная густыми и сомкнутыми рядами, такъ что казалась не саранчой или просто смышленою тварью, а правильно выстроенными станами ратниковъ, не отстающихъ одинъ отъ другого. При передвиженіи каждый рядъ шелъ за вождемъ, причемъ слѣдующій рядъ стоялъ неподвижно, до тѣхъ поръ пока его вождь не трогался съ мѣста; въ такомъ-же порядкѣ шли всѣ послѣдующіе ряды, въ чемъ я дорогою убѣдился лично, бросивъ въ нихъ нѣсколько камней. Послѣдствіемъ вышеупомянутыхъ знаменій было то, что *Салмаша* покинулъ зимой *Татарію*, забравъ семью, и, въ сопровожденіи многихъ отрядовъ ногайцевъ, удалился въ *Ромелію* къ брату своему *Кандемиру*. Нынѣшнимъ лѣтомъ, по причинѣ голода, около 30.000 татаръ переселились съ семьями, кто моремъ, кто сухимъ путемъ, въ ту-же *Ромелію*, причемъ изъ каждаго поселенія уходило то болѣе, то менѣе одной или двухъ тысячъ человѣкъ, смотря по числу жителей.

По причинѣ войнъ, чумы, голода и выселенія, въ *Татаріи* осталось менѣе 20.000 поселковъ (Ville) и то мало населенныхъ[108]. Много было замѣчено небесныхъ знаменій, о которыхъ долго разсказывать; но не могу умолчать объ одномъ изъ нихъ, которое я наблюдалъ очень внимательно. Въ августѣ мѣсяцѣ, прошлаго 1633 года, было два лунныхъ затменія: одно вечеромъ, въ первую четверть луны, около двухъ часовъ ночи, длившееся болѣе часа; другое въ полнолуніе, часа за полтора до разсвѣта. Наблюдалъ затменіе, находясь на пути къ поселенію (Villa) нашихъ христіанъ, но съ наступленіемъ утренней зари я его болѣе не видѣлъ, гора заслонила отъ меня ходъ затменія. На тринадцатый день того-же мѣсяца солнце померкло около часа съ половиной дня. Происходившія измѣненія были изумительны; я опишу ихъ вкратцѣ и сообразно наблюденіямъ, сдѣланнымъ мною, съ большимъ любопытствомъ, въ открытомъ полѣ, на обратномъ пути изъ вышеупомянутой поѣздки. Итакъ, сначала солнце появилось въ видѣ четыреугольника, что продолжалось достаточно времени, чтобы пропѣть Вѣрую; затѣмъ оно снова приняло круглое очертаніе на такой-же промежутокъ времени; послѣ того солнце показалось опоясаннымъ по серединѣ черной полосой, шириной въ 4 пальца, это явленіе длилось столько-же; потомъ потемнѣла верхняя часть солнца, снизу-же оно осталось освѣщеннымъ; спустя еще столько-же времени, солнце освѣтилось сверху до половины, а снизу потемнѣло; таковымъ оно осталось еще такой-же промежутокъ времени и, наконецъ, стало затмеваться, какъ бы облекаясь со всѣхъ сторонъ въ тонкое покрывало, такъ что солнце не только скрылось, но втеченіе полутора часа ходьбы я даже не видѣлъ и слѣда его мѣстонахожденія. Я сильно желалъ прибыть въ *Каффу* достаточно заблаговременно, чтобы показать сіе великое знаменіе нѣкоторымъ друзьямъ. Богу было угодно дозволить и другимъ быть свидѣтелями явленія; дѣйствительно, встрѣтивъ образованныхъ армянъ и евреевъ, я подозвалъ ихъ къ морскому берегу, обращенному къ востоку, и спросилъ, могутъ ли они прослѣдить гдѣ находится солнце; они долго думали, высчитывая, который могъ быть часъ, но напрасно; оказалось невозможнымъ опредѣлить мѣсто его нахожденія, а между прочимъ, даже при облачномъ небѣ, подобныя вычисленія не нужны, потому что всегда замѣтенъ слѣдъ солнца и можно наблюдать за ходомъ свѣтила[127]. Во все время затменія, т. е. добрыхъ два часа, солнце давало землѣ лишь тусклое и печальное освѣщеніе. Послѣдствіемъ таковаго знаменія было то, что въ слѣдующую зиму, въ январѣ мѣсяцѣ, единственный сынъ нынѣшняго царя или хана *Замбекирая* отправился со своимъ войскомъ въ *Чиркасію* и, прійдя въ *Воспро*, крайній предѣлъ *Татаріи*, легъ спать во второмъ часу ночи съ головною болью, а къ полуночи непримѣтнымъ образомъ перешелъ, такъ сказать, скоропостижно въ другую жизнь. Итакъ, солнце затмилось навсегда, ибо

родъ *Конкизъ* (Casa *Conchis*) болѣе не испуститъ лучей съ этой стороны, потому что сынъ хана умеръ бездѣтнымъ, единственный братъ хана также скончался 3 года тому назадъ безъ наслѣдниковъ и самъ ханъ на то утратилъ всякую надежду [128]). Въ *Татаріи*, прославленной столь многими султанами, остался лишь единоутробный братъ хана. Да будетъ угодно Господу, чтобы взошло новое солнце и загорѣлся новый свѣтъ et in bonum monstra convertantur.

Amen. 1634.

Перевелъ съ итальянскаго *Николай Пименовъ.*

Ялта, 1-го августа,
1901 года.

ПРИМѢЧАНІЯ.

[1]) Кн Прем. Сол., 7, 13. «Нелестнѣ научихся, безъ зависти преподаю и богатства ея не сокрываю». А. Б. Д.

[2]) Слѣдовательно нашъ авторъ находился въ Крыму съ 1624 года, что видно и изъ дальнѣйшихъ опредѣленныхъ и точныхъ указаній на стр. 11, 22 и въ самомъ концѣ. А. Б. Д.

[3]) Понтъ—Πόντος—пучина, море по преимуществу, величайшій внутренній океанъ для далекой древности, самъ давалъ свое имя странамъ, къ нему прилегавшимъ, а не отъ нихъ заимствовался. Никакой рѣки *Трабизонды*, именовавшейся *Понтомъ*, не существовало. Вообще въ своихъ книжныхъ соображеніяхъ авторъ не особенно счастливъ. А. Б. Д.

[4]) Издатель съ нѣкоторымъ сомнѣніемъ поправляетъ имя города *Persona* на *Chersona*, но сомнѣваться тутъ не въ чемъ и написаніе имени *Херсона* черезъ *Persona* не ошибка, а только описка; далѣе, стр. 28, авторъ называя городъ и приводя точно то-же реченіе изъ житія св. *Климента* и самъ дважды пишетъ—*Chersona*. А. Б. Д.

[5]) Здѣсь тоже скорѣе пропускъ, чѣмъ ошибка. *Дунай* и по турецки также называется *Донъ*. Но авторъ пропустилъ между *Дунаемъ* и *Днѣпромъ* упомянуть отдѣльно *Днѣстръ*, обозначивъ его турецкое имя *Турà*, точнѣе *Турлà*,—передѣлка древней *Тиры*, но приписавъ это названіе тому-же *Дунаю*. А. Б. Д.

[6]) Указывать пріурочиваніе всѣхъ этихъ именъ къ современнымъ нѣтъ надобности, они и такъ вполнѣ понятны; замѣчу только, что и здѣсь и далѣе у нашего автора звучатъ южно-русскія наименованія, очевидно вслѣдствіе его близкаго знакомства съ плѣнными и съ козаками; такъ онъ говоритъ *Нипро*, *Ассовъ*, а у его товарища, *да-Лукка*, находимъ *Козлу* (*Козловъ*—вмѣсто *Гезлеве*) и даже *Malibasi*, неузнанную переводчикомъ *Малую-Абазу* (Опис. Перекопск. татаръ; Зап. Од. Общ. Ист. и Др., XI, 470, 475 и голландск. переводъ — De landsse der Percop. Tarters, Leyd., 1707, 8 и 3). А. Б. Д.

[7]) Вѣроятно, свободная передача пс. 92, 4—5: «Возьмутъ рѣки сотренія своя отъ гласовъ водъ многихъ. Дивны высоты морскія: дивенъ въ высокихъ Господь». А. Б. Д.

[8]) Пс. 103, 9. «Предѣлъ положилъ еси, его-же не прейдутъ, ниже обратятся покрыть землю». Авторъ указываетъ 103 псаломъ, какъ и въ нашей библіи; но въ нынѣшней латинской это пс. 104. Н. П.

[9]) Кн. Іова, 38, 11. «До сего дойдеши и не прейдеши, но въ тебѣ сокрушатся волны твоя». А. Б. Д.

[10]) Игра словъ автора: negromanto—черный плащъ, и negromanti—чернокнижники. Н. П.

[11]) Совершенно правильно разсуждая о теченіяхъ въ *Черномъ* морѣ, какъ увидимъ далѣе (стр. 11, прим. 47), а также о вытеканіи изъ него избытка водъ, авторъ не представлялъ себѣ этого иначе, какъ происходящимъ подъ вліяніемъ большого превышенія *Чернаго* моря надъ сосѣднимъ *Средиземнымъ*, и такой высотѣ приписывалъ, какъ-бы вершинѣ большой горы, неспокойное состояніе атмосферы надъ нашимъ моремъ. Почти также разсуждаетъ *Ламберти*, миссіонеръ въ Колхидѣ, о высотѣ, цвѣтѣ моря и особенно о раковинахъ церкви въ *Керчи* (см. далѣе стр. 28, прим. 107); можно думать, что *Ламберти*, писавшій послѣ 1654 г., зналъ описаніе *д'Асколи* и пользовался имъ (Опис. Колхиды, Зап. Од. Общ. Ист. и Др., X, 217). А. Б. Д.

[12]) Annegrire—чернѣть, помрачаться. Н. П.

[13]) Здѣсь пропускъ у самого автора, въ которомъ онъ долженъ былъ сказать, что указанный имъ островъ на *Днѣпрѣ* былъ мѣстопребываніемъ страшныхъ *Росси*, козаки тожъ. Гдѣ была запорожская сѣчь въ его время, точно неизвѣстно: на *Базавлукѣ*, а можетъ быть и на *Хортицѣ* или *Чертомлыкѣ* (Эварницкій, Истор. Запор. Козаковъ, I, 82 и далѣе; Скальковскій, Ист. Новой Сѣчи, II, 9; Костомаровъ, Богд. Хмельницкій, I, 14). А. Б. Д.

[14]) Это описаніе морскаго боя козаковъ съ турками хорошо показываетъ, какъ сомнительно понимается старая рѣчь, особенно когда дѣло идетъ о вещахъ мало знакомыхъ. *Г. Дашкевичъ* въ дословномъ переводѣ этого мѣста (ор. с., предисл. VII) такъ выражается: «если-бы посчастливилось козакамъ, то въ день битвы не воротилась бы назадъ ни одна галера, такъ какъ козаки пробрались до Тимона della Reale». Но, по точному смыслу текста *д'Асколи*, дѣло развѣ что косвенно въ казачьемъ счастьи, а въ прямомъ смыслѣ: въ наступившей бурѣ (и то и другое по итальянски—fortuna); да и козаки пробрались не до какого-то невѣдомаго и совершенно невѣроятнаго, между турокъ, но важнаго господина *Тимона della Reale*, а, переводя буквально, просто на просто до «руля реалы». Слова Timon и Reala писаны съ большой буквы, какъ и всѣ имена существительныя у *д'Асколи* (значеніе этихъ словъ см. у Jal, Glaussaire Nautique, 748, 1438, 1453—4). Такой буквально вѣрный переводъ еще не будетъ, однако, вразумителенъ, такъ какъ д'Асколи здѣсь выражается фигурально, а потому въ текстѣ и данъ, хотя и не буквальный переводъ, но нѣсколько ближе выражающій основную мысль автора. Болѣе подробныя объясненія слѣдуютъ ниже, ибо этотъ безпримѣрный бой вполнѣ того заслуживаетъ.

На галерахъ рули дѣлались весьма простого устройства: бóльшаго размѣра, конечно, но по существу такіе-же точно, какъ на современныхъ морскихъ шлюпкахъ; такимъ образомъ, самый руль, дерево наложенное на его вершину, которымъ руль вращаютъ (румпель), и рулевые (Боголюбовъ, Истор. корабля, I, 146; Jal, op. c. 748; Jal, Archeologie navale; заглавная виньетка прекрасно изображаетъ корму галеры) находились на кормѣ. Частью поэтому, а частью и по многимъ инымъ, еще болѣе важнымъ причинамъ, на кормѣ-же, великолѣпно убранной рѣзьбой, роскошными тентами, коврами и флагами, помѣщался на тронѣ (буквально) самъ капитанъ, окруженный своими главнѣйшими подначальными благородными и свободными рыцарями и лучшими воинами, которые составляли главную оборону галеры; тутъ-же на кормѣ былъ складъ провизіи, стояли крупнѣйшія орудія для боя и мелкія для удержанія въ повиновеніи прикованныхъ къ галернымъ скамьямъ невольниковъ или наемниковъ и тутъ-же, наконецъ, поднимался флагъ (знамя) галеры (Въ музеѣ арсенала въ Венеціи есть превосходная большая модель галеры XVII вѣка, съ картечницами въ 20 стволовъ, обращенными противъ гребцовъ; тамъ-же хранятся и самыя картечницы отъ XVI вѣка). Такимъ образомъ, на кормѣ сосредоточивалось, оттуда исходило все управленіе и вся защита галеры (Jal, Gl. N. 751; Боголюбовъ, op. c. I. 149—151; Елагинъ, Ист. Русск. флота, примѣч. 17). Изъ сказаннаго можно видѣть, что корма галеры по своему значенію была, отчасти, тѣмъ-же, что капитанскіе мостикъ и рубка на теперешнихъ корабляхъ, но еще важнѣе и существеннѣе для жизни и дѣйствія галеры,—это была ея голова и сердце, ея святое мѣсто. Теперь будетъ понятно фигуральное выраженіе *д'Асколи*—овладѣли рулемъ,—что значитъ, въ сущности, овладѣли жизненнымъ узломъ галеры, ея кормою, безъ чего нельзя овладѣть рулемъ. Слѣдуетъ прибавить, что турки, особенно подъ вліяніемъ всяческихъ ренегатовъ, служившихъ имъ на морѣ, которое они сами не особенно долюбливали, заимствовали все морское устройство и всѣ порядки на флотѣ, измѣнивъ лишь немногое, а это устройство было одинаково у всѣхъ народовъ, особенно вокругъ *Средиземнаго* моря, и къ тому-же долгіе вѣка оставалось безъ существенныхъ измѣненій. У турокъ старшая галера начальника флота, главнаго адмирала, называлась *капитана* (тоже и у венеціанъ), отсюда и титулъ начальника турецкихъ морскихъ силъ—капуданъ-паша (Jal, Gl. Naut. 406, 409, 410, 1241; Hammer Hist. de l'Emp. Ottom XV, 172; Hammer, Des Osmanisch. Reichs Staatsverfas. und Staats verwalt. II, 285 и далѣе 295). Великолѣпное изображеніе турецкаго капи-

тана, съ тремя кормовыми роскошными фонарями, на картинѣ боя при Лепантѣ, во дворцѣ дожей, въ Венеціи въ залѣ della Scrutino. Галера второго адмирала (вице-адмирала) называлась *патрона*, а ея командиръ патрона-бегъ (Jal, op. c. 1145, 1545; Hammer, Des Osm. R. Staats. II, 295). Галера третьяго адмирала (контръ-адмирала), младшаго, звалась *ріала*, а ея командиръ ріала-бегъ (Hammer, Hist. X, 171, 172; Jal, op. c., 510, 1266). У французовъ реала (la Réale)—галера самого короля или старшаго начальника флота.

Такимъ образомъ, наиболѣе близкій переводъ, не по буквѣ, а по смыслу выраженія д'Асколи—havendo levati sino al Timone della Reale—примѣняясь къ порядкамъ современнаго морскаго дѣла былъ-бы: «овладѣли капитанской рубкой контръ-адмиральскаго корабля».

Самъ морской бой, о которомъ идетъ здѣсь рѣчь, извѣстенъ историкамъ весьма мало и плохо. По отчаянному мужеству, безграничной отвагѣ и вѣроятной гибели большей части участниковъ боя — козаковъ, онъ не имѣетъ не только равнаго, но и сколько нибудь подобнаго себѣ, во всей исторіи русскихъ морскихъ сраженій, съ нашими днями включительно. Козаки сдѣлали неслыханное усиліе, собрали болѣе 15.000 товарищей на 300—350 челнахъ, такой посудѣ, на которой современные герои-моряки пожалуй не рѣшились бы и *Днѣпръ* переплыть; а козаки вышли на этихъ челнахъ въ открытое море и тамъ ударили на цѣлую эскадру военныхъ каторгъ падишаха, бывшую подъ начальствомъ самаго капудана-паши; отчаянно сражались цѣлый день и, почти вырвавъ побѣду у турокъ, погибли отъ стихійной силы. Подвиги безвѣстныхъ героевъ въ этомъ изумительномъ бою, истинныхъ рыцарей безъ страха, если и не безъ упрека, заслуживаютъ не то что возможно подробнаго описанія, но и увѣковѣченія. Второе мнѣ недоступно, а первому я желалъ-бы положить начало, такъ какъ все писанное доселѣ объ этомъ боѣ очень мало точно и неопредѣленно. Поэтому, да позволено мнѣ будетъ разсмотрѣть, хотя здѣсь это и не очень умѣстно, извѣстное намъ объ основательно забытомъ, но великомъ боѣ русскихъ людей на морѣ.

Объ этомъ сраженіи говоритъ довольно подробно *Гаммеръ* (Hammer, Hist. de l'Emp. Ot., IX, 63—65, — у меня нѣтъ подъ руками нѣмецкаго, впрочемъ, менѣе полнаго текста), по турецкимъ или идущимъ черезъ турокъ источникамъ. *Костомаровъ* повторилъ *Гаммера* (Богд. Хмельницкій, изд. 1884 г. I, 72—73), мѣстами произвольно измѣнивъ его, просто по соображенію, и значительно пополнивъ цвѣтами краснорѣчія, а всѣмъ этимъ не мало ухудшивъ, и кромѣ того соображался съ выпиской турецкаго источника переведеннаго Сенковскимъ (Collectanea z Dziejopisów Tureckich, I, 177—181, Wazschawa, 1824). *Г. Эварницкій* повторилъ *Костомарова* (Исторія Запорожск. Коз., II, 206—207). Изъ этого можно заключить, что о великомъ боѣ и гибели козаковъ въ нашихъ источникахъ

ничего не найдено, такъ какъ пришлось довольствоваться только турецкими. Разсказъ *Гаммера* видимо писанъ со словъ людей, имѣвшихъ слабое представленіе о морскомъ дѣлѣ, почему и обстоятельства боя изложены въ такомъ невѣроятномъ освѣщеніи, что и онъ самъ можетъ казаться недостовѣрнымъ и даже едва-ли статочнымъ. Понятно, что нѣсколько словъ объ этомъ боѣ д'Асколи, умнаго человѣка, хорошо знакомаго съ моремъ, бывшаго въ Крыму въ тѣ именно времена и, вѣроятно, слышавшаго, какъ было дѣло отъ самихъ участниковъ, значатъ очень много, тѣмъ болѣе, что сказанное имъ имѣетъ видъ совершенной точности и достовѣрности, ибо по существу повторяетъ вполнѣ турецкіе разсказы, но только съ тѣмъ оттѣнкомъ, который выдумку обращаетъ въ достовѣрность; жаль, что онъ недостаточно подробенъ. Такимъ образомъ, слова д'Асколи даютъ возможность удостовѣрить, что этотъ славный бой происходилъ дѣйствительно, доставивъ не мало почестей капудану-пашѣ и оставшись надолго памятнымъ туркамъ; не даромъ о немъ дважды упоминаетъ, хотя и въ общихъ чертахъ, Эвлія-ефенди въ своемъ путешествіи (Evliya efendi, Narrative of travels, London. 1850, I, 128 и 142).

По *Гаммеру*, капуданъ-паша съ флотомъ, усмиривъ мятежъ въ *Варнѣ* своихъ-же янычаръ и матросовъ, тронулся на розыски козаковъ послѣ 13-го сентября 1625 года (10 сильхидже 1034); въ *Киль-Бурунѣ*, противъ *Очакова*, ему сказали, что видѣли козаковъ подъ берегами въ числѣ 300 челновъ, будто-бы идущихъ въ *Трапезунтъ*; капуданъ-паша хотѣлъ пойти за ними въ слѣдъ, но жители Очакова упросили его не удаляться и стать на якорь въ нѣсколькихъ миляхъ, въ открытомъ морѣ. Послѣ шести недѣль такого бездѣльнаго стоянія, капуданъ-паша рѣшился идти къ Константинополю, а на пути туда на него бросились козаки, начавъ описываемый бой.

Надо думать, такъ все и изложено въ турецкихъ источникахъ, хотя у Сенковскаго тоже турецкій источникъ излагаетъ дѣло иначе и гораздо вѣроятнѣе; но не могу не удивиться, какъ могли наши историки во всемъ этомъ не замѣтить совершенно невѣроятнаго сплетенія небылицъ и молча проглотить все это баснословіе.

Если повѣрить этому разсказу, то окажется, что козаки пробыли въ морѣ около двухъ мѣсяцевъ, съ начала сентября по конецъ октября; но все, что намъ извѣстно о морскихъ козачьихъ походахъ, прямо противорѣчитъ такому невозможному показанію.

Бопланъ, имѣвшій возможность хорошо знать козачьи повадки, къ тому-же писавшій о времени весьма близкомъ къ нашему, подробно описывавшій технику морскихъ походовъ козаковъ, говоритъ прямо и рѣшительно, въ особо подчеркнутой и на нарочито примѣтномъ мѣстѣ сдѣланной выноскѣ: «замѣтьте, что они (козаки) отправляются (въ море) только

послѣ дня св. Іоанна (т. е. 24-го іюня), чтобы возвратиться самое позднее въ началѣ августа» (Beauplan, Descr. de l'Ukranie, Rouen, 1668, 58: Notez qu'ils ne partent qu'apres la S. Jean pour estre de retour au plus tard au commencement de Aoust).—Такое казачье правило неслучайно и даже не козаками выдумано или кѣмъ либо единолично, оно является послѣдствіемъ глубокаго и исконнаго знанія свойствъ *Чернаго* моря,—знанія, наслѣдованнаго преемственно отъ временъ грековъ и римлянъ, дополненнаго опытомъ походовъ варваровъ и *Руси*, переданнаго козакамъ прибрежнымъ населеніемъ и въ особенности самими-же турецкими капитанами (рейсами), по преимуществу ренегатами или христіанами, какъ на то указывали туркамъ польскіе послы въ 1602 году (Костомаровъ, Богд. Хм., 56), во время споровъ изъ за усиленія козачьихъ набѣговъ. Знаменитый флотоводецъ *Андрей д'Оріа* говаривалъ, что наилучшіе порты Средиземнаго моря іюнь, іюль (и портъ *Магонъ*); козаки этого изреченія не слышали, конечно, но свое море понимали очень хорошо, твердо зная, что и въ немъ надежны только тѣ-же мѣсяцы и что съ челнами, сколоченными на живую нитку, пускаться въ море въ иную пору года, а особенно въ осеннія равноденственныя бури, уже не отвага, а простое безуміе. Какъ-же послѣ этого возможно повѣрить турецкому разсказу, по которому козаки будто-бы вышли въ море только въ началѣ сентября и пробыли тамъ, вмѣсто обычнаго одного мѣсяца, почти два самыхъ бурныхъ осеннихъ? Правда, у г. *Эварницкаго* (ор. с., I, 456, II, 203) говорится, будто козаки для морскихъ походовъ выбирали осеннее время (безъ источника), чему указаны и примѣры: въ 1621 году въ августѣ *Богданъ Хмельницкій* ходилъ подъ Константинополь и будто бы еще позже, въ томъ же году, дѣлались козачьи походы, во время которыхъ взятые въ плѣнъ козаки были приведены къ падишаху подъ *Исакчу*. Но все это простое недоразумѣніе, очевидное изъ того, что плѣнные козаки были уже въ *Исакчѣ* около середины іюня нашего стиля (Hammer, ор. с. VIII, 275—276), а стало быть и эти походы были, какъ и слѣдуетъ, еще раньше, а *Хмельницкій* едва-ли могъ быть въ этомъ году въ походѣ, находясь въ плѣну послѣ пораженія подъ Цецорой въ 1620 г. (Костомаровъ, ор. с., I, 70). У того же автора о походѣ 1625 года говорится (ор. с. 205), повторяя *Костомарова* (ор. с., I, 71), что даже и въ октябрѣ козаки появились вторично подъ Константинополемъ; но это тоже ошибка, со ссылками на *Смирнова*, ничего такого неговорящаго; здѣсь спутаны событія 1624 года, съ невѣрными описаніями, которыя г. *Эварницкій* повторилъ, какъ новыя, на стр. 206 подъ 1625 годомъ, а походъ въ октябрѣ указалъ и вовсе безъ источниковъ. У Гаммера тоже есть указаніе на взятіе Синопа козаками въ концѣ октября, но великій визирь долго скрывалъ это отъ падишаха и наконецъ, когда все узналось въ удобную минуту, былъ казненъ—17-го октября; очевидно, что первое показаніе невѣрно.

Въ разбираемомъ походѣ дѣло не только въ необычайномъ времени: оказывается, что козаки, будучи въ исключительно большихъ силахъ, вдвое, второе превышавшихъ обыкновенныя (80—100 чаекъ, см. Beauplan, ор. с. 57), выйдя въ море и пробывъ тамъ болѣе двухъ мѣсяцевъ, за это время нигдѣ и не въ чемъ себя не проявили, такъ что объ этомъ никто и ничего не говоритъ, по отношенію къ 1625 году, хотя всегда гдѣ нибудь да отмѣчены козацкіе набѣги, даже и небольшіе. Конечно, истребленіе турокъ, опустошеніе ихъ береговъ было у козаковъ не послѣднимъ дѣломъ; но все же нельзя не признать, что главнымъ козачьимъ двигателемъ была нажива, добыча. Какъ же могло случиться, что въ теченіе двухъ мѣсяцевъ такое огромное воинство ничего не разграбило и даже неизвѣстно гдѣ пребывало? а не должно забывать, что козаки съ собою брали всякихъ припасовъ весьма мало, по мнѣнію для того мѣста, и если они никуда не показывались, то чѣмъ-же два мѣсяца кормились 15.000 человѣкъ, да и гдѣ они могли такъ безслѣдно прятаться, чтобы ихъ никто не замѣтилъ въ теченіе такого долгаго времени? если только допустить, что у этихъ храбрецовъ явилась мысль, неизвѣстно для чего скрываться. Турецкій разсказчикъ обо всемъ этомъ молчитъ, хотя знаетъ даже и такое, чего, казалось-бы, никакъ не увидишь изъ *Очакова*, а именно, куда пошли чайки—будто-бы къ *Трапезунту*.

Вообще всѣ морскіе козачьи походы были дѣломъ высокоотважнымъ; но они не были безумною нелѣпостью, что доказывается и ихъ частыми, даже чрезвычайными успѣхами, возможными только при вполнѣ благопріятномъ состояніи моря и чрезвычайной быстротѣ и неожиданности походовъ: въ три, четыре дня чайки уже достигали дальняго края *Анатоліи* (Beauplan, ор. с. 58), разносили, что было возможно, и съ такою же быстротою спѣшили назадъ, чтобы не дать много времени туркамъ приготовить имъ встрѣчу на обратномъ пути. Натискъ и быстрота сказаны *Суворовымъ*, но не имъ выдуманы; они-то и лежали въ основѣ всѣхъ козачьихъ морскихъ походовъ, давая козакамъ главное орудіе побѣды — неожиданность нападенія.

Не менѣе сомнительно утвержденіе турецкихъ источниковъ о томъ, что капуданъ-паша, по просьбѣ жителей, ничѣмъ не объяснимой, простоялъ въ бездѣйствіи шесть недѣль; и не только необъяснимо, но уже и просто невозможно, чтобы онъ все это время простоялъ въ открытомъ морѣ; въ осеннее время никто этого не сможетъ сдѣлать. Капуданъ-паша остался подъ Очаковымъ именно потому, что рѣшилъ ждать возвращенія козаковъ, такъ какъ гоняться за ними было тоже, что искать вѣтра въ полѣ; такъ именно и разсказываетъ источникъ Сенковскаго.

Всѣмъ этимъ дѣйствіямъ *Гаммеръ* даетъ время ихъ исполненія не только въ годахъ, но даже и въ числахъ мѣсяца; но насколько можно до-

вѣрять такой мелочной точности, можно судить по слѣдующему примѣру въ нашемъ же случаѣ. На стр. 63—65 (т. IX) онъ замѣчаетъ, что капуданъ-паша 13-го сентября пошелъ изъ Варны къ *Очакову*, заходя по пути во всѣ порты; въ *Очаковѣ* онъ пробылъ шесть недѣль, потомъ, идя обратно, вступилъ въ бой съ козаками, послѣ котораго, значитъ никакъ не ранѣе начала ноября, возвращаясь въ *Константинополь*, былъ застигнутъ бурей и потерялъ четыре судна. На слѣдующей 66 страницѣ онъ-же указываетъ, что эта самая буря была 2-го сентября (12-го нов. стиля), а слѣдовательно предшествовавшій ей бой съ козаками былъ не позже конца августа. Въ Черномъ морѣ выработалось искони общее правило, котораго держались всѣ и всегда—быть въ морѣ только лѣтнюю часть года; турки, заимствовавъ у грековъ, это выражали говоря: отъ Хедерлеза (св. Георгія 23-го апрѣля) до Хасима (св. Димитрія 26-го октября). Объ этомъ правилѣ говоритъ близкій по времени Шарденъ (Voyage en Perse, ed. 1811, I, 121). Но и оно касалось только большихъ судовъ, а не козачьихъ челновъ. И нынѣ матросы въ Турціи нанимаются, на Черномъ морѣ, отъ Хедерлеза до Кассима.

Мало того, что время года сомнительно, но и самый годъ битвы не болѣе точенъ. Указавъ, на 63 стр., что онъ былъ въ 1625 году, Гаммеръ на стр. 65 и 66 говоритъ, что на *слѣдующій годъ*, значитъ, въ 1626, была жестокая чума, Египетъ прислалъ только половину дани, назначались общественныя молитвы объ избавленіи отъ чумы и объ успѣшности осады Багдада; но все это, по донесеніямъ того-же Роэ и венеціанскимъ реляціямъ, произошло не въ 1626, а въ 1625 году, и слѣдовательно сраженіе было въ 1624 г.

По словамъ Евлія-ефенди (Travels, I, 142), въ 1625 г. (1035) капитанъ-пашой былъ уже Гасанъ-паша, строившій замки на Днѣпрѣ, а не Реджебъ; значитъ, и по этому показанію сраженіе было въ 1624 году.

Спутанность и малая точность турецкихъ источниковъ мнѣ кажется достаточно установленной; но она видна еще и изъ другихъ соображеній, по которымъ также числа, мѣсяцы, и самый годъ битвы оказываются иными; *д'Асколи*, достаточно точный въ своихъ хронологическихъ показаніяхъ, какъ увидимъ далѣе, говоритъ, что это сраженіе было «десять лѣтъ тому назадъ», т. е. въ 1624, а не въ 1625 году. Конечно, онъ могъ обмолвиться или ошибиться, но видимости всѣ въ его пользу и не только вышеуказанныя недоразумѣнія турецкихъ источниковъ, но и самыя козачьи дѣла на Украинѣ въ особенности.

Въ Малороссіи 1625 годъ былъ вовсе не таковъ, чтобы тамъ въ то время нашлось около 15.000 лучшихъ, храбрѣйшихъ, свободныхъ козаковъ, готовыхъ и могшихъ идти позднею осенью искать добычи и славы въ отважномъ заморскомъ походѣ. Съ іюля 1625 года тридцати тысячное польское

войско тронулось на Украйну для усмиренія и наказанія козаковъ. Частью въ переговорахъ, а частью въ мелкихъ стычкахъ прошло все лѣто; самъ гетманъ козачій, Жмайло, былъ все время въ *Запорогахъ*, а въ октябрѣ стоялъ передъ польскими войсками съ самыми видными козачьими полковниками (*Дорошенко*, *Олиферъ*), когда козаки были разбиты у *Курюкова* озера. Едва-ли въ такой годъ впору было думать о морскихъ походахъ, изъ за которыхъ по преимуществу шла польская гроза, а козаки признавались своевольными бунтовщиками; эти походы *Польша* обязалась прекратить еще по *Хотинскому* миру 1621 года, для чего и принимала всяческія мѣры, побуждаемая настояніями турокъ (Эварницкій, ор. с., II, 210 и далѣе). Вѣроятность такого соображенія подтверждается документально, какъ мнѣ кажется: посланный кіевскимъ митрополитомъ луцкій епископъ говорилъ въ Москвѣ, въ началѣ февраля 1625 года, что весною запорожцы собираются идти моремъ на турокъ (Соловьевъ, Ист. Р. 3-е изд., X, 88), а воевода изъ *Путивля* доносилъ, что на Запорожьи собралось было до 30.000 козаковъ около какого-то темнаго проходимца, будто-бы турецкаго царька *Александра Ахіи* (Ягья, будто-бы братъ падишаха Ахмета, сравн. Hammer VIII, 235), но узнавъ, что гетманъ *Конецпольскій* съ польскимъ войскомъ идетъ къ *Кіеву*, разошлось, чтобы собираться по городамъ для сопротивленія полякамъ, а 1-го сентября оттуда уѣхалъ и *Ахія*, объявившійся потомъ черезъ *Кіевъ* въ томъ-же *Путивлѣ* (Соловьевъ, ор. с., X, 94; Эварницкій, ор. с. II, 208—209). Кажется, отсюда ясно, что въ 1625 году никакого козачьяго похода въ море съ *Днѣпра* не предпринималось, именно вслѣдствіе нашествія поляковъ на *Украину*. За такое объясненіе, а не противъ него (*Эварницкій*, ор. с. II, 206—207) говоритъ и разсказъ козачьяго полковника *Алексѣя Шафрана*, который ходилъ съ донскими и запорожскими козаками, будучи ихъ старшиной, къ *Трапезунту* въ этомъ самомъ 1625 году. Г. *Эварницкій* видитъ въ его словахъ какъ-бы указаніе на тотъ-же походъ, который закончился нашимъ боемъ; но походъ *Шафрана*, безъ сомнѣнія, былъ совсѣмъ иной, маленькій, вышедшій вовсе не съ *Днѣпра*, какъ нашъ, а съ *Дона*, гдѣ «старшиной» (одно это названіе говоритъ за себя) и могъ быть неизвѣстный *Шафранъ*; и, конечно, это не была та армада, о которой мы говоримъ, иначе тотъ-же *Шафранъ* не преминулъ-бы на то указать, на ея пораженіе въ особенности, да и никакъ не могъ-бы *Шафранъ*, если онъ спасся послѣ боя, успѣть до конца того-же года продѣлать всѣ свои похожденія отъ устьевъ *Дуная* на *Донъ*, къ *Кіеву* и, наконецъ, взятый за стражу къ *Москвѣ* на допросъ, если-бы онъ участвовалъ въ самомъ концѣ октября или началѣ ноября въ нашемъ боѣ у устьевъ *Дуная*. Набѣгъ *Шафрана* былъ просто обычный донскихъ козаковъ, продѣлываемый ими ежегодно на 20—30 стругахъ, имѣя около 1.000 человѣкъ; именно донцы особенно излюбили мѣста подъ *Трапезунтомъ* и *Си*

нопомъ (Соловьевъ, ор. с., IX, 249, 252, 255, 257, 258, 261, 263, считая набѣги только съ 1622 по 1634 годъ; даже какъ нѣчто особенно рѣдкое отмѣчено, что въ 1632 году въ море не ходили). Въ *Анатоліи* донцы бывали такъ часто, что мѣстное населеніе хорошо умѣло отличать ихъ отъ запорожцевъ.

Вообще свѣдѣнія о происшествіяхъ этихъ лѣтъ въ *Крыму* и на *Черномъ* морѣ очень сбивчивы и ошибочны, а извѣстія *д'Асколи* значительно, какъ увидимъ еще и далѣе, ихъ исправляютъ и дополняютъ; полагая, что и въ вопросѣ о битвѣ козаковъ съ турецкимъ флотомъ его показаніе вѣрно, мнѣ кажется возможнымъ такое соглашеніе противорѣчій, впредь до нахожденія какихъ-либо новыхъ источниковъ. Въ основу этихъ соображеній можно положить, что сраженіе было въ 1624, а не въ 1625 году, какъ говоритъ *Гаммеръ*, и къ тому-же происходило въ концѣ лѣта, а не позднею осенью. Если такъ, то въ 1624 году, какъ точно извѣстно, козаки сдѣлали успѣшный и крайне дерзкій набѣгъ въ самый *Босфоръ*, простоявъ въ немъ, на виду у *Царьграда*, цѣлыя сутки (Hammer, ор. с., IX, 54: Смирновъ, Крымск. ханство, 493; Эварницкій, ор. с., II, 205). Этотъ отважный набѣгъ, однако, удался только потому, что вся турецкая эскадра, вмѣстѣ съ капуданомъ-пашею, была въ Каффѣ, занимаясь неудачной попыткой смѣны одного хана другимъ, о чемъ безъ сомнѣнія знали козаки отъ своихъ многочисленныхъ языковъ и всякаго рода перебѣжчиковъ, а потому и рѣшились предпринять походъ именно къ *Царьграду*; въ то-же время другой отрядъ козаковъ весьма успѣшно дѣйствовалъ противъ турокъ въ самомъ *Крыму*, призванный туда смѣняемымъ ханомъ. Точное время назначенія новаго хана неизвѣстно (Смирновъ, ор. с., 482, говоря именно объ этомъ назначеніи, называетъ конецъ мая 1628 года; но тутъ очевидная описка, и эти число и годъ скорѣе относятся къ третьему назначенію *Джаны-бекъ-Герая*, да и то едва-ли, о чемъ еще будетъ случай сказать далѣе); но дѣла его съ самаго начала пошли плохо и на помощь ему турки вынуждены были послать капудана-пашу *Реджеба* (былъ капуданомъ-пашею по Гаммеру съ 1623 по 1627 г. или по 1625 по Евлію — онъ былъ женатъ на сестрѣ *Мурада IV*, Hammer, ор. с., IX, 41, 81, 83), со всею эскадрой галеръ, отплывшей изъ *Константинополя* 6-го мая (Hammer, ор. с., IX, 41). Сколько времени пробыла эскадра въ Каффѣ, точно неизвѣстно; г. *Смирновъ* считаетъ, что около двухъ мѣсяцевъ (ор. с., 485), также и Гаммеръ (ор. с. 51); но это время, вѣроятно, относится вообще къ войнѣ съ татарами, а не къ одному пребыванію капудана-паши въ *Каффѣ* (Hammer, ор. с., IX, 51), потому что уже 10-го іюля (20 нов. ст.) венеціанское донесеніе говоритъ о крымскихъ дѣлахъ, какъ о конченныхъ (Hammer, ор. с., IX, 54, прим. I); слѣдовательно можно думать, что уже ранѣе того на двѣ-три недѣли флотъ былъ свободенъ и отправился въ

Константинополь, но не получилъ разрѣшенія войти въ проливъ и проплавалъ еще полтора мѣсяца въ *Черномъ* морѣ (Смирновъ, ор. с., 490). Что именно и гдѣ онъ дѣлалъ въ это время, неизвѣстно; но всего вѣроятнѣе, что флотъ послали слѣдить за ожидаемымъ, по времени года, выходомъ козаковъ въ море, о большихъ сборахъ которыхъ не могли не знать турки столь-же хорошо, какъ о нихъ самихъ знали козаки (см. Beauplan, ор. с. 58, о свѣдѣніяхъ турокъ). Съ указанною цѣлью флотъ пошелъ къ Очакову, гдѣ и узналъ о проходѣ козаковъ, распустившихъ ложный слухъ о томъ, что идутъ къ *Трапезунту*, а на самомъ дѣлѣ, какъ мы теперь знаемъ, они пошли въ *Босфоръ*, гдѣ и были 11-го іюля (21 новаго ст. — Hammer, ор. с. IX, 54), вѣроятно въ то самое время, когда флотъ подходилъ къ Очакову. Въ проливѣ появилось всего 150 чаекъ въ первый разъ, но черезъ нѣсколько дней онѣ вновь показались, и въ гораздо большемъ числѣ (Hammer, ор. с. IX, 56). Насколько спутаны турецкіе источники, видно изъ того, что даже такое рѣзко замѣтное и едва вѣроятное событіе по переводу Сенковскаго (Collect. I, 177) произошло 7-го октября 1624 года; будто-бы возвращаясь изъ пролива *Царьградскаго*, со славой и большой добычей, козаки, конечно, уже знали, что турецкій флотъ стережетъ ихъ у *Очакова*, а потому и зашли на время скрыться въ дунайскихъ плавняхъ и камышахъ,—мѣста столь имъ знакомыя и любезныя. Отсюда они слѣдили за флотомъ, здѣсь-же, вѣроятно, были усилены отдѣльными партіями, въ особенности тѣхъ козаковъ, которые были въ *Крыму*. Выжидая въ плавняхъ, козаки опоздились значительно, быть можетъ до половины августа, но, сберегая добычу и себя самихъ, сидѣли смирно, никому не показываясь на глаза, въ самыхъ глухихъ протокахъ *Дуная*, пока наконецъ не примѣтили эскадру возвращающуюся мимо нихъ въ безпорядочномъ и разстроенномъ видѣ, какъ увидимъ далѣе; тогда козаки не стерпѣли и неожиданно ударили на турокъ. Вотъ возможное и логическое объясненіе противорѣчій, но само собою разумѣется, что приведенныхъ выше доказательствъ еще недостаточно.

Теперь можно описать и самый ходъ морскаго сраженія. Оно произошло противъ *Кара-Ирмана* (*Кара-Хирманъ*, Hammer, ор. с., IX, 65; *Кара-арманъ* въ периплѣ моря у *д'Асколи*; Senkowsk. Collect., I, 178—181) въ 7—8 лье отъ берега; *Гаммеръ* нѣсколькими строками выше ведетъ счетъ милями; вѣроятно, и тутъ надо понимать тѣ-же турецкія мили, и тогда это будетъ около 10 верстъ отъ берега; галерамъ не было никакого повода идти далеко отъ берега, верстахъ въ 30—40, какъ выходитъ, если считать здѣсь мѣру въ французскихъ лье или морскихъ миляхъ. По источн. Сенковскаго, турецкій флотъ шелъ близъ самаго берега, не теряя его изъ вида, что и должно быть вѣрно, такъ какъ онъ занимался поисками козаковъ. Кара-Ирманъ находится у самой южной оконечности дунайской

дельты и представляетъ прекраснѣйшее мѣсто для нечаяннаго нападенія челнами, спрятавшимися въ камышахъ дельты; самъ по себѣ это высокій берегъ, ограничивающій дельту съ юга; на немъ, вдали отъ моря, есть довольно большое селеніе. Подходя къ этому мѣсту, флотъ, вѣроятно, шелъ очень медленно, къ тому-же растянулся и разстроился, по безвѣтрію и усталости гребцовъ, такъ что изъ 43 галеръ, бывшихъ у *Реджеба*-паши, только 21 оказались въ рѣшительную минуту подъ руками. Козаки все это видѣли и, по своему обыкновенію, подошли какъ можно ближе, чтобы не будучи примѣченными начать бой неожиданно; но это не совсѣмъ удалось и флотъ встрѣтилъ ихъ въ готовности. Козаки, пользуясь совершенной тишиной моря, бросились на разсыпанныя галеры, такъ что на каждую пришлось по десяти и даже по двадцати и болѣе челновъ, изъ которыхъ козаки лѣзли на абордажъ съ отчаяннымъ мужествомъ. Можно думать, что всѣ три адмиральскія галеры: капитана, патрона и ріала были въ этомъ дѣлѣ. Самый ожесточенный бой велся на капитанѣ, которую козаки узнали по тремъ кормовымъ фонарямъ, гдѣ они достигли до большой мачты, какъ говоритъ Гаммеръ (ор. с. 64 или его источникъ); но въ военно-морскомъ смыслѣ это ничего не поясняетъ и добраться до большой мачты не особенно много значитъ; можно бы думать, что именно здѣсь произошло сказанное объ этомъ дѣлѣ у д'Асколи, но имъ названа реала; всего точнѣе разсказъ источника Сенковскаго, по которому капитана была вооружена пушками только съ кормы, а козаки бросились на нее съ носу, заваливъ своими трупами все пространство до средней мачты. Отъ капитаны козаковъ удалось отразить съ большимъ трудомъ, дѣйствуя кормовыми орудіями, выстрѣлы которыхъ топили челны, а въ особенности очищая палубу своей же галеры, не различая гребцовъ-невольниковъ отъ козаковъ. Галера арсенальнаго кіайи Меми-бега тоже едва не была взята. Кіайя—ближайшій помощникъ капудана паши, нѣчто въ родѣ генералъ-лейтенанта, вице-адмирала, см. Hammer, ор. с. IX, 40; изъ чего я и заключаю, что его галера была патрона; впрочемъ, Гаммеръ въ другомъ своемъ сочиненіи, Des Osman. Reichs Staatsverfas., 286, 287 и 295, говоритъ, что Кіайя, слѣдующее лицо за капуданъ-пашою, вѣдаетъ арсеналомъ, а вице-адмиралъ называется иначе, капуданъ-бегъ; но если такъ, то зачѣмъ Кіайя былъ въ морѣ, командуя частью флота въ нашемъ сраженіи и упоминаемый всѣми источниками вслѣдъ за капуданомъ-пашою. Наконецъ, и ріала, галера третьяго адмирала, *Піале*, должна была выдержать жестокій бой; вѣроятно, именно къ ней и относится показаніе д'Асколи о томъ, что козаки пробрались до ея руля, т. е. захватили корму реалы. *Костомаровъ* (ор. с., I, 72) адмиральскую галеру называетъ баштарда, основываясь на общихъ указаніяхъ того-же *Гаммера* (Des osm. Reihs 284); но это названіе едва-ли вѣрно для всѣхъ временъ; этимъ именемъ (bastarda, bâtarde, batardella) называлась всякая галера, но особой конструкціи, съ широкой вналой посрединѣ кормой; такія галеры лучше держались въ морѣ и ходили подъ парусами, чѣмъ узкія (Senziles, Subtiles), а потому и вошли въ общее употребленіе съ XVI вѣка (Jal, Gl. Naut.. 263, 268, 735, 752, 755). Роэ замѣчаетъ, что бой былъ кровавый и въ немъ погибло очень много янычаръ; янычары и джебеджи, неизвѣстно въ какомъ, но вѣроятно въ большомъ количествѣ, были на эскадрѣ, какъ боевая сила противъ козаковъ; ихъ было настолько много, что въ Варнѣ они произвели бунтъ, съ трудомъ подавленный, передъ самымъ отплытіемъ въ Очаковъ. По источнику Сенковскаго только 9 галеръ были съ янычарами. Обыкновенно на галерѣ бывало около: гребцовъ-невольниковъ 150—200; свободныхъ матросовъ 30—40; янычаръ и пушкарей 40—60. Объ этомъ боѣ попалась мнѣ еще замѣтка, очень короткая и неизвѣстно по какимъ источникамъ составленная, но не по одному Гаммеру (Du Sein, Hist. de la marine, II, 35). Сраженіе будто-бы происходило 14 іюня, 1626 г., что явно невозможно, и кончилось побѣдой, послѣ ожесточеннаго *шести* часоваго боя; половина флотиліи была захвачена турками. Большихъ подробностей о ходѣ боя неизвѣстно; можно лишь замѣтить для ясности дѣла, что мужество козаковъ и нечаянность ихъ нападенія имѣли огромное значеніе, но не меньшее имѣло также и то обстоятельство, что невольники, большею частью тѣ-же козаки, какъ только начинался абордажъ галеры, бросали весла, переставали грести и тѣмъ лишали галеры возможности управляться и двигаться; такъ и было на капитанѣ, да вѣроятно и на другихъ, по словамъ источн. Сенковскаго. Отсюда будетъ понятно поясненіе всѣхъ, что, не поднимись свѣжій вѣтеръ, побѣда досталась-бы козакамъ. На веслахъ галеры двигаться не могли, а вѣтеръ давалъ имъ возможность поставить паруса, отъ чего у нихъ получалась такая скорость хода, при которой онѣ не только могли уходить отъ козаковъ, но и топить ихъ челны просто своимъ ходомъ. Г. *Эварницкій* говоритъ, что побѣдѣ помѣшалъ «противный вѣтеръ, подувшій козакамъ въ глаза» (ор. с., 206); но дѣло совсѣмъ не въ томъ, откуда подулъ вѣтеръ, да и козачьи глаза отвыкли бояться чего либо, не то что вѣтра. *Костомаровъ* правильно понялъ источники и разсказалъ значеніе этого обстоятельства. Повидимому, этотъ свѣжій вѣтеръ перешелъ къ вечеру или ночью въ настоящую бурю, какъ говоритъ *д'Асколи*, и говоритъ вѣрно, потому что и по турецкимъ источникамъ въ теченіе цѣлаго боя едва удалось истребить 70 челновъ, а на другой день насчитывали взятыхъ 172. Когда-же и какъ ихъ взяли? Наиболѣе вѣроятно предположить, что флотъ въ слѣдующій день или дни подобралъ, какъ трофеи, брошенные челны: тѣ, на которыхъ было перебито много козаковъ или поврежденные выстрѣлами, были покидаемы самими козаками, пересаживавшимися на болѣе цѣлые; выбравшіеся на берегъ бро-

сали тамъ челны; многіе переворачивались въ бурю, что не мѣшало имъ плавать пустыми и тоже быть выброшенными на берегъ; все это было подобрано галерами на другой день по берегамъ. Отсюда-же можно заключить, что буря продолжалась недолго и была неособенно сильна, но имѣла направленіе въ берегъ, а не въ открытое море. Такое объясненіе необходимо допустить, судя по числу плѣнныхъ, которыхъ оказалось всего 786 человѣкъ, а это далеко меньше, чѣмъ можно было-бы ожидать по счету взятыхъ челновъ—172. Всего было въ бою 300—350 челновъ, по турецкимъ источникамъ; болѣе 300—по *д'Асколи*; а по замѣткѣ англійскаго посла въ *Турціи, Ѳ. Роэ* (*Th. Roe*) тоже 350 (Hammer, op. c., IX, 64 и примѣч.). Полагаютъ, что на челнахъ было около 15.000 козаковъ; но эта цифра опредѣляется только соображеніемъ, считая, что на каждой чайкѣ обыкновенно бывало около 50 человѣкъ; прямого показанія о числѣ козаковъ не имѣется. Изъ расчета уничтоженныхъ и взятыхъ челновъ, если ему вѣрить, видно, что такъ или иначе могло уцѣлѣть не болѣе: 300—(70+172)=58. Источникъ Сенковскаго (op. c. I, 181) говоритъ, что уцѣлѣло едва 30 чаекъ и что онѣ пристали къ берегу, а козаки спаслись бѣгствомъ; но это мало вѣроятныя числа и соображенія самаго автора. Вообще списокъ козачьихъ потерь одно изъ многихъ сомнительныхъ мѣстъ всей этой реляціи, написанной турками, у которыхъ обычны самыя нелѣпыя преувеличенія, какъ только дѣло доходитъ до русскихъ проклятниковъ. Тотъ же Гаммеръ объ этомъ дѣлѣ приводитъ, какъ сказано, замѣтку англійскаго посла, который указываетъ, что было потоплено только 30 чаекъ и взято тоже самое число плѣнныхъ, которые и были сняты съ потопленныхъ челновъ, и этимъ даетъ возможность думать, что остальные спаслись; *д'Асколи* тоже говоритъ: потопили нѣсколько (ne soffondarno alcune), а едва ли онъ могъ не знать, если-бы погибли всѣ или почти всѣ. Сколько-бы ни ушло челновъ изъ подъ выстрѣловъ, но вполнѣ возможно, что и на оставшихся немногіе добрались до берега; да и тѣ легко могли погибнуть въ дунайскихъ плавняхъ или, еще болѣе, въ степяхъ *Буджака* и *Дикаго* поля, когда тщились сухимъ путемъ пробраться въ *Сѣчь*. Неневозможно, однако, что спаслось немало, и выждавъ нѣсколько, на уцѣлѣвшихъ челнахъ пробралось домой. Какъ бы то ни было, потери были громадны и можетъ именно потому и не находимъ свѣдѣній объ этомъ дѣлѣ въ южно-русскихъ источникахъ.

Уцѣлѣвшій клочекъ козачьей думы:

По синему морю хвиля грае,
Козацькій кораблičек разбивае,
Гей, козацькій кораблičек разбивае,
Сорокъ тысяч війска витопляе;
Гей, сорок тысяч війска щей чотире.

быть можетъ слѣдъ этого страшнаго, безпримѣрнаго боя (Антоновичъ и Драгомановъ. Историч. пѣсни малорусск. нар., I, 269). А. Б. Д.

[15]) *Юзлеве* или *Гезлеве*, турецкое названіе теперешней *Евпаторіи*; значеніе этого слова неясно и толкуется многообразно (см. Кондараки, Универс. опис. Кр., XIV, 25). Изъ турецкаго названія города издавна сдѣлана совершенно русская форма *Кизловъ*, и даже *Козловъ*. А. Б. Д.

[16]) *Каразіо—Карасу-базаръ*. Четыре года тому назадъ—значитъ въ 1630 году; но надо думать, что это не столько ошибка, какъ описка, и кажется дѣло скорѣе относится къ 1629 году, когда взятіе и разграбленіе *Карасу-базара* (и *Мангупа*, о чемъ далѣе) извѣстно изъ другихъ источниковъ. Впрочемъ, это былъ набѣгъ донскихъ, а не запорожскихъ козаковъ (Смирновъ, op. c., 496; *Джаны-бекъ-Гирай* жалуется на разореніе одного Карасу въ *Москву* въ грамотѣ отъ августа 1629 года; Соловьевъ, op. c., IX, 255—256, но годъ не ясенъ). Едва-ли вѣроятно, чтобы въ слѣдующемъ году набѣгъ былъ повторенъ, хотя-бы и запорожцами, на тѣ-же города — добыча слишкомъ мала въ разоренномъ мѣстѣ; да и *д'Асколи* не преминулъ бы указать на двойной набѣгъ. А. Б. Д.

[17]) Эта казачья побѣда, очень опредѣленно описанная, приходится, по словамъ *д'Асколи*, на 1631 годъ, а въ этомъ году, кажется, нѣтъ указаній у нашихъ историковъ на что-либо подобное, кромѣ совершенно общаго замѣчанія (Соловьевъ, op. c., X, 97), можетъ быть даже и не къ этому году относящагося. Значитъ, надо прибавить этотъ морской походъ къ списку удачныхъ; невидно только, откуда были козаки, съ *Дона* или *Днѣпра*. А. Б. Д.

[18]) Фрагаты—Fragate—*д'Асколи* совсѣмъ не то значили, что превосходныя трехмачтовыя большія суда въ близкихъ и современныхъ намъ военныхъ флотахъ. Тогдашній фрегатъ (Jal, Archeologie navale, I, 10. 318, особенно 458—460)—маленькое суденко, непалубное (отсюда и его названіе отъ aphracta), съ однимъ латинскимъ парусомъ, 8—10 веслами, быстроходное и поворотливое, нѣсколько бóльшее, но довольно схожее съ теперешними турецкими кочермами; во всякомъ случаѣ, это судно морское и высокой морской техники въ очертаніяхъ и способахъ постройки. Козачьи челны развѣ только величиной могутъ сравниваться съ фрегатами, да и то были длиннѣе; это грубо-топорная посуда, рѣчной техники, строенная на авось, еще болѣе технически невѣжественными, чѣмъ мужественными, сѣрыми мужиками-топорниками: прямой скверный парусишко, почти никогда не подымавшійся, 20—30 веселъ, вмѣсто руля потеси, въ основѣ дуплянка безъ киля, совершенно неспособная подъ парусомъ идти близко къ вѣтру, державшаяся на водѣ при волненіи только съ помощью камыша,— вотъ чѣмъ были челны, на которыхъ могли выходить въ море отчаянные люди, да и то лишь въ тихіе лѣтніе мѣсяцы. Самое названіе чайки про-

изводятъ отъ турецкаго «каикъ, чаикъ», будто-бы круглая лодка (см. напр. Эварницкій, ор. с. I, 454), но это повидимому недоразумѣніе; къ тому-же эти два слова опредѣляли два крайне различныхъ судна; скорѣе названіе челна заимствовано отъ чайки-птицы, имя которой не турецкое. Но, если и въ самомъ дѣлѣ было заимствовано слово, то самая вещь не имѣла никакого подобія. Турецкое «Саикъ—Saëk» было тяжелое, довольно значительное и во всякомъ случаѣ морское судно, съ палубами и каютами, даже съ двумя мачтами (см. Chardin, I, 111—117 и особенно Jal, Archeol. navale, I, 461) и 4-мя парусами, не имѣвшее веселъ, главнымъ образомъ служившее для перевозки купеческихъ грузовъ. Его изображеніе легко видѣть на многихъ картахъ Чернаго моря XVII и XVIII вѣковъ. Каикъ совсѣмъ иное дѣло—это маленькая лодка, исключительно весельная, валкая, узкая и быстроходная. Ни то, ни другое никакого, даже и отдаленнаго подобія не имѣютъ съ *круглой* лодкой. Крюйсъ уподобляетъ козачьи челны фелюгамъ или баркалонгамъ, и это вѣрно, но понимаемое въ самомъ общемъ смыслѣ, конечно, и съ указаннымъ выше отличіемъ морского отъ невѣжественнаго рѣчного строенія (относительно фелюги и баркалонги см. Jal, Arch. nav. I, 460). А. Б. Д.

[19]) Переводъ буквально вѣренъ, но самъ *д'Асколи* ошибается. Отъ соломы проку было-бы немного и козаки подвязывали къ бокамъ челновъ, во всю ихъ длину, толстые, съ боченокъ, пучки камыша. *Боплана* (ор. с., 55—57) даетъ большія подробности построенія челновъ и даже съ рисункомъ.

Приспособленіе камыша для приданія лодкѣ пловучести не козачье изобрѣтеніе; оно, безъ сомнѣнія, существовало на зарѣ человѣческаго плаванія и, во всякомъ случаѣ, искони употреблялось по берегамъ *Чернаго* моря. *Эвлія-ефенди* плылъ изъ *Гоніи* на грубыхъ лодкахъ съ такимъ приспособленіемъ, имѣвшихъ большее сходство съ козачьими челнами (Travels, III, 52; въ примѣчаніи къ переводу, помѣщенному въ З. О. Общ., IX, 167, даны *Бруномъ* хорошія подробности о давности подобныхъ судовъ на *Черномъ* морѣ). А. Б. Д.

[20]) Считая отъ 1634 года, всѣ эти показанія *д'Асколи* совершенно вѣрны. Османъ II (1618—1622) въ 1621 году лично находился съ войсками, осаждавшими польско-козацкіе станы подъ *Хотиномъ*. Турки потерпѣли тамъ неудачу всего похода, главнымъ образомъ благодаря распоряженіямъ гетмана *Ходкевича* и помощи козаковъ. *Владиславъ* тоже тамъ находился, но принималъ самое малое участіе, будучи молодымъ, 26 лѣтъ, королевичемъ; все время войны онъ пролежалъ больнымъ. А. Б. Д.

[21]) Въ этомъ году, т. е. въ 1634, дѣйствительно при *Муратѣ* IV (1634—1640) заключенъ миръ съ *Польшей* въ октябрѣ; по этому миру Польша вновь обязывалась прекратить козачьи набѣги (Hammer, ор. с., IX, 355—356); но неисполнимость этого обязательства прекрасно понималась тогда-же, чему даже *д'Асколи* указываетъ и причины, какъ нельзя болѣе основательныя, обнаруживая большее пониманіе взаимныхъ отношеній заинтересованныхъ сторонъ. А. Б. Д.

[22]) Въ общемъ, все то немногое, что сказано *д'Асколи* о походахъ козаковъ и будетъ имъ приведено еще далѣе, есть блестящій панегирикъ мужественному проявленію козацкой силы въ тѣ тяжелыя времена рабства Панегирикъ тѣмъ болѣе цѣнный, что онъ идетъ отъ образованнаго и умнаго человѣка, по своему положенію вовсе несклоннаго поблажать варварамъ-схизматикамъ. А. Б. Д.

[23]) Ложные выходы изъ *Чернаго* моря и въ нашихъ лоціяхъ извѣстны подъ именемъ «фальшивыхъ»; одинъ изъ нихъ на анатолійскомъ берегу, у мыса и мѣстечка *Шили* или *Кили*, другой на румелійской сторонѣ у озера *Деркосъ* и мыса *Кара-буруну* (Лоц. Черн. моря, изд. 1892 г., 36). Эти мѣста таковы, что дѣйствительно даютъ представленіе съ моря очень похожее на настоящій проливъ. Теперь это все хорошо обставлено огнями и знаками, но во дни *д'Асколи* грозило морякамъ очень большими опасностями. А. Б. Д

[24]) *Кіели—Килія* въ сѣверномъ устьѣ *Дуная*, видимо бывшая тогда большимъ отпускнымъ портомъ для *Буджака*. А. Б. Д.

[25]) Греческое названіе бѣлуги (а не осетра)—μουρούνα до сихъ поръ употребительно и извѣстно по всѣмъ берегамъ *Чернаго* моря. *Да-Лукка* пользуется тѣмъ-же названіемъ (Опис. Пер. татаръ, З. О. Общ., XI, 477, а гол. пер. стр. 3). Ламберти то же названіе, очевидно по ошибкѣ, прилагаетъ къ кускамъ вяленой рыбы—балыку. Ловъ бѣлуги, часто очень обильный, производится теперь не только въ *Воспро* (*Керчи*) и *Каффѣ* (*Өеодосіи*), но и гораздо западнѣе, по всѣмъ берегамъ *Крыма*. Замѣчательно, что по южному берегу *Крыма* эту рыбу стали ловить только послѣ Крымской войны, а ранѣе совсѣмъ не знали, вѣроятно потому что не умѣли взяться за ея ловъ. А. Б. Д.

[26]) Въ текстѣ—nel Danubio in Asach o Tana, но нѣтъ сомнѣнія, что это описка или опечатка, а потому прочтено и переведено — nel Tanai, т. е. на *Дону*. Н. П.

[27]) Очевидно, что у *д'Асколи* дѣло идетъ о приготовленіи балыка, который онъ и называетъ мидіэ — Midie; но подобное названіе теперь неизвѣстно ни въ итальянскомъ, ни въ мѣстныхъ языкахъ, греческомъ и татарскомъ. Pastaria—παστάρία, греческое наименованіе всего солимаго и заготовляемаго въ прокъ. Medola—сердцевина; авторъ, конечно, имѣетъ въ виду нашу вязигу. Tarantello — брюшная часть всякой рыбы,—то что мы теперь зовемъ тёшкой и что приготовлялось также и тогда.

А. Б. Д.

[28]) Здѣсь подъ именемъ скиѳской *Татаріи д'Асколи* понимаетъ, надо думать, все пространство, прилегающее къ восточному берегу *Азовскаго* моря, между *Кубанью* и *Дономъ*. А. Б. Д.

[29]) *Тумнехъ—Tumnech* есть, конечно, нашъ *Темрюкъ*, что хорошо опредѣляется изобиліемъ приготовляемой тамъ икры, особенно въ сосѣднемъ съ нимъ Ачуевѣ. На стр. 24 авторъ говоритъ, повидимому, о томъ же городѣ и называетъ его ближе къ теперешнему имени *Кумрукъ*—Cumruch, а на стр. 25 еще ближе—Тумрукъ—Tumruch. Я думаю, о немъ же говорятъ *Интеріано* (Della vita di Zychi, въ Ramusio Del. Nav. et Viag., 1606, II, 196), называя *Cromuc*, и *Барбаро* (Viaggi, 1543, 16—17), называя *Chremuch*. *Брунъ*, однако, сомнѣвался и не зналъ, куда отнести это мѣсто (Черноморье, Восточн. бер. II, 234). Возможно, что здѣсь смѣшаны два названія—Темрюкъ и Кумыки, жившіе тогда по Тереку. А. Б. Д.

[30]) Трудно поддающійся пріуроченію городъ, о которомъ будетъ сказано подробнѣе въ объясненіи къ его названію въ 35 примѣчаніи къ периплу *д'Асколи* вообще. А. Б. Д.

[31]) Carraggio—харачъ, дань, подушный окладъ христіанъ въ мусульманскихъ странахъ. А. Б. Д.

[32]) *Assauo—Ассауо*, просто русская форма—Азовъ турецкаго *Азакъ*. А. Б. Д.

[33]) Стоимость разныхъ предметовъ, которую часто находимъ въ показаніяхъ старыхъ авторовъ, имѣетъ очень большое значеніе, служа для опредѣленія, хотя и довольно поверхностнаго, но часто достаточнаго, экономическаго положенія страны въ данное время. Въ подобныхъ случаяхъ немалую трудность составляетъ опредѣленіе значенія денежной единицы; а въ особенности мудрено сколько нибудь близко указать истинную стоимость такихъ денежныхъ единицъ по сравненію съ привычнымъ намъ современнымъ денежнымъ счетомъ. У д'Асколи, не только здѣсь, но и далѣе (стр. 27), есть указанія стоимости разныхъ предметовъ; его товарищъ *да-Лука* тоже далъ кое что. Поэтому мнѣ кажется небезполезнымъ выяснить отношеніе этихъ стоимостей къ нашимъ.

Если взяться за опредѣленіе безчисленнаго разнообразія тогдашнихъ денегъ съ безусловною точностью, принимая въ соображенія вѣсъ, пробу металловъ, законныя и незаконныя поддѣлки, безчисленные и разнообразные чеканы, курсы, торговыя и народныя привычки, то прійдется забраться въ такія нумизматическія и историческія дебри, изъ которыхъ не удастся выбраться даже съ помощью нѣсколькихъ томовъ, столь-же неудобоворимыхъ, какъ и мало доказательныхъ. Рѣшеніе того-же вопроса съ приближеніемъ, но достаточнымъ для практическихъ соображеній, сдѣлать не трудно, и предѣлы возможныхъ ошибокъ будутъ очень незначительны, по сравненію съ условностью и гадательностью главной части

подобныхъ вопросовъ—покупной силой монеты сравнительно съ настоящимъ временемъ; эта важнѣйшая сторона дѣла, при навыкѣ къ событіямъ разсматриваемаго времени, тоже познается съ достаточнымъ приближеніемъ, но едва-ли чѣмъ можетъ доказываться.

Въ Крыму, около времени нашего автора, была въ обращеніи всяческая монета, впрочемъ, въ весьма ограниченномъ количествѣ, что, вмѣстѣ съ бѣдностью страны и скверностью своей монеты, давая ходъ всякой иностранной, цѣнившейся чрезвычайно высоко, дѣлало необычайную дороговизну денегъ. Золотая монета попадалась преимущественно венеціанская, ее и до сихъ поръ сравнительно часто находятъ въ кладахъ и раскопкахъ; частью встрѣчалась голландская и венгерская; серебряная крупная, всѣхъ странъ и названій; мелкая размѣнная, преимущественно русская и своя, серебро-мѣдная. Главною единицей была крупная серебряная, по которой и велись всѣ крупные счеты; практически всѣхъ ея представителей можно считать равноцѣнными, такъ какъ жизнь не дѣлала и не могла дѣлать тонкой разницы, доступной пониманію лицъ, очень искусившихся въ монетномъ дѣлѣ. Піастры, реалы, талеры (ефимки—по русски), экю, гроссы—все это имѣло одно значеніе и цѣну, которую тогда у насъ въ *Москвѣ* опредѣляли около 50 тогдашнихъ копеекъ или 2 ефимка на рубль (Соловьевъ, op. c., IX, 170, 223; около 1618—35 годовъ въ Москвѣ ефимокъ покупали по 16, а золотой по 30 алтынъ). Позже, къ 1654 году, ефимокъ уже стоилъ 64 копейки (Савваитовъ, Русск. денежн. счетъ XVI—XVII вѣк., З. Арх. Общ. XI, 613; Schubert, Mon. Russes, 17, 29; Chodoir, Aperçu sur les mon. R. I, 77, 78, 83; Заблоцкій, О цѣнност. въ древн. Руси, 63, 67).

Золотые дукатъ, цехинъ или червонецъ можно также практически считать близко одинаковыми и равными полутора—двумъ ефимкамъ, реаламъ (Hammer, op. c., IX, 83 примѣч.).

Какъ видно будетъ далѣе, крымскихъ аспровъ (хорошихъ) или турецкихъ (ахчэ—тожъ), *д'Асколи* считаетъ по 80 на реалъ (ср. Hammer, IX, 83, 28, VIII, 48); нашихъ копеекъ (новгородокъ) на тотъ же реалъ по 60; надо думать, столько-же польскихъ грошей, копа которыхъ будетъ тотъ-же ефимокъ.

Изъ всего этого съ достаточною приблизительностью можно сказать, что:

1 золотой (цехинъ, дукатъ, червонецъ) цѣнился въ $1^1/_2$—$2^1/_2$ реала, въ 120—160 аспровъ, въ 75—120 копеекъ.

1 серебряный (реалъ, піастръ, ефимокъ, гроссъ) въ 80 аспровъ, въ 50—64 копейки.

1 аспръ въ $^3/_4$ копейки, въ $^1/_2$ стивера голандскаго, въ $^1/_2$ су французскаго.

Аспръ, какъ и турецкое ахчэ, употреблялись также въ значеніи денегъ вообще, какъ слова производныя отъ бѣлаго; въ этомъ смыслѣ аспръ

употреблялся еще и во время завоеванія *Крыма* русскими и извѣстенъ у приазовскихъ грековъ. Хартахай, Ист. судьбы кр татаръ. Вѣстн. Евр. 1866, іюнь, 223).

Изъ этихъ соображеній и показаній миссіонеровъ получаемъ, что около половины XVII вѣка въ Крыму были такія цѣны:

1 ф. баранины стоилъ . . .	4	денье ($^1/_3$ су)	$^1/_2$	коп.
1 ф. икры	2	стивира или	3	»
1 ф. бѣлуги	$1^1/_2$	аспра	1	»
Курица	2	стивера.	3	»
Десятокъ яицъ	$^2/_3$	аспра	$^1/_2$	»
Пудъ пшеницы (возъ пароволовый, примѣрно 30 пуд. 2 ефим.)	$5^1/_4$	аспровъ.	$3^1/_2$	»

Попытки сколько нибудь строго установить тогдашнюю покупную силу денежныхъ единицъ, по сравненію съ настоящимъ временемъ, едва-ли могутъ привести къ рѣшительнымъ и окончательнымъ выводамъ, тѣмъ болѣе, что это значеніе денегъ даже на нашихъ глазахъ измѣняется чрезвычайно (Ключевскій, Русскій рубль, Чт. Общ. Ист. и Др. 1884 г., февр.—мартъ). Но, имѣя много примѣровъ въ родѣ указанныхъ выше, мнѣ кажется возможнымъ на глазъ опредѣлить это отношеніе ближе, чѣмъ то позволяютъ данныя научнаго метода, въ основѣ котораго, однако, лежатъ невѣдомыя силы и предположенія. По такимъ приблизительнымъ соображеніямъ мнѣ кажется, что тогда деньги въ *Крыму* были разъ въ 30 дороже, чѣмъ теперь.

А. Б. Д.

[34]) Безъ сомнѣнія, нашъ авторъ слышалъ о попыткѣ *Селима II* (1566—1574) прорыть каналъ между *Волгой* и *Дономъ* въ 1569 году. Потери въ людяхъ и деньгахъ отъ этой нелѣпой затѣи были громадны и особенно памятны въ Каффѣ, беглеръ-бей которой, *Касимъ-паша*, зачинатель и глава всего предпріятія, во время его былъ и сераскиромъ (Подробности: З. Общ. Ист. и Др., VIII, 479; Смирновъ, op. c. I, 432 и далѣе; Hammer, op. c. VI, 337; Charmoy, Sur l'unité des langues or. 40—42).

А. Б. Д.

[35]) На страницахъ 9—14, *д'Асколи* даетъ очень подробный периплъ *Чернаго* моря, но всѣ его данныя требуютъ нѣкотораго общаго поясненія. Кромѣ того замѣтки, касающіяся особыхъ мѣстъ и обстоятельствъ этого перипла, будутъ сдѣланы далѣе.

Все круговое плаваніе *д'Асколи* по *Черному* морю, со всѣми разстояніями, для наглядности, мнѣ кажется, всего лучше изобразить въ видѣ таблицы, въ которой первый столбецъ даетъ названія мѣстностей по *д'Асколи*, второй тѣ, подъ которыми эти мѣстности извѣстны теперь, третій разстоянія между мѣстами даваемыя *д'Асколи*, четвертый тѣ-же разстоянія, но приведенныя къ нашей мѣрѣ — морскимъ милямъ, пятый разстоянія нашихъ картъ, тоже въ морскихъ миляхъ.

Здѣсь необходимо остановиться нѣсколько на самомъ существенномъ, а именно на опредѣленіи единицы мѣры, употребленной *д'Асколи*, иначе сравненія не будутъ возможны. Нашъ авторъ вездѣ говоритъ — мили, и, судя по національности автора, можно предположить, что это мили морскія, итальянскія, и до сихъ поръ употребляемыя на нашихъ морскихъ картахъ, тѣ самыя, въ которыхъ даны всѣ современныя разстоянія пятаго столбца. Однако, уже и поверхностное сравненіе покажетъ, что это не такъ—говоря вообще; всѣ разстоянія *д'Асколи* гораздо больше настоящихъ, а такъ какъ одностороннія ошибки въ счисленіяхъ невѣроятны, то необходимо должно допустить, что имъ принята какая-то другая единица мѣры, значительно меньшая итальянской мили, но также называемая—миля. Всѣ свои разстоянія *д'Асколи* даетъ, конечно, не по лично своимъ измѣреніямъ, а со словъ моряковъ Чернаго моря; но какую милю употребляли эти послѣдніе, не такъ легко опредѣлить. Не буду подробно описывать всѣ свои розыски въ этомъ направленіи; главнымъ образомъ они состояли въ подробномъ обслѣдованіи картъ XVII—XVIII вѣковъ, изъ которыхъ можно было добиться, что существовали особыя мили, называемыя греческими или турецкими, гораздо меньшія итальянскихъ. Точная мѣра этихъ миль показывается не всѣми одинаково; на нѣкоторыхъ картахъ ихъ дано $87^1/_2$ или 90 въ градусѣ, тогда какъ итальянскихъ 60; иныя карты Чернаго моря, напр. Беллена 1772 года, или армяно-турецкая 1820 года, показываютъ въ градусѣ только 75 греческихъ; этой разницѣ я не нашелъ объясненія, но принимаю первое показаніе, какъ дающее разстоянія, болѣе близкія къ дѣйствительнымъ. Нельзя не замѣтить, что на нѣкоторыхъ картахъ XVIII вѣка показаны версты *Петровскія*, также по 90 на градусъ, а это можетъ указывать, что картографы временъ *Петра I* узнали такую мѣру во время южныхъ походовъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ подтверждаетъ, что и въ нашемъ случаѣ слѣдуетъ принять именно эту мѣру. Не указываю подлинныхъ картъ, ихъ весьма много и нахожденіе ихъ такъ трудно, что указаніе ни къ чему не послужитъ; желающимъ могу ихъ предъявить.

Изъ всего сказаннаго слѣдуетъ, что если *д'Асколи* давалъ свои измѣренія въ этихъ миляхъ, какъ то выходитъ со всяческою вѣроятностью, то всѣ его цифры надо убавить въ отношеніи 90 къ 60, т. е. на 33%; тогда только его мѣры будутъ выражены также въ современныхъ морскихъ миляхъ и слѣдовательно ихъ можно будетъ сравнивать съ данными нашихъ картъ. Послѣ такого приведенія къ одной единицѣ оказывается, что мѣры *д'Асколи*, въ среднемъ, близки къ нашимъ, хотя все-же превосходятъ ихъ, вообще говоря; но это уже должно отнести частью къ неумѣнію рейсовъ (капитановъ), а частью къ тому, что они плавали больше придерживаясь изгибовъ береговъ, хотя вовсе не держались непремѣнно берега (см. Chardin, op. c. I, 119), тогда какъ я прокладывалъ возможно

прямые и кратчайшіе курсы, прорѣзывая выступающіе мысы въ одной милѣ разстоянія. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ слишкомъ большой разницы возможна опечатка или описка; наконецъ, не надо забывать, что рейсы судили о разстояніяхъ только самымъ грубымъ образомъ, по времени хода. Въ среднемъ, Румелійскій периплъ ближе къ истинѣ, чѣмъ Анатолійскій, что объясняется скорѣе всего случайностью.

Названія мѣстностей: по д'Асколи.	современныя.	Разстоянія: д'Асколи. греч. мили	современ. морск. мили	картъ морск. м. a)
Отъ Каффы до Синопа . . .	тоже	200	134	184 b)
Отъ Ромеліи до Анатоліи . .	неопредѣленно	300	200	›
Длина Чернаго моря	неопредѣленно	1500	1000	› c)
Окружность Чернаго моря . .	неопредѣленно	3000	2000	›
Константинопольскій проливъ отъ Мрам. м. до Черн. м. .	тоже	18	12	16
Отъ Конст. прол. до Юзлеве .	тоже	550	386	293
Отъ Конст. прол. до Каффы .	тоже	700	467	354 d)
Отъ Воспро до Херсона . . .	тоже более	250	167	175

Между слѣдующ. мѣстностями:				
Константин. прол.				
Кіерпъ	Керпé	100	67	49 e)
Регли	Пендерекли́	100	67	57
Мастра	Амáстра	100	67	56
Кедросъ	Ки́тросъ	50	33	24
Инаполи	Ніополи	50	33	42
Синопи	Синопъ	200	133	72
Бавра	Бафра (устье Киз. Ирмака)	50	33	40
Самсонъ	Самсунъ	50	33	33
Унія	Уніе	80	54	48
Вуона	Вона (мысъ)	70	46	23
Керессонда	Керасундъ	70	46	28
Триполи	Три́поли	35	24	20
Карола	Кіóрели	20	14	16
Діополъ	Фолъ	10	7	5
Феросъ	Іеросъ	10	7	7
Трабизонда	Требизондъ	45	30	16
Сурма	Сурмене	20	14	18
Ризе	Ризо	40	27	21
Гоніа	Гуніе (уст. Чороха) . . .	100	67	54

Фашіа	Поти (уст. Ріона)	80	54	32
Скаври	Скурджа	80	54	43 f)
Скуртіа	Искурія (мысъ)	10	7	3
Эски согунъ	Сухумъ—старый	20	14	14 g)
Дервенъ	Гагры	40	27	44 h)
Аббаза	›	50	33	› i)
Маматала	Мамай-кале	50	33	31 j)
›	Вардоне	›	›	6
Келенчикъ	Геленджикъ	150	100	87
Буюкъ лиманъ . . .	Новороссійскъ	6	4	16 k)
Варда	Анапа	30	20	38 l)
Таманъ (Мадрика).	Таманъ	100	67	82
	Итого отъ Конст. пролива до Тамани по Анатоліи	1816	1215	1025

Между слѣдующ. мѣстностями:				
Константиноп. прол.				
Омидіа	Ми́дія	50	33	53
Гнада	Инáда	50	33	14
Аѳаната	Аѳанатосъ (мысъ) . . .	45	30	30
Христосъ	Христосъ (прибрежье) .	15	10	11 m)
Сизополи	Сизóполь	10	7	8
Поросъ	Бýргасъ	10	7	11
Миссейврія	Месéмбрія	18	12	19
Эмона	Эминé (мысъ)	18	12	8
Варна	Варна	60	40	31
Балчикъ	Балчикъ	50	33	18
Каурна	Кавáрна	10	7	8
Келевріа	Каліáкра	10	7	7
Банкаліа	Мангáлія	50	33	29
Кіосте	Кюстенджи́	36	24	22
Кара арманъ . . .	Карá-Ирмáнъ	36	24	14
Бортиціа	Портицкое гирло	18	12	22
Кетестесъ	Георгіевск. гирло	18	12	29 n)
Селина	Сулинск. гирло	40	27	18
›	[Килійск. гирло	›	›	13]
Кіели	Килія	50	33	33
›	[Царегр. устье	›	›	54]
Акриманъ	Аккерманъ	50	33	67
Юзлеве	Евпаторія	250	166	138
Балукъ лава	Балаклава	100	67	50

Узруфъ	Гурзуфъ	100	67	40
Каффа	Өеодосія	100	67	60
Воспро	Керчь	100	67	66
Таманъ	Тамань	18	12	13
	Итого отъ Констант. пролива до Тамани, по Румеліи	1312	875	819
	А всего	3128	2090	1844

a) Разстоянія исчислены по русской картѣ *Чернаго* моря, описи *Манганари*, предполагая ходъ по кратчайшему пути, но идя не ближе мили къ берегу, и отъ якорной до якорной стоянки каждаго мѣста у самаго берега.

b) Кратчайшее разстояніе отъ *Анатоліи* до *Крыма* находится почти между мысами *Керемпе* и *Сарычъ*, всего 142 мили; оно весьма близко къ показанному *д'Асколи*, только не между *Каффой* и *Синопомъ*.

c) Трудно понять, что подразумѣваетъ *д'Асколи* подъ длиною моря; какъ будто наибольшее разстояніе вкось, примѣрно отъ Одессы до Поти; но это разстояніе, если его проложить по кратчайшему пути, будетъ только 550 миль морск. или 850 миль *д'Асколи*. Допуская, что онъ считалъ по своимъ даннымъ, отъ *Аккермана* прямо на *Евпаторію* и затѣмъ по всему побережью *Крыма* и *Кавказа*, изъ порта въ портъ, то и тогда сумма его показаній составитъ только 1204 мили (805 морскихъ), а въ дѣйствительности тутъ оказывается 731 морск. миль. Видимо, и самъ *д'Асколи* чувствовалъ здѣсь какую-то невѣрность и старался объяснить ее, какъ умѣлъ.

d) *Шардену* (Voyage en Perse, I, 124) это же разстояніе опредѣлили рейсы (турецкіе шкипера-капитаны) въ 750 миль и онъ тогда-же замѣтилъ его преувеличенность, думая, что тутъ не болѣе 200 льё, потому что турецкія саики проходятъ его не рѣдко въ двое сутокъ Предполагая, что *Шарденъ*, какъ не морякъ, считаетъ льё сухопутное (а съ морскою лигой будетъ еще хуже для него), по 25 на градусъ, его мѣра будетъ 720 турецкихъ миль, т. е. почти точно тоже, что ему говорили и рейсы. Мнѣ кажется, его просто испугала большая цифра и онъ не вспомнилъ, что мили могутъ быть и малыя. Однако, и по нашему счету, какъ видно изъ таблицы, показанія турокъ значительно превосходятъ дѣйствительныя и это, мнѣ кажется, объясняется обычаемъ рейсовъ идти изъ *Константинополя* въ *Каффу* не кратчайшимъ путемъ, вдали отъ береговъ, а держась анатолійскаго берега и, только прійдя на видъ *Синопа*, они ложились на *Каффу* (примѣровъ этому можно указать очень много); тогда разстояніе будетъ, безъ захода въ анатолійскіе порты, около 460 морскихъ миль или 690 турецкихъ, т е. почти точно то самое, которое показываетъ *д'Асколи*.

Также объясняется и преувеличенность разстоянія отъ Констант. пролива до Евпаторіи — придерживались береговъ Румеліи.

e) Современныя названія мѣстностей нѣсколько отличаются отъ показанныхъ у *д'Асколи*, но все-же они такъ близко похожи, что въ большинствѣ не требуютъ никакихъ объясненій; я остановлюсь только на нѣкоторыхъ, гдѣ пріуроченіе представляется сомнительнымъ или не очевиднымъ. Несходство разстояній, мѣстами даже значительное, надо объяснять грубостью и ненадежностью пріемовъ для его опредѣленія, примѣнявшихся рейсами, а въ особенности ихъ невѣжествомъ въ пониманіи морскаго дѣла, изумительные разсказы о которомъ можно видѣть у всѣхъ авторовъ, напр. у того-же *Шардена* (op. c., I, 119—121).

f) *Скавры* и *Скуртіа* — современныя *Скурджа* и *Искурія*, воспоминанія и передѣлки названія все той же древней Діоскуріи, точное мѣстоположеніе которой и до сихъ поръ неопредѣлено; всего естественнѣе, по мѣстнымъ условіямъ, было-бы полагать ее въ теперешнемъ *Сухумъ*, но упорное сохраненіе имени города значительно южнѣе не можетъ не имѣть большего значенія. Сводка разныхъ мнѣній объ этомъ вопросѣ у *Бруна* (Черном., Восточн. берегъ, II, 246—247).

g) Эски согунъ — Старый Сухумъ, находится въ устьѣ Гумусты, верстъ шесть сѣвернѣе новаго; но разстоянія даны у послѣдняго, такъ какъ мало вѣроятія, чтобы суда останавливались на совершенно открытомъ берегу, имѣя превосходный заливъ новаго Сухума.

h) *Дервенъ* списка *д'Асколи* — современныя *Гагры* — *Casary* средневѣковыхъ компасныхъ картъ, съ разными варіантами этого слова Названіе *Дервенъ*, т. е. *Дервентъ* стали прилагать къ этому мѣсту поздно, — едва-ли д'Асколи не первый тому литературный источникъ, за подобіе условій мѣстности съ тѣми каспійскаго побережья, гдѣ находится, на востокѣ *Кавказа*, г. *Дербентъ* — преграда, ущелье по персидски. Вѣроятно, загражденіе полосы берега въ обоихъ *Дербентахъ* дало поводъ, уже въ I в. нашей эры, народному вымыслу утверждать, что стѣна идетъ непрерывно черезъ весь кавказскій перешеекъ, отъ моря до моря, а что такую чрезвычайную работу могъ исполнить только могущественнѣйшій человѣкъ — т. е. Александръ Великій (или Нуширванъ) — то это, такъ сказать, само собою разумѣется (d'Ohsson, Des peuples du Caucase, 277). На картахъ названіе *Дербентъ* (съ варіантами Derbent, Dervent, Darouna, Jerben), вмѣсто *Гагръ* — *Casary*, появляется поздно, сколько знаю, не ранѣе картографа *Делиля*, начала XVIII вѣка; но оно удерживается еще и на армяно-турецкой картѣ 1820 года, которую приложилъ къ своему описанію *Чернаго* моря ученый мехитаристъ Минасъ Медичи (Бжешкіанцъ), лично посѣщавшій эти мѣста; у него-же повторено преданіе о баснословной стѣнѣ, которое разсказывалъ еще Абулъ-Кассимъ въ X вѣкѣ (D'Ohsson, Voyage d'Abouel-Cassim,

8—10, прим. VII). Выборки изъ этого любопытнѣйшаго описанія, кажется, возможно будетъ представить въ переводѣ на русскій языкъ. А. Б. Д.

і и j) *Аббаза* и *Маматала*, два мѣста, о которыхъ приходится говорить нераздѣльно. Пріуроченіе *Маматала* не затруднительно; это несомнѣнно легкій варіантъ произношенія *Мамай-кале*, остатки укрѣпленій котораго еще недавно были видны и показываются до сихъ поръ на картахъ и въ лоціяхъ въ устьѣ рѣчки *Псахе́*, нѣсколько сѣвернѣе *Сочи*. Карты XVIII вѣка, но не ранѣе, показываютъ это названіе въ видѣ особо примѣтнаго укрѣпленія съ варіантами въ имени *Matai*, *Matac*, *Matak*, *Mamascar*.

Иное дѣло *Аббаза* (*Abbasa*); пріурочить эту стоянку не такъ просто. Прежде всего можно-бы думать, что это названіе дано случайно, по ошибкѣ, какому-либо порту и должно обозначать всю страну вообще. Тоже названіе, *Авогасіа* (*Avogassia*—съ варіантами) компасныхъ картъ, справедливо относится именно ко всей странѣ, а не къ отдѣльному какому-либо мѣсту (Desimoni et Belgrano, Atlante idrogr. d. Tamar. Luxor., 130; Desimoni, Nuovi studi, 261; Thomas, Der Peripl. d. Pont. Euxin., 26, 46); но у *д'Асколи* дѣло несомнѣнно идетъ о какомъ то городѣ, который онъ уже выше (стр. 6, прим. 30) опредѣлялъ большимъ и стоящимъ на самой границѣ *Мингреліи*. Значительно позже, но и Витсенъ называетъ и указываетъ на своей картѣ 1607 г. Аббазу большимъ городомъ (Witzen, Noord en Oost Tart. 551). Граница Мингреліи во время *д'Асколи* опредѣлялась рѣкой *Кодоромъ* (Ламберти, Опис. Колх., З. О. Общ. IX, 150 и карта; Chardin, op. c., I, 150), а слѣдовательно большимъ портомъ, стоящимъ на самой границѣ *Абхазіи* и *Мингреліи*, можно счесть *Сухумъ*; но этотъ портъ уже показанъ у *д'Асколи*, какъ и слѣдуетъ, южнѣе *Гагръ*, а свой портъ *Аббаза* онъ поставилъ въ 60 морск. миляхъ къ сѣверу. Современники *д'Асколи* и близкіе къ нему, писавшіе объ *Абхазіи* (*да-Лукка*, *Ламберти*, *Шарденъ*), ни слова не говорятъ о такомъ портѣ или городѣ и первый изъ нихъ называетъ портомъ Абхазіи Сухумъ (op. c. XI, 492; 20 гол. пер.). Ко всему этому недоумѣнію надо прибавить, что стоянка *Аббаза* показана между точно находимыми *Гаграми* и *Мамай-кале*, дѣйствительное разстояніе между которыми всего 31 миля, тогда какъ *д'Асколи* показываетъ здѣсь дважды по 33, т. е. слишкомъ вдвое больше. Обращаясь къ старымъ картамъ, мы увидимъ, что весь восточный берегъ *Чернаго* моря изображается до крайности невѣрно, названія на немъ весьма трудно узнаются, а очертанія берега не имѣютъ почти никакого подобія съ дѣйствительностью; однако, съ конца XVII вѣка на картахъ появляется, вмѣстѣ съ *Мамай-кале*, но нѣсколько сѣвернѣе, большой городъ съ крѣпостью. Этотъ городъ и портъ, подъ разными варіантами, носитъ имя, подходящее къ искомому: *Abassike*, *Batan-Abasse*, *Wetan-Abasa*, просто *Batan*; наконецъ позже на томъ-же

мѣстѣ, *Vardan*, *Vardon*, *Wardan*, а на картѣ Шардена, наносившаго только то, что самъ видѣлъ, все это приводится къ одному и несомнѣнно тому-же знаменателю; на ней значится: Forum Turcis *Abcassa Bender* i. e. portus Abcassorum (op. c., I, pl. I, 146—148). Знакомые съ изумительными превращеніями картографической номенклатуры не удивятся, если я скажу, что всѣ эти названія обозначаютъ одно и тоже. Не можетъ быть сомнѣнія, что именно объ этомъ городѣ говоритъ и д'Асколи, а съ другой стороны не менѣе очевидно, что онъ совершенно отвѣчаетъ теперешнему урочищу *Вардане*, гдѣ еще находятся развалины; тутъ-же и мысъ *Учъ-дере́*, прежде называвшійся *Жообже́*, который нельзя не узнать и на тѣхъ-же старыхъ картахъ въ рядомъ съ *Вардане* стоящимъ названіемъ *Ziri*. *Вардане*, однако, лежитъ выше, а не ниже *Мамай-кале*, отъ послѣдняго въ разстояніи всего 6 миль, а не 33, какъ говоритъ д'Асколи. Это послѣднее недоразумѣніе можно объяснить такимъ образомъ: въ дѣйствительности стоянки *Мамай-кале* и *Аббаза* (*Вардане*) такъ близки, что составляютъ почти одно и тоже; возможно, что *д'Асколи* дали разстояніе отъ *Гагръ* до нихъ обоихъ вмѣстѣ 50 миль; онъ-же записалъ, по стольку до каждой изъ нихъ, упомянувъ *Аббазу* раньше *Мамай-кале*. Прибавлю, что далѣе разстояніе отъ *Мамай-кале* до *Геленджика* показано весьма близко къ дѣйствительному. Отсутствіе особо удобной стоянки въ *Вардане* не имѣетъ никакого значенія. Дѣло въ томъ, что весь этотъ берегъ, отъ *Сухума* до *Геленджика*, на большомъ протяженіи, почти 170 миль, не имѣетъ никакого подобія порта, мѣсто котораго здѣсь всегда исполняли и исполняютъ совершенно удовлетворительно для бывающихъ тамъ судовъ устья рѣкъ и пологіе пляжи береговъ, на которые вытаскиваются суда. На такомъ береговомъ протяженіи, гдѣ нѣтъ въ нѣкоторыхъ точкахъ опредѣленныхъ особыхъ удобствъ, данныхъ природой, всѣмъ и во всѣ времена видимыхъ и понятныхъ, всѣ мѣста одинаково негодны; точнѣе сказать, стоянки, порты образовываются подъ вліяніемъ неприродныхъ удобствъ, а совсѣмъ особыхъ причинъ. Какое нибудь горское племя или князекъ-владѣлецъ пріобрѣли почему либо особое засилье; къ его именно берегу, къ его рѣчкѣ направится наиболѣе и торговля, потому что тамъ всего больше явится главнаго товара — рабовъ; ослабѣвали значенія чисто личныя — исчезалъ или измѣнялся и портъ, также просто и быстро, какъ и образовывался, оставляя послѣ себя лишь пустой звукъ въ имени, не всегда пріурочиваемомъ. Въ началѣ XIX вѣка Вардане было еще очень заселено и считалось однимъ изъ главныхъ мѣстъ у Шапсуговъ (Dubois, op. c., I, 196—199). А. Б. Д.

k) *Буюкъ-лиманъ*—Большая бухта по русски, есть не только по смыслу теперешняя Новороссійская; но и на картахъ всего XVIII и начала XIX вѣка она называется этимъ именемъ. А. Б. Д.

l) *Анапа* никогда не называлась *Варада*; этимъ именемъ зовется хребетъ горъ къ востоку отъ Новороссійской бухты, онъ-же *Мархотка*; но на картахъ XVIII вѣка у самой Анапы показана гора, называемая Варада; вѣроятно, этимъ именемъ тогда называли всю крайнюю западную часть горъ Кавказа, послѣдній отрогъ, которыхъ обрывается на мысѣ Анапы; такъ называетъ эти горы и да-Лукка (op. c. XI, 489). Невѣроятно, чтобы *д'Асколи* пропустилъ столь значительное мѣсто, какъ *Анапа*; но непонятно, почему онъ ему не далъ настоящаго названія, которое и тогда было въ общемъ употребленіи; напр. его современникъ *Эвлія-ефенди*, много говоря о значеніи Анапы, иначе ея не называетъ (op. c., II, 59). Значительно меньше дѣйствительнаго разстояніе, показанное у *д'Асколи*, отъ *Новороссійска* до *Анапы*, не имѣетъ особаго значенія, тѣмъ болѣе, что и разница не будетъ столь велика, если считать только отъ входа въ *Буюкълиманъ*, какъ могъ сдѣлать *д'Асколи*, а не отъ самой глубины бухты, какъ я считалъ. А. Б. Д.

m) Называется также *Караки*; это просто нѣсколько укрытое отъ сѣвера мѣсто, совершенно пустынное, но съ хорошимъ пляжемъ, на который и выскакивали мелкія суда, почему его и назвалъ *д'Асколи*. А. Б. Д.

n) *Кетестесъ*, есть просто описка; слѣдовало написать *Кедерлезъ* — *Хедрлезъ*, турецкое имя для св. *Георгія*, по Тетбу; значащее—зеленѣющій Илія (Taitbou de M., hydr. de la M. Noire, 46); но кажется это не такъ; крымскіе татары говорятъ Катирлесъ. А. Б. Д.

[36]) Gravida—беременная. Такому удивительному происхожденію названія *Анатолія*, неизвѣстному въ турецкомъ языкѣ, дала поводъ нашему автору, вѣроятно, первая часть этого слова—ана̀, значащая по турецки—мать. *Анатолія* идетъ безъ сомнѣнія отъ ἀνα-τέλλω — восходить (солнцу). Съ тѣмъ же значеніемъ всѣ франкскіе языки замѣняли *Анатолію* словомъ—*Левантъ*. А. Б. Д.

[37]) У генуэзцевъ — *Samastro*; этотъ городъ имъ принадлежалъ съ 1398 года по 1459, когда сдался туркамъ безъ боя; подчиненный то Каффѣ, то Перѣ, большого значенія онъ никогда не имѣлъ (Heyd Hist. du Com. du Levant, II, 358, 368, 391). А. Б. Д.

[38]) Переводъ совершенно точенъ, но трудно понять, что такое мечъ о двухъ концахъ. Можно-бы подумать, что это обоюдоострый мечъ (значитъ, прямой), но такіе не были въ ходу на Востокѣ, да и это понятіе не отвѣчаетъ выраженію подлинника. Всего вѣроятнѣе, что это было оружіе въ родѣ тѣхъ, что называли косаремъ (fauchart), или совкою (vouge), или гвизармой (guisarme)—на недлинной ручкѣ родъ криваго клинка, у котораго съ конца впередъ выступало одно остріе, а съ тылья было еще и другое, поперечное; такимъ родомъ оружія рубили, кололи и стаскивали всадниковъ; изъ него развилось, но на длинныхъ древкахъ, то оружіе, которое итальянцы называютъ *falcione* и *corsesca* (много въ музеѣ-арсеналѣ Венеціи) и общеизвѣстныя алебарды (Meindron, Les armes, 121—192, ф. Винклеръ, Оружіе, 131, 133; Demmain, Encycl. des beaux arts, plast. II; 1664, fig. 4, 5, 6). А. Б. Д.

[39]) Переведено точно, но авторъ, вѣроятно, хотѣлъ сказать: съ мускатнымъ запахомъ, такъ какъ о существованіи винъ съ мускуснымъ запахомъ не слыхивалъ. А. Б. Д.

[40]) Игра словъ, *Aso*—названіе страны и asini — ослы. Н. П. Авторъ говоритъ о народѣ и странѣ *Лазовъ*, которую вѣроятно счелъ какъ-бы написанной въ видѣ l'Aso, а потому и приложилъ свое не хитрое остроумie. А. Б. Д.

[41]) Владѣтели *Мингреліи* носили титулъ дадіана съ XIV вѣка, отъ званія перваго изъ нихъ. Самое слово происходитъ отъ дадъ—глава суда, по персидски (Chardin, op. c. I, 352), или съ грузинскаго, значащаго виночерпій, какъ полагаетъ *Дюбуа* (op. c., III, 6). Подробно объ этомъ титулѣ у *Броссе* (Hist. de la Géorgie, I, 386), который считаетъ самымъ вѣроятнымъ объясненіе *Шардена*, но самъ предлагаетъ и еще догадку: отъ имени маленькой рѣченки и забытой крѣпостцы въ *Мингреліи*, что едва-ли вѣроятно. Города съ такимъ именемъ не существовало въ Мингреліи; столицей въ ней, если можно искать въ такой странѣ столицу, были Зугдиди (Dubois op. c., III, 36). А. Б. Д.

[42]) Описка или опечатка; должно быть не 54, а 45 фунтовъ. Н. П.

[43]) Румъ-эли, по турецки страна ромеевъ или римлянъ, каковыми называли себя офиціально византійцы. А. Б. Д.

[44]) Счетъ ведется не отъ *Константинополя*, а отъ входа въ *Босфоръ*. А. Б. Д.

[45]) *Кара-Ирманъ* не представляетъ никакого укрытія судамъ и авторъ, надо полагать, имѣлъ въ виду возможность для мелкихъ судовъ войти близъ *Кара-Ирмана* въ оз. *Разино*, куда, вѣроятно, тогда шелъ протокъ, теперь уже не существующій; такое соображеніе объясняетъ, гдѣ прятались и откуда нападали козаки въ вышеразсказанномъ сраженіи у *Кара-Ирмана*, да и послѣ, въ 1640 г., въ боѣ подъ Монастыремъ. А. Б. Д.

[46]) Впечатлѣніе узкости входа въ *Балаклаву* такъ велико, что многіе сводятъ этотъ входъ на совершенное ничтожество; въ дѣйствительности онъ нигдѣ не уже 60 саженъ, а галера съ выброшенными веслами имѣла не болѣе 15 саженъ и слѣдовательно могла входить совершенно свободно, разумѣется, не въ бурную погоду. А. Б. Д.

[47]) Замѣчательно точное изображеніе теченій *Чернаго* моря; почти дословно тоже можно прочесть и въ нашихъ лоціяхъ. А. Б. Д.

[48]) Однако, авторъ, назвавъ восемь языковъ, перечисляетъ только семь; можно, я думаю, безошибочно сказать, что онъ, такъ много-говорящій о козакахъ, имѣлъ въ виду назвать восьмымъ русскій и забылъ его случайно. А. Б. Д.

[49]) *Агдеръ-ханъ*—вѣроятно, *Акбаръ*, *Великій Моголъ*, устроитель имперіи въ *Индіи*; онъ хотя и умеръ въ 1605 г., но слава о немъ гремѣла такъ далеко и долго, что, надо думать, именно его вспоминаетъ *д'Асколи*. Не знаю, почему его имя напомнило д'Асколи дракона; теперь татары драконъ называютъ—ждрагà. А. Б. Д.

[50]) Надпись, конечно, арабская и, вѣроятно, та самая, что и понынѣ сохранилась надъ входомъ въ мечеть Узбека, 1314 года (З. Од. Общ. Ист. и Др., II, 529; Смирновъ, Арх. экск. въ Крымъ, З. Вост. Отд. Р. Арх. Общ., I, 280—282); сзади этой мечети развалины большого медресе (училища). Излишне прибавлять, что персіяне никогда не владѣли Крымомъ и бывали въ немъ только единичными купцами и весь этотъ разсказъ о прошлыхъ временахъ совершенно перепутанъ и ни къ чему не относится. А. Б. Д.

[51]) Бомбареки—татарское «мубарекъ», значащее — благословенный, благодатный; говорятъ такъ и о баранахъ, приносимыхъ въ жертву. А. Б. Д.

[52]) Цѣлебныя ванны изъ душистыхъ цвѣтовъ и до сихъ поръ привлекаютъ больныхъ въ *Старый Крымъ* весною. А. Б.

[53]) *Сурпъ-Хачъ*—по армянски св. *Крестъ*. Храмъ монастыря построенъ въ 1338 году. Двѣ надгробныя, безъ надписи, плиты въ храмѣ и понынѣ считаются могилами двухъ братьевъ, его основавшихъ—*Іоаннеса и Георгія* (Мин. Бжешкіанцъ, Путеш. по Крыму, § 489, рукопис. перев.; также кратко, З. О. Общ. X, 447—448). А. Б. Д.

[54]) *Оръ*—по ногайски ровъ, почти то же, что и наше *Перекопъ* (Смирновъ, ор. с., 334). Укрѣпленіе на перешейкѣ называлось также и *Ферхъкерманъ*. А. Б. Д.

[55]) Полагая, что и тутъ счетъ ведется тѣми-же турецкими милями, все таки 15 миль, равныя почти 20 верстамъ, слишкомъ большее протяженіе перешейка въ *Перекопѣ*; его ширина не превосходитъ 7 верстъ. Надо прибавить, что при сильныхъ вѣтрахъ воду сгоняетъ совсѣмъ, на большее протяженіе, въ особенности въ *Сивашѣ*, и тогда этотъ перешеекъ, конечно, гораздо шире, а искусственно вырытый ровъ легко обходится, какъ и дѣлали наши войска при походѣ въ Крымъ, во время войнъ XVIII вѣка. Возможно также, что здѣсь у автора описка или опечатка: пятнадцать вмѣсто пяти; его товарищъ *да-Лука* даетъ ширину перешейка всего только полъ мили, хотя окружность *Крыма* дается около 700 миль обоими авторами и эта цифра почти совершенно точна: около 470 морск. миль, разумѣется, измѣряя по главнымъ линіямъ. А. Б. Д.

[56]) Меотійскія болота автора—нашъ *Сивашъ*. Тропа, которою можно пользоваться знающимъ, надо думать, *Чонгарская* переправа черезъ *Сивашъ*. А. Б. Д.

[57]) Изъ этихъ словъ автора можно думать, что имъ была написана историческая записка, гораздо болѣе подробная; нахожденіе ея было-бы крупнымъ вкладомъ въ исторію *Крыма*. А. Б. Д.

[58]) Всѣ эти собственныя имена легко читаются по современному: *Махметъ-гирай—Мухаммедъ-Герай; Замбекгирай—Джаны-бекъ-Герай; Шаингирай—Шагинъ Герай; Кандемиръ—Канъ-Темиръ; Салмаша—Салманъ-Шахъмурза*. Послѣдній, по *Гаммеру*, не родной братъ *Канъ-Темира*, а двоюродный (Hammer, op. c., IX, 109, 161). А. Б. Д.

[59]) Разорилъ имѣнье, предалъ смерти прислугу и дѣтей, а беременную жену *Канъ-Темира* насадилъ на вертелъ и поджаривалъ ее, пока не лопнуло чрево и не выпалъ плодъ его, тутъ-же погибшій (Hammer, IX, 54; Hammer, Gesch. d. Ch. d. Krim, III; Смирновъ, ор. с. 491). Помимо стариннаго соперничества и вражды даже между татарами и ногайцами, особенно съ Мансурскимъ племенемъ ихъ, къ которому принадлежали и были его начальниками *Канъ-Темиръ* и *Селманъ-Шахъ-мурза*, ближайшій поводъ къ событіямъ нѣсколькихъ лѣтъ, залившимъ кровью чуть не все пространство отъ Дуная до *Каффы*, выясняется въ достаточной степени нашимъ авторомъ и къ тому-же вполнѣ правдоподобно. Турецкіе историки эту вражду объясняли завистью за отличія, полученныя *Канъ-Темиромъ* въ походѣ подъ *Хотинъ* (Hammer, op. c. IX, 47); а г. *Смирновъ* полагаетъ, что *Канъ-Темиръ* просто не принадлежалъ къ сторонникамъ *Мухаммедъ-Герая*, что въ сущности ничего не объясняетъ (Смирновъ, ор. с., 491 примѣч.). А. Б. Д.

[60]) Авторъ совершенно вѣрно разсказываетъ весь ходъ событій неудавшейся туркамъ первой смѣны *Мухаммедъ-Герая* и замѣны его *Джаны-бекъ-Гераемъ* въ 1624 году; только, по турецкимъ источникамъ, козаковъ приходило на помощь всего около 800—1.000 человѣкъ, а не 4.000, какъ говоритъ *д'Асколи*, который заслуживаетъ большаго довѣрія. Онъ самъ все это видѣлъ, а не писалъ вдали и съ чужихъ словъ (Смирновъ, ор. с., 483—485). А. Б. Д.

[61]) Этотъ другой замокъ есть, безъ сомнѣнія, нынѣшній *Чуфутъ-кале*, сосѣдній съ *Бахчисараемъ*, о чемъ сказано обстоятельнѣе далѣе, на стр. 25, при описаніи *Бахчисарая*. А. Б. Д.

[62]) Взявъ *Каффу* въ 1624 году, *Мухаммедъ-Герай* приказалъ всѣмъ городскимъ жителямъ выбраться изъ города на суда, гдѣ они претерпѣли всяческія бѣдствія, едва не погибнувъ отъ жажды; а городъ былъ разграбленъ. А. Б. Д.

[63]) *Поликарпо*—описка или опечатка; должно быть *Поликастро* — *Policastro*, маленькій городокъ въ *Калабріи*, верстъ 30 къ сѣверу отъ *Катанцаро*, въ древности назывался *Петилія*. На какой именно султаншѣ былъ женатъ этотъ ренегатъ, не знаю, вѣроятно, на дочери какого нибудь падишаха турецкаго, что было дѣломъ обыкновеннымъ. А. Б.

[64]) Nell hora di compieta – Compieta называется послѣдній изъ каноническихъ часовъ въ католическомъ богослуженіи. Н. П.

[65]) 22-ой часъ, т. е. 10 часовъ вечера, начиная счетъ суточныхъ часовъ съ полуночи, что сохранилось въ значительной мѣрѣ и до сихъ поръ въ *Италіи* и все болѣе и болѣе вновь входитъ въ употребленіе, напр. на желѣзныхъ дорогахъ А. Б. Д.

[66]) Авторъ безразлично употребляетъ слово таборъ и въ смыслѣ войсковой единицы—полка и въ значеніи стана, лагеря А. Б. Д.

[67]) Triencerati—собственно окопы, траншеи; однако, очевидно, что невозможно идти подъ прикрытіемъ окоповъ или траншей и *д'Асколи*, безъ сомнѣнія, имѣетъ въ виду козацкій способъ передвиженія во вражьей странѣ—таборомъ, т. е. защищаясь на ходу особымъ расположеніемъ и движеніемъ обоза вокругъ отряда; объ этомъ понятно и подробно разсказано у *Боплана* (ор. с., 47), который прибавляетъ, что таборы «у насъ» назывались караваномъ (См. также Chevalier, Hist de la guerre des cosaques, 1663, p. 25 и Эварницкій, ор. с I, 443). А. Б Д.

[68]) Возвращеніе *Шагинъ-Герая* нашъ авторъ показываетъ въ 1632 году, а по турецкимъ источникамъ это было въ 1633 (Смирновъ, ор. с., 506) или даже въ 1634 г (Hammer, op. с, IX, 236). Г. Смирновъ тутъ-же говоритъ неопредѣленно, что *Шагинъ-Герай* скитался пять лѣтъ между черкесами, козаками и проч., не упоминая о *Персіи*; но *д'Асколи* совершенно точно указываетъ, что онъ бѣжалъ вторично въ *Персію* и что именно тамъ дѣлалъ, и это показаніе носитъ характеръ совершенной достовѣрности, какъ и все разсказанное нашимъ авторомъ вокругъ событій этихъ лѣтъ. *Шагинъ-Герай*, въ концѣ всего, былъ удавленъ на о. *Родосъ* въ 1641 году (Смирновъ ор. с., 525; Hammer, op. с., X. 20). А. Б. Д.

[69]) События, разсказанныя такъ живо и подробно *д'Асколи*, бывшимъ ихъ самовидцемъ и даже, отчасти, участникомъ, обращали на себя не малое вниманіе, потому что, какъ справедливо замѣчаетъ г. *Смирновъ*, въ нихъ отразились «весь складъ и духъ внутренней и внѣшней жизни ханства». Ногайцы и татары, козаки и турки, мусульмане и христіане—все приведено въ движеніе нашимъ авторомъ и обо всемъ разсказано такъ живо и правдиво, что почти не требуется никакихъ поясненій и даже всѣ свѣдѣнія, даваемыя *д'Асколи*, въ значительной мѣрѣ исправляютъ и дополняютъ разсказы восточныхъ писателей и по сравненію съ уже извѣстнымъ намъ представляются безукоризненно точными; не напрасно нашъ авторъ

указываетъ не только года событій, но даже дни и часы. Значительная разница между его свѣдѣніями и тѣмъ, что мы встрѣчаемъ у *Гаммера*, *Костомарова*, г. *Эварницкаго* и даже наиболѣе подробнаго г. *Смирнова*, всякимъ внимательнымъ читателемъ будетъ замѣчена; но все-же я полагаю не лишнимъ указать главныя несходства, при чемъ выяснятся и нѣкоторыя сомнѣнія. Выше, въ примѣч. 59, я уже приводилъ указанія нашего автора на истинныя причины вражды и кровомщенія между буйными братьями *Гераями* и *Мансурскими* ногаями. Самое смѣщеніе хана *Мухаммедъ-Герая* и вторичная замѣна его *Джаны-бекъ-Гераемъ* относятся къ 1627 году (напр. Смирновъ, ор. с, 494), а причиной выставляется столкновеніе съ *Канъ-Темиромъ*; но оказывается, что все это невѣрно и смѣна произошла въ 1628 году, да и то собственно потому, что пришлось туркамъ вторично выручать Каффу, осажденную *Мухаммедъ-Гераемъ* съ козаками, разбившими *Канъ-Темира* и ногайцевъ подъ *Бахчисараемъ*. Иного спасенія туркамъ, какъ смѣна хана, и не было; оставалось только надѣяться, что эта мѣра не окончится такой неудачей, какъ въ 1624 году. Новый ханъ прибылъ въ *Каффу* 29 іюня 1628 года. Что въ этомъ случаѣ совершенно правъ нашъ авторъ, говоритъ не только весь, по днямъ и часамъ точный его разсказъ, но и стороннія указанія. Козаки, освободивъ *Мухаммедъ-Герая* и вернувшись изъ подъ *Каффы* домой, съ нѣкоторыми прикрасами и умолчаніями въ видѣ извиненія сообщили о томъ региментарю *Стефану Хмелецкому*, 14-го іюля 1628 года; все ихъ донесеніе и дальнѣйшая переписка по этому дѣлу, можно сказать, дословно повторяютъ сказанное нашимъ авторомъ, подтверждая его наблюдательность и большую освѣдомленность (Мельникъ, Свѣд. о пох. Мих. Дорошенка въ Крымъ, въ Мем. отн. къ ист. Южн. Руси, вып. II, 160—167). Но и у самого г. *Смирнова* нетрудно найти указаніе на то, что все это приходило именно въ 1628 году. Извѣстительную грамоту *Михаилу Өеодоровичу*, о своемъ вступленіи на ханство, *Джаны-бекъ-Герай* посылаетъ въ концѣ іюля 1628 года, и нельзя думать, чтобы онъ отложилъ столь важное дѣло на цѣлый годъ, ибо русскія поминки, которыхъ онъ тутъ-же требовалъ съ угрозой, были для хана не только дѣломъ весьма важнымъ, но и просто необходимымъ, послѣ погрома претерпѣннаго *Крымомъ* (Смирновъ, ор. с. 496). *Канъ-Темиръ*, осаждавшій братьевъ въ *Бахчисараѣ*, по восточнымъ источникамъ снялъ осаду будтобы по недостатку провіанта; но теперь мы видимъ, что это приличная, но явно нелѣпая выдумка крымскихъ историковъ, желавшихъ прикрыть неудачу и пораженіе, нанесенное *Канъ-Темиру* козаками; да оно и такъ видно, что за провіантомъ ногаямъ нечего было ходить къ *Каффѣ* и садиться тамъ въ осаду.

Всѣми нашими историками повторяется, повидимому съ легкой руки *Гаммера* и татарскихъ писателей, какъ въ этомъ походѣ погибъ гетманъ

Михайло Дорошенко и какъ его голову воткнули на стѣны *Каффы* (Костомаровъ, Богданъ Хмельницкій I, 84; Эварницкій, ор. с., II, 214). Что Дорошенко былъ убитъ во время прорыва козаковъ сквозь весь Крымъ, въ томъ нѣтъ сомнѣнія; это подтверждается и козачьимъ донесеніемъ; но совершенно невѣроятно, чтобы его голова могла достаться татарамъ изъ козачьяго табора; а если-бы это случилось, о чемъ умалчиваютъ козаки, то *д'Асколи* навѣрно не преминулъ-бы сказать о томъ. *Гаммеръ*, вѣроятный родоначальникъ всего этого разсказа (ор. с., IX, 109—110), не только голову *Дорошенка* воткнулъ въ *Каффѣ*, но увѣряетъ, что вмѣстѣ съ нимъ въ томъ-же бою погибъ и ханъ *Мухаммедъ-Герай*, чего явно быть немогло, такъ какъ тогда и *Каффу* некому было-бы осаждать. Надо, впрочемъ, замѣтить, что мѣсяцъ и годъ назначенія *Джаны-бекъ-Герая* у *Гаммера* показаны совершенно вѣрно—3-го іюня 1628 года. (Также и въ Gesch. d. Chan. d. Krim, 114). Участь и хана и его брата разсказана очень подробно г. Смирновымъ, по восточнымъ источникамъ (ор. с, 497, 506), и несомнѣнно невѣрно. Нашъ авторъ прямо говоритъ, что *Мухаммедъ-Герай* подошелъ съ новымъ войскомъ къ *Перекопу* и былъ тамъ убитъ козаками, что можно читать между строкъ и въ козачьемъ донесеніи (ор. с., 164). Неясно только одно, когда именно это случилось, въ томъ же 1628 году или въ слѣдующемъ, 1629; повидимому, можно допустить второе, по большему согласію съ прочими источниками. Судьба *Шагинъ-Герая* разсказана выше обстоятельно и нашимъ авторомъ сдѣлано это съ видимымъ знаніемъ подробностей.

А. Б. Д.

[70]) Все это сказаніе о вѣроотступникахъ грекахъ нѣсколько запутано, но общій смыслъ таковъ, какъ сохраненъ переводомъ; тѣмъ и объясняется, какъ сильно и долго было омусульманено христіанское населеніе *Крыма*. Черезъ полтора вѣка послѣ *д'Асколи* изъ *Крыма* выходило, такъ называемыхъ грековъ-христіянъ всего 18.792 души обоего пола.

А. Б. Д.

[71]) Все это авторомъ совершенно перепутано и даже трудно понять, о какихъ именно беяхъ онъ хочетъ сказать. Повидимому, о четырехъ карачахъ; но давать здѣсь подробныя разъясненія, къ тому-же очень извѣстнаго дѣла, нѣтъ надобности. А. Б. Д.

[72]) Переводъ вѣренъ, но въ *Крыму* извѣстна только одна порода сѣрыхъ куропатокъ—Perdrix cinerea (Браунеръ, Зам. о птицахъ Крыма; Никольскій, Позвоночн. животн. Крыма, 314—316), фазановъ также нѣтъ вовсе. Возможно, что авторъ имѣетъ въ виду и не одинъ *Крымъ*, а также и *Черкасію*, гдѣ фазаны въ изобиліи. А. Б. Д.

[73]) Собственно не *туманы*, а *тумы*. Этимъ именемъ звали дѣтей татаръ и христіанскихъ невольницъ; положеніе ихъ ничѣмъ не отличалось отъ невольничьяго вообще и отцы ихъ продавали, какъ рабовъ (Да-Лукка,

ор. с., З. О. О., 479). Отношеніе къ нимъ русскихъ видно изъ извѣстнаго поступка кошевого *Сирка*. Выводя изъ похода на *Крымъ* въ 1675 году огромный полонъ, онъ предложилъ желающимъ христіанамъ вернуться въ *Крымъ*; таковыхъ нашлось около 3.000, а когда они дѣйствительно пошли обратно, то Сирко приказалъ ихъ догнать и изрубить всѣхъ безпощадно.

А. Б. Д.

[74]) Происхожденіе и значеніе этихъ титуловъ—калги и нур-ед-дина—подробно у г. *Смирнова* (ор. с., 350—362, 439). Въ общемъ, указанія нашего автора довольно близки. Нур-ед-динъ буквально значитъ—свѣтъ вѣры.

А. Б. Д.

[75]) *Corchis*—по опискѣ, а *Conchis*, какъ вѣрнѣе сказано на 40 стр., значитъ, конечно,—*Чингизъ*. Тутъ-же приводится извѣстное сказаніе о происхожденіи рода *Чингиза* отъ *Алан-куа-Хатунъ*, зачавшей отъ человѣка, нисшедшаго въ солнечномъ лучѣ (Aboul-Ghazi Beh. Hist. des Mag., trad. p. Desmaison, II, 65). А. Б. Д.

[76]) На существованіе вѣры въ такое условіе, которая, какъ видимъ по нашему автору, извѣстна очень давно, указываетъ и Пейссонель въ концѣ XVIII столѣтія, доказывающій его невѣроятность (Peyssonel, Traité S. le com. de la M. Noire, II, 230—233). Самъ ханъ отрицалъ это въ разговорѣ съ *де-Тоттомъ* (Mém. sur les Turcs, I, 60, ed. 1785). Противъ возможности такого условія говоритъ подробно г. Смирновъ (ор. с., 295—297).

А. Б. Д.

[77]) Ханскій доходъ съ невольниковъ, повидимому, бывалъ и больше ариѳметической десятины; онъ назывался «саугa», что, по словамъ *Гезаръ-Фена*, значило пятая часть (писалъ въ половинѣ XVII в.; см. Смирновъ, ор. с., 322 и 536). Въ послѣднемъ татарскомъ набѣгѣ, 1769 года, хану давали десятую (de Tott, Mém. 1785, I, 446, 458). А. Б. Д.

[78]) Порча денегъ самимъ правительствомъ составляла въ то время общераспространенный способъ увеличивать доходы казны, считавшійся почти легальнымъ; у татаръ онъ, быть можетъ, продѣлывался нѣсколько чаще, откровеннѣе и грубѣе. А. Б. Д.

[79]) Это недоразумѣніе, въ которое авторъ былъ введенъ названіемъ подати; но сама подать вовсе не ограничивалась нѣсколькими бочками меду, а составляла въ половинѣ XVIII вѣка крупную сумму въ 12.000 піастровъ, съ *Молдавіи* 8.000 и съ *Валахіи* 4.000; эта дань взималась подъ названіемъ «балъ ахчеси», т. е. медовыхъ денегъ (Peyssonel, ор. с, II, 241).

А. Б. Д.

[80]) Нократъ, и по цѣнности и по созвучію, есть, безъ сомнѣнія, наша «новгородка», по сто штукъ на рубль. А. Б. Д.

[81]) Самуръ, по татарски соболій мѣхъ; очень любимый и цѣнимый на Востокѣ; бóльшая часть выхода изъ Россіи, поминокъ татарамъ, шла

этими мѣхами. Цѣнность всѣхъ поминокъ *д'Асколи* опредѣляетъ въ 330.000 реаловъ или около 17.000 рублей, что по теперешнему составитъ весьма большую сумму, около полумилліона рублей. А. Б. Д.

[82]) Буквально — король чистый огонь А. Б. Д.

[83]) Вѣроятно — *Нарушевичъ.* А. Б. Д.

[84]) Это разсказано, хотя и не особенно подробно, у г. *Смирнова* (op. c., 525) Указаніе года и событій войны съ турками, закончившейся миромъ въ 1634 году, а также всѣ взаимныя натравливанія *Россіей* и *Польшей* татаръ и турокъ разсказаны совершенно вѣрно, и русскій посолъ былъ именно въ указанное время въ Константинополѣ. Только, по турецкимъ источникамъ, поляки по миру все таки обязывались платить дань татарамъ (Hammer, op. c., XI, 228, 232, 233, 236). А. Б Д.

[85]) Весь этотъ разсказъ превосходно рисуетъ взаимныя отношенія сосѣдей и показываетъ, почему такъ долго могло держаться въ *Крыму* это нищее, гнусное разбойничье гнѣздо, существовавшее только нещаднымъ грабежемъ *Россіи* и *Польши*, взаимно ихъ ссорившее, и съ той и другой стороны вымогавшее, за мнимый миръ, поминки, очень большія, если перевести на современную цѣнность,—по полумилліону и болѣе рублей на годъ. Автору совѣстно прямо признаться и онъ замысловато объясняетъ, за что именно въ 1633 г. платили татарамъ поляки, но все таки не можетъ скрыть сущности, что было дадено за разореніе *Россіи*. Но онъ вѣроятно и не зналъ, что тотъ-же ханъ, разоряя Россію и клянясь во всяческой пріязни полякамъ, посылалъ и *Польшу* разорять въ томъ-же году (Hammer, op. c., IX, 229). Это тотъ самый набѣгъ на Россію, вполнѣ точно по времени показанный авторомъ, имѣвшій такое вліяніе на осаду Смоленска, о которомъ лит. канцл. *Радзивилъ* говоритъ, «что не спорить, какъ это по богословски, напускать поганцевъ на христіанъ, но по земной политикѣ вышло очень хорошо» (Соловьевъ, op. c. 202). А. Б. Д.

[86]) Совершенно точно; посломъ татарскимъ въ Вѣнѣ въ 1633 г. былъ *Карагезъ*, (Hammer, op. c , IX, 303). А. Б. Д.

[87]) Эти пищальники назывались — сеймены и были учреждены, кажется, *Сахыбъ-Гераемъ* еще въ половинѣ XVI вѣка, но тогда имъ жалованье шло изъ турецкой казны (Смирновъ op. c., 414). Въ половинѣ XVIII вѣка было тоже самое (Peyssonel, op. c., II, 283). Изъ этого можно думать, что нашъ авторъ ошибается. А. Б. Д.

[88]) Чауши—гонцы *Порты*; съ какою-бы вѣстью они не приходили, злою или доброй, должны были быть осыпаемы щедрыми дарами, какъ носители воли падишаха. А. Б. Д.

[89]) Въ печатномъ текстѣ (стр. 27), сокращенное начертаніе «pro» принимается за «prode». Мнѣ кажется, что слово «pro» проставлено правильно и означаетъ выгоду, наживу; оно происходитъ отъ лат. prodesse, prodest. Н. П.

[90]) Топра-кала—земляная крѣпость; этимъ именемъ называлось предмѣстье *Каффы*, потому что, какъ и весь городъ, оно состояло изъ земляныхъ мазанокъ, а можетъ быть и потому, что подлѣ него было земляное укрѣпленіе турокъ, о которомъ сказано далѣе. А Б. Д

[91]) Это мѣсто очень запутано авторомъ, но переведено вѣрно Смыслъ его состоитъ въ томъ, что стѣны *Каффы* окружены господствующими надъ ними высотами, что, разумѣется, крайне вредно въ смыслѣ обороны, и нашъ авторъ поясняетъ, что это было терпимо только съ такимъ непріятелемъ, какъ татары. А. Б. Д.

[92]) Замокъ, стоящій на лѣвой оконечности (авторъ говоритъ, глядя на городъ съ моря), есть собственно цитадель. Портъ *Каффы* дѣйствительно обладаетъ тѣми качествами, которыя въ немъ подмѣчены авторомъ; въ немъ и въ наши времена никогда не бывало крушеній, не смотря на его значительную открытость вѣтрамъ, и это не только потому, что якоря хорошо держатъ, но также и потому, что по его особымъ условіямъ онъ защищенъ отъ южныхъ и юго-западныхъ вѣтровъ; а именно эти вѣтры и несутъ крымскимъ берегамъ самыя страшныя бури. А. Б. Д.

[93]) Греческимъ митрополитомъ былъ въ то время, когда *д'Асколи* писалъ свое описаніе, *Парѳеній*, съ 1631 по 1642 (Σάθα, Μεσαιωνικὴ Βιβλ. τομ. I, 568, 576). А. Б Д.

[94]) Авторъ очевидно разумѣетъ подъ двумя націями евреевъ и караимовъ. А. Б. Д.

[95]) Такая церковь ни по описанію, ни по имени теперь неизвѣстна. Сумма, заплаченная туркамъ за нее, весьма велика. *Бопланъ*, дававшій почти одновременно свѣдѣнія, также упоминаетъ въ Каффѣ одну католич. церковь св. *Петра*. Въ концѣ XVII вѣка (но по *Боплану*) католическая церковь упоминается безъ имени (Descr. novis. imp. Turc., Türkisch. Reichs, 1687, III, 3). Въ половинѣ XVIII в. *Пейссонель* предполагалъ пустить въ ходъ цѣлую серію уловокъ, чтобы добыть въ Каффѣ какую нибудь, хотя-бы развалѳнную церковь для католиковъ, но безъ успѣха; значитъ, о нашей уже не стало памяти (Peys., op c., 331 и дал.). *Туманъ* упоминаетъ объ этой церкви, но просто повторяя *Боплана* (Busching's. Erdbeschr., IV, 348). А. Б. Д.

[96]) *Юзлеве*—нынѣшняя *Евпаторія* сохранила небольшіе остатки старыхъ стѣнъ, но отъ большагo караванъ-сарая не видно и слѣдовъ. А. Б. Д.

[97]) Авторъ, безъ сомнѣнія, говоритъ о *Чуфутъ-кале*, *Жидовской крѣпости*; но совершенно непонятно, почему онъ къ ней примѣняетъ названіе *Топра-кала*,—земляная крѣпость. Въ *Чуфутъ-кале* имѣются только каменныя стѣны; одна въ серединѣ города, очень старая, прочной и красивой греческой техники, времени не позже XIV и даже XIII вѣка; затѣмъ,

когда городъ разросся и впереди этой стѣны заселился караимами, то для ихъ защиты въ концѣ XV вѣка, насколько можно судить по стилю укрѣпленій и въ особенности по орудійнымъ амбразурамъ, была построена другая стѣна уже татарами, та самая, что теперь видна на входѣ.
А. Б. Д.

[98]) Непереводимая игра словъ — «partori un negro fete», т. е. буквально,—родила чернаго зародыша. Н. П.

[99]) Авторъ повторяетъ, съ маленькимъ варіантомъ, сказанное имъ на 4-ой страницѣ о взятіи *Карасу-Базара* козаками (примѣч. 16), но въ годѣ остается твердъ, такъ что пожалуй ему и слѣдуетъ болѣе довѣрять, чѣмъ нашимъ источникамъ. А. Б. Д.

[100]) Караджъ значитъ подать, но что такое Viva, не могу отгадать; на татарскомъ языкѣ такого выраженія не существуетъ. А. Б. Д.

[101]) Галіоны — большія, иногда даже очень большія суда, круглыя (т. е относительно очень широкія), съ двумя или тремя мачтами и обширною парусностью, ходившія только подъ парусами, имѣвшія двѣ-три палубы (Jal, Archéol. navall, II, 207). А. Б. Д.

[102]) Килъ, родъ особой глины, замѣняющей отчасти мыло, находился еще при занятіи *Крыма*, неподалеку отъ *Балаклавы*, въ мѣстности, называемой *Бей-керманъ*, верстахъ въ шести отъ *Инкермана*; тогда это цѣнилось и потому описывалось всѣми старыми писателями, напр. *Габлицемъ* (Физич. опис. Тавріч. Области, 19 -20). А. Б. Д.

[103]) Такое утвержденіе справедливо, если не принимать въ соображеніе южный берегъ *Крыма*, котораго нашъ авторъ, видимо, совсѣмъ не зналъ. А. Б. Д.

[104]) Въ общемъ, описаніе *Мангупъ-кале* вѣрно; но надо замѣтить, что дорога для въѣзда телегами въ него всегда была (ѣздилъ еще недавно) и только въ самые послѣдніе годы ее мѣстами размыло дождями; она начинается съ юга, со стороны деревни *Адымъ-чокракъ*; пѣшеходныя тропы съ сѣверной стороны. На верху уединенной скалистой вершины, занятой Мангупомъ, дѣйствительно имѣются два довольно обильные родника, существованіе которыхъ у многихъ, не привыкшихъ наблюдать мѣстность, возбуждало не малое удивленіе; въ дѣйствительности дѣло гораздо проще, чѣмъ то кажется по первому взгляду: плоская вершина горы, значительнаго размѣра, имѣетъ двѣ маленькія и, по сравненію съ общимъ видомъ скалы, едва примѣтныя лощины; но именно въ нихъ-то внизу и находятся родники, бассейнъ которыхъ, т. е. питающая ихъ мѣстность, *надъ ними лежащая*, вполнѣ достаточенъ. А. Б. Д.

[105]) Пс., 103, 6. «Бездна яко риза одѣяніе ея, на горахъ станутъ воды». А. Б. Д.

[106]) Т. е. *Керчь*. А. Б. Д.

[107]) Авторъ ошибается; вблизи Керчи былъ монастырь св. Георгія (Кетерлесъ); но д'Асколи говоритъ о церкви во имя *св. Іоанна Предтечи*, а не *св. Георгія*; она существуетъ и до сихъ поръ и пользуется издавна большой извѣстностью, такъ что даже самъ *Керченскій* проливъ или Еникольскій мысъ по ней называли, на средневѣковыхъ картахъ, проливомъ или мысомъ *св. Іоанна*. Надгробная надпись на одной изъ колоннъ (подробности см. Латышевъ, Сборн. греч. надписей христ. вр., 93—94) 757 года; но нѣтъ никакого основанія относить и церковь къ тому-же времени, по архитектурнымъ особенностямъ она едва-ли ранѣе XII вѣка. Разумѣется, только полное отсутствіе геологическихъ представленій въ то время могло сдѣлать возможнымъ по раковинамъ купола предполагать о подводномъ пребываніи церкви; она просто построена изъ раковистаго известняка, въ которомъ мелкія и мягкія части скорѣе вывѣтриваются, а крупныя раковины торчатъ на виду, давая поводъ къ наивнымъ предположеніямъ. Отъ крѣпости, въ которой находилась эта церковь, никакихъ слѣдовъ не осталось; но ея планы были сняты при занятіи *Крыма* и находятся въ архивѣ Главнаго штаба; крѣпостца существовала до двадцатыхъ годовъ XIX вѣка.
А. Б. Д.

[108]) Судя по перечисляемымъ городамъ и тому, что авторъ говоритъ на 38—39 страницахъ объ уменьшеніи населенія, видно, что подъ именемъ *Татаріи* онъ понимаетъ только одинъ *Крымъ*; но въ такомъ случаѣ 60.000 поселеній совершенно невѣроятное дѣло. Какъ-бы ни была мала деревня, а мы знаемъ, что были и очень большія, по нѣсколько тысячъ душъ, но все-же душъ сто на каждую въ среднемъ надо считать, не менѣе, а тогда населеніе *Крыма* выйдетъ болѣе шести милліоновъ. На стр. 39 авторъ указываетъ огромное уменьшеніе населенія до одной трети, 20.000 деревень; но даже и такое количество невозможно, не говоря уже о едва-ли мыслимой гибели въ это время нѣсколькихъ милліоновъ населенія. Надо думать, что подъ общимъ именемъ поселенія (Ville), *д'Асколи* считаетъ не только осѣдлое населеніе, настоящія деревни, но и отдѣльныя кибитки въ деревняхъ кочевниковъ, почти исключительно населявшихъ весь сѣверъ *Крыма*, кромѣ горной части его. Что это всего скорѣе, видно изъ того, что его товарищъ *да-Лукка* показываетъ даже 80.000 поселеній, но называетъ ихъ татарскимъ именемъ «кой», которое, по его разъясненію, можно понимать и какъ деревню и какъ колодезь, потому что каждая деревня имѣла свой (ор. с., 2 гол. перев.; З. О. Общ., XI, 475); число это еще болѣе невѣроятно и такъ разнится отъ показываемаго *д'Асколи*, что никакою приблизительностью не можетъ быть объясняемо. Только кочевое населеніе, со счетомъ кибитокъ, можетъ мѣняться десятками тысячъ и въ столь короткое время (См. далѣе у самого д'Асколи стр. 36) *Бопланъ*, почти одновременно писавшій, называетъ все это «передвижными дерев-

нями, на дву-колесныхъ повозкахъ» и говоритъ, что ихъ много (ор. с., 33). Нѣсколько позже, лѣтъ на 30—40,—но едва-ли къ тому времени произошли большія измѣненія, турецкій, весьма освѣдомленный историкъ, *Гезаръ-Фенъ* показываетъ въ *Крыму* всего «1300 деревень, большихъ и малыхъ» (Смирновъ, ор. с., 334), и это показаніе можно считать за достовѣрное. Можно-бы представить гораздо болѣе соображеній о населеніи *Крыма* въ тѣ времена, но этому здѣсь не мѣсто. А. Б. Д.

[109]) Теперь произносится «югуртъ» и столь-же любимо татарскимъ населеніемъ. А. Б. Д.

[110]) Образчикъ остроумія автора; онъ имѣетъ въ виду греческое ταράττω—волновать, тревожить, устрашать. А. Б. Д.

[111]) Повторяется уже сказанное ранѣе, на стр. 22, примѣч. 82. А. Б. Д.

[112]) Color berrettino, отъ латинскаго birrum, pyrros—красная матерія. Н П.

[113]) Плащъ—это бурка, а головной уборъ горская папаха. Наззарени автора—библейскіе назореи, или назиреи, о которыхъ онъ вспомнилъ потому, что одною изъ ихъ обрядностей было не брить и не стричь волосъ, а носить ихъ длино (Кн. Числъ, 6, 5; Судей, 13, 5; Царствъ, 1, II). А. Б. Д.

[114]) Мольцо (molzo) вѣроятно нѣчто въ родѣ нашего меда; буза—напитокъ, приготовляемый изъ бродившаго проса, и до сихъ поръ въ большомъ ходу въ Крыму. А. Б. Д.

[115]) Pasta—по итальянски тѣсто; но здѣсь авторъ даетъ то названіе, подъ которымъ описываемая ѣда была извѣстна въ *Черкасіи*; то же названіе для нея у турокъ приводитъ *Шарденъ* (ор с, 161—162), а у черкасовъ—да-Лукка (ор. с. гол. пер, 19, З. О. О, 491). Это тѣсто тоже самое, что итальянская полента или молдаванская мамалыга, но только приготовляется не изъ кукурузы, а изъ особаго рода проса (Panicum italicum); въ Мингреліи и Абхазіи оно извѣстно подъ именемъ гоми. А. Б. Д.

[116]) Въ 1475 году, а слѣдовательно 159 лѣтъ передъ тѣмъ, какъ пишетъ авторъ, а не 180. Обычай молодой женщинѣ не смѣть говорить первые годы съ свекромъ до сихъ поръ сохраняется у христіанъ, вышедшихъ изъ Крыма (Серафимовъ, Крымскіе христіане, изд. 2-е, 40). А. Б. Д.

[117]) *Кеффе-Магалази*—кафинская часть, кварталъ. А. Б. Д.

[118]) *Сиври-ташъ* или *Сююрь-ташъ*, теперь довольно большая деревня въ 8—10 верстахъ къ югу отъ *Бахчисарая*; исключительно татарская; названіе ея переведено вѣрно д'Асколи. Лѣтъ шестьдесятъ до нашего автора польскій посолъ *Броневскій* указывалъ уже, что въ этой деревнѣ, которую онъ называлъ Сортассусъ, жили потомки благородныхъ генуэзцевъ (Tartariae descriptio, ed. 1595, p. 9), была и католическая церковь. Тунманъ къ этому свѣдѣнію прибавилъ даже самыя громкія фамиліи будто-бы живущихъ тамъ потомковъ *Доріа*, *Спинола*, *Гримальди* и проч (Busching's Erdbeschreib., IV, 347); нашъ авторъ, конечно, не пропустилъ-бы замѣтить, если-бы хотя что-либо подобное выдумкѣ Тунмана было въ дѣйствительности. Въ этой деревнѣ, по словамъ *Броневскаго*, часто останавливались послы литовскіе и русскіе; это, вѣроятно, еще болѣе побуждало жителей выбраться изъ такого безпокойнаго мѣста, чѣмъ наѣзды родственныхъ черкесовъ, какъ говоритъ далѣе д'Асколи. А. Б. Д.

[119]) *Fecciala*, *Foczola* по *Боплану*, *Eoczola* старыхъ картъ, очевидно по опечаткѣ *Витсена* (Noord en Oost Tart. 573), все это одна и таже деревня, называющаяся *Фоцъ-салд*, *Фотъ-салà*, *Фоти-салà* въ наши времена. Это поселеніе лежитъ, какъ вѣрно указываетъ д'Асколи, въ 8—10 верстахъ прямо къ югу отъ *Сююрташа* въ истино прекрасной и богатой мѣстности. *Бопланъ* (ор. с. 31) говоритъ: *Алма* или *Фочола*, но это очевидная ошибка и рѣка *Алмà* совсѣмъ иное дѣло; ея имени не могла носить наша деревня, лежащая на теченіи средняго *Бельбека* (*Кабарты* — тожъ), выше дер. *Албата*; эта явная ошибка побудила переводчиковъ Боплана искать нашу деревню въ *Алма-керменѣ*, что ни съ какой точки зрѣнія не подходитъ (Мельникъ, Мемуары отн. къ ист. Южн. Руси, 326; Лясперонскій, Г. Лев. де-Бопланъ, 18). Тотъ-же *Бопланъ* насчитываетъ въ этой деревнѣ около 50 домовъ; тогда какъ нашъ авторъ, не могшій не знать своихъ пасомыхъ до точности, называетъ только 12 семей; это разногласіе можетъ объясниться тѣмъ, что христіане не одни занимали деревню, въ которую перебрались, заставъ уже тамъ коренное населеніе, бывшее, судя потому, что католики вѣнчались у греческихъ священниковъ, вѣроятно, греческое, хотя-бы только по вѣроисповѣданію; послѣдніе потомки генуэзцевъ теперь, можетъ быть, въ степяхъ вокругъ *Маріуполя*, если только тамъ есть какая либо о томъ память. Однако уже во время вывода христіанъ, въ 1778 г., наша деревня не показана ни въ спискахъ, ни на картахъ въ числѣ даже частью христіанскихъ, и теперь тамъ не знаютъ никакихъ его слѣдовъ. *Бопланъ* все-же имѣлъ довольно точныя свѣдѣнія и объ этой деревнѣ, потому что даетъ даже названіе католической церкви, *св. Іоанна*, что забылъ сказать нашъ авторъ.

Осмыслить названіе этой деревни мнѣ до сихъ поръ не удалось. *Салà*—приставка, имѣющаяся у очень многихъ деревень, разбросанныхъ по всему горному *Крыму*; по татарски или гречески это слово не имѣетъ значенія. Преосв. *Гермогенъ* полагаетъ, что это слово армянское и значитъ

«дубнякъ» (Тавріч. епархія, 396); но армяно-католическій деканъ въ *Θеодосіи* о. *Сапаровъ* съ этимъ несогласенъ и думаетъ, что оно можетъ значить плитнякъ, плитный полъ И то и другое объясненіе приложимо къ горнымъ деревнямъ *Крыма*, да и армянъ не мало было въ восточномъ *Крыму*; но мы ихъ не знаемъ въ западномъ, гдѣ всего больше *«салъ»*, именно въ мѣстности вокругъ *Мангупъ-кале.* Возможно, что это слово изъ какого нибудь теперь совершенно затеряннаго языка. А. Б. Д.

120) Кіэтъ абзйсъ—безъ буквъ и безъ письма, безграмотный.
А. Б. Д.

121) Названіе — *патракъ*, примѣняемое къ крымскимъ татарамъ, впервые слышу; но авторъ повторяетъ его весьма настойчиво, три раза Къ сожалѣнію, разъяснить это названіе мнѣ не удалось. *Д'Асколи* говоритъ, что оно дано народу по имени рѣки, протекающей въ *Татаріи*, берега которой заняты многочисленными селеніями; но во всемъ *Крыму* нѣтъ рѣки, сколько нибудь отвѣчающей именемъ и свойствомъ такому положенію дѣла. Есть маленькая рѣченка—*Бодракъ*, впадающая въ *Алму* сѣвернѣе *Бахчисарая*; но въ ней только и есть, что нѣкоторое сходство названія; это ничтожный ручей, почти всегда пересохшій, на короткомъ протяженіи котораго лежатъ одна татарская деревушка и маленькій русскій выселокъ, всего около 90 дворовъ; конечно, не этотъ ручей могъ быть рѣкою описанія *д'Асколи*. Нѣтъ-ли похожаго названія въ *«Скиѳіи»* автора? но по смыслу его словъ эту большую и многоводную рѣчку надо искать въ самомъ *Крыму*.

Теперь между татарами названіе «патракъ», въ смыслѣ нарицательномъ для народа, совершенно неизвѣстно; но что оно не выдумано авторомъ, видно изъ употребленія этого слова татарами; оно значитъ негодность, малоспособность, ненужность человѣка или вещи; нѣкоторые татары имѣютъ его въ придачу къ своей фамиліи. Крымскіе армяне тоже, по словамъ о *Сапарова*, употребляютъ это выраженіе, и также въ томъ-же самомъ презрительномъ и нѣсколько бранномъ смыслѣ—негодности человѣка. Наше слово — *«битракъ»*, происхожденіе котораго указывается (словарь Брокгауза) отъ татарскаго холостой, которое въ горномъ Крыму звучитъ совсѣмъ иначе (ёргенъ), и только нѣсколько подобно у ногайцевъ (*бойдахъ*), вѣроятно, ведетъ свое начало отсюда-же. Не могу не вспомнить, что и у французовъ есть точно-такое-же слово--patraque, и къ тому-же значащее также негодность, испорченность; происхожденіе этого слова французамъ неизвѣстно; неужели и оно идетъ отсюда-же? Разъясненія по настоящему вопросу нашихъ оріенталистовъ были-бы весьма желательны
А. Б. Д.

122) Три властителя *Татаріи* — ханъ, калга и нуред-динъ, конечно, во время составленія авторомъ своего описанія находились подъ вліяніемъ

и въ рукахъ ногайскихъ мурзъ, послѣ всѣхъ вышеуказанныхъ событій, гдѣ ногайцы оказались побѣдителями; но родъ *Ширинъ*, первый въ Крыму, не только не ногайскій, но и находился во враждѣ съ ними (см. напр. Смирновъ, op. c., 510, 522, 715 и далѣе). А. Б. Д.

123) Tartar chioppech — татаринъ собака, буквально. Тоже самое почти говоритъ о татарахъ вообще (но описаніе даетъ чистыхъ ногайцевъ) и Бопланъ (op. c., 34), даже увѣряющій, что они родятся слѣпыми, какъ собаки. *Да-Лукка* тоже увѣряетъ, что ногайскія дѣти слѣпы долго послѣ рожденія (op. c. 14, З. О. О. XI, 487). По нашему автору, тоже говорили и турки, и видѣть въ этомъ насмѣшку или выдумку нѣтъ основанія; само замѣчаніе, вѣроятно, произошло изъ дѣйствительнаго наблюденія, по которому новорожденныя дѣти очень узкоглазыхъ ногайцевъ (глаза, какъ щелки) казались какъ-бы слѣпы. А. Б. Д.

124) Allogiare all'hosteria della serena hosteria — постоялый дворъ, а serena чистое небо; буквально непереводимая игра словъ—остановиться въ гостинницѣ чистаго неба. Dal Piovano — подъ дождемъ и вмѣстѣ съ тѣмъ у благочиннаго. Piovano — благочинный; acqua piovano дождевая вода. Игра словъ на созвучіи piovano (отъ латинскаго plebs) и piovano (отъ латинскаго pluvia). Итальянцы и понынѣ въ шутку называютъ дождь — il signor Piovano. Н. П.

125) Фальча — колдунъ или ворожея; бахча значитъ садъ, но здѣсь это слово употреблено тоже въ значеніи гадальщика; назырлйкъ — амулетъ, ладонка съ молитвой или особый родъ камышковъ, носимый отъ сглаза. А. Б. Д.

126) Точнѣе саранча по татарски будетъ—чекиркэ. А. Б. Д.

127) Астрономическія свѣдѣнія нашего автора были весьма невелики, если онъ нашелъ возможнымъ увидѣть затменіе луны въ ея первой четверти. По мнѣнію извѣстнаго астронома, описываемыя д'Асколи не были настоящія затменія и за таковыя авторъ счелъ явленія, находящіяся въ зависимости отъ состоянія нашей атмосферы. По справкѣ у Опольцера (Canon der Finsternisse, Wien. 1887) въ 1633 г. лунныхъ затмѣній вовсе не было, а солнечныя были въ апрѣлѣ и въ октябрѣ, но не въ августѣ; въ 1632 и 1634 тоже не было въ августѣ ни тѣхъ, ни другихъ.
А. Б. Д.

128) Отсюда видно, что сынъ хана скончался въ январѣ 1634 года; о немъ говоритъ и *да-Лукка*, называя его Девлетъ-Гераемъ, но говоритъ, какъ о живомъ; онъ-же о наводненіи, бывшемъ въ Карасубазарѣ въ 1631 г., говоритъ, какъ о прошломъ, случившемся нѣсколько лѣтъ назадъ (op. c., гол. пер. 2, З. О. О. XI, 475, 477); отсюда можно опредѣлить, въ чемъ сомнѣвался его переводчикъ, что *да-Лукка* писалъ ранѣе 1634 года и позже

1631; такимъ образомъ выставленный на его голландскомъ переводѣ 1633 годъ долженъ быть вѣренъ. Выше *д'Асколи* говоритъ, что *да-Лукка* ѣздилъ въ *Чиркасію* нѣсколько лѣтъ тому назадъ, а писалъ о ней, конечно, возвратившись. Чтобы придать большее значеніе солнечному затменію, авторъ говоритъ, будто родъ *Конкизъ* не испуститъ лучей съ этой стороны; это касалось только самого хана *Джаны-бекъ-Герая*, а другихъ ханычей-чингизидовъ, султановъ-*Гераевъ*, было въ *Турціи* сколько угодно.

А. Б. Д.

ХРОНОЛОГІЯ
ОПИСАНІЯ ТАТАРІИ.

1434 (около)	Приходъ ногайцевъ изъ Скиѳіи въ Крымъ.
1604	Переселеніе латинск. христіанъ изъ Сивурташа въ Феччіалу.
»	Польша перестаетъ посылать дары хану татарскому.
»	Начало морскихъ набѣговъ козаковъ.
1611	Шяингирай бѣжитъ въ Персію.
1614	Шяингирай съ персами разбиваетъ татарское стотысячн. войско.
1621	Пораженіе падишаха Османа II поляками подъ Хотиномъ.
1622	Умерщвленіе брата Кандемира зятемъ Махметгирая хана.
1624	Прибытіе д'Асколи въ Крымъ.
»	Назначеніе ханомъ татарскимъ Замбекгирая.
»	Приходъ въ Крымъ 4.000 козаковъ на помощь Шяингираю противъ турокъ и Замбекгирая.
»	Пораженіе турокъ и Замбекгирая подъ Каффой, взятіе Каффы Махметгираемъ, бѣгство Замбекгирая.
»	Морское сраженіе 300 чаекъ съ галернымъ турецкимъ флотомъ и гибель чаекъ.
1625 (около)	Джіованни да-Лукка ѣздилъ въ Чиркасію.
1627	Убійство зятя Махметгирая въ Чиркасіи Салмашой, братомъ Кандемира.
»	Бѣгство Кандемира съ ногайцами черезъ Прекопе.
1628	Осада Бахчисарая, 28 дневная, ногайцами.
»	Приходъ козаковъ въ Крымъ на помощь Шяингираю, освобожденіе отъ осады Бахчисарая.
»	Осада Каффы Махметгираемъ съ козаками.
»	Назначеніе Замбекгирая ханомъ вторично.
»	Прибытіе Замбекгирая съ флотомъ въ Каффу и снятіе осады, 29-го іюня.
»	Бѣгство Шяингирая съ козаками черезъ Арабатъ.
»	Бѣгство Махметгирая черезъ Прекопе.
»	Пораженіе и смерть Махметгирая подъ Прекопе, бѣгство Шяингирая и козаковъ.

1629	Присылка хану подарковъ отъ свѣтлѣйшаго Трансильванскаго.
»	Жестокая чума опустошаетъ Татарію (Крымъ).
1629—1632	Шаингирай губернаторомъ провинціи въ Персіи.
1630	Присылка хану подарковъ отъ Густава-Адольфа.
»	Карасу-базаръ взятъ, разграбленъ и сожженъ козаками.
»	Захватъ и ограбленіе польскими козаками Манкопа.
1631	Наводненіе въ Каразіо.
»	Удачное морское сраженіе козаковъ съ турецкими галерами.
1632	Шаингирай прибылъ въ Константинополь.
»	Нахожденіе исполинскихъ ископаемыхъ костей въ Тамани.
1633	Посольство хана къ кесарскому величеству.
»	Набѣгъ татаръ на Московію, выводъ 20 т. плѣнныхъ.
»	Юзлеве разграбленъ и сожженъ козаками.
»	Два лунныхъ затменія въ августѣ.
»	Солнечное затменіе 3-го (13) августа.
»	Салмаша выселяется съ ногайцами въ Ромелію.
1634	Смерть единственнаго сына хана Замбекгирая.
»	Латинская миссія отправляется въ Чиркасію.
»	Начало войны съ Польшей и заключеніе мира падишахомъ Мурадомъ IV.
»	Пріѣздъ польскаго посла Стефана Наряоши въ Крымъ.
»	Выселеніе въ Ромелію 30 т. татаръ.
»	Окончаніе постройки харвасарія въ Юзлеве.